Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Костромской государственный университет»

На правах рукописи

Булюкин Дмитрий Александрович

ДЕПУТАТЫ ОТ КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1906–1917 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Белов Андрей Михайлович

Кострома – 2025

Оглавление

Введение 3
Глава 1. Избирательные кампании в I и II Государственные Думы 25
§ 1.1. Учреждение Государственной Думы и отношение к ней провинции 25
§ 1.2. Выборы в Государственную Думу как новое явление общественно-политической жизни 33
§ 1.3. Сословно-социальная характеристика депутатов 79
Глава 2. Выборы в III и IV Государственные Думы 98
§ 2.1. Новый избирательный закон 1907 г. и отношение избирателей к выборам в Костромской и Ярославской губерниях 98
§ 2.2. Изменения в депутатском корпусе. Партийно-политическая характеристика депутатов 111
Глава 3. Депутаты в Государственной Думе России (апрель 1906 – февраль 1917 гг.) 121
§ 3.1. Деятельность депутатов I и II Государственных Дум 121
§ 3.2. Народные представители в III Государственной Думе 158
§ 3.3. Депутаты от Костромской и Ярославской губерний накануне и в годы Первой мировой войны (ноябрь 1912 – февраль 1917 гг.) 180
Заключение 203
Список использованных источников и литературы 211
Приложения 228

Введение

Актуальность темы исследования. Зарождение и развитие парламентаризма в России в начале XX в. представляет собой поле для актуальных научных исследований. Изучение опыта и уроков создания и деятельности Государственной Думы дореволюционной России, избирательных кампаний в провинции, направлений деятельности парламентариев приобретает особое значение в ситуации осмысления законодательной работы современного российского парламента.

Современная ситуация диктует необходимость более пристального внимания к законодательной власти в России, призванной обеспечить обороноспособность страны, эффективную работу экономики, консолидацию общества и социальную справедливость. Обращение к историческому региональному опыту будет способствовать научной разработке проблемы.

Системный анализ выборов в России в начале XX в. и деятельности членов Государственной Думы имеет теоретическое и практическое значение, позволяя углубить знания о политической истории страны. Немаловажно на основе опыта прошлого сформулировать такой политический образ народного избранника, который мог бы стать ориентиром для современных российских депутатов и политиков в целом.

Исследование избирательных кампаний в Костромской и Ярославской губерниях, представляющих Центральную Россию с русским населением, позволяет глубже понять механизм выборов в дореволюционную Думу, выявить сложности, с которыми сталкивалась власть при организации выборов и участвовавшее в них население, а также понять местные особенности протекавших процессов в масштабе всей страны. Немаловажно определение степени влияния общественного мнения и административного ресурса на состав представителей от провинции. В контексте роли личности в истории возникает потребность в популяризации имен и деятельности депутатов дореволюционного российского парламента.

Объектом исследования является депутатский корпус от Костромской и Ярославской губерний в Государственных думах Российской империи в 1906–1917 гг.

Предметом исследования выступают избирательные кампании в Государственную думу в провинции, а также деятельность народных избранников от Костромской и Ярославской губерний в Государственных думах I–IV созывов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1906 г., когда проходили первые выборы в Государственную Думу и начала работы Думы первого созыва, по 1917 г. – времени революционных потрясений, в результате которых прекратилась работа Государственной Думы, а пришедшие к власти большевики объявили оппозиционные партии вне закона. Данные хронологические рамки полностью соответствуют периоду работы Государственной Думы России I–IV созывов. В то же время в контексте изучения учреждения Думы, подготовки к первым выборам присутствуют события 1905 г. как истока, преддверия парламентаризма в России и времени организационного оформления политических партий.

Территориальные рамки исследования определяются границами Костромской и Ярославской губерний. Изучаемые губернии в начале XX в. представляли собой северо-восточный сектор Центрального промышленного района и входили в состав Верхневолжского региона. Костромская и Ярославская губернии были весьма развиты в промышленном отношении и могут рассматриваться как типичные губернии Центральной России. Это были земские губернии, органы местного самоуправления в которых, особенно в Костромской губернии, выражали либеральные настроения. В данном регионе нашли отражение как общие, так и особенные черты в развитии общественно-политической и экономической российской действительности. Политическая ситуация здесь определялась наличием крупных фабрично-заводских предприятий и значительного количества рабочих, а также активным участием местных крестьян в отходничестве. Особенности Костромской и Ярославской губерний напрямую влияли на общественное мнение и состав депутатов, представлявших данные

губернии, а также оказывали влияние на характер деятельности народных избранников. Вместе с тем деятельность депутатов проходила не только в провинции и с избирателями на местах, но и выходила за рамки изучаемых губерний: депутаты прежде всего осуществляли свои полномочия в столице – Санкт-Петербурге в стенах Таврического дворца.

Степень научной разработанности проблемы. Нельзя сказать, что проблемы, находящиеся в центре внимания данной диссертационной работы, совсем не рассматривались исследователями. Однако степень укорененности парламентаризма в провинции, выражение костромскими и ярославскими депутатами интересов избирателей разных сословий, обобщение конкретного участия провинциальных депутатов в Государственной Думе первого, второго, третьего и четвертого созывов нашли отражение в историографии лишь в общем виде или контексте изучения иных проблем.

В историографии темы можно условно выделить три этапа: дореволюционный (1905–1917), советский (1917–1991) и современный (с 1991 г.). На каждом этапе содержательность и полнота выводов исследователей определялись свойственными эпохе особенностями, культурными, идеологическими и цензурными рамками. Немаловажно учитывать накопленные знания и выводы представителей зарубежной историографии, прежде всего труды иностранных историков и представителей русской эмиграции.

Манифест 17 октября 1905 г., предоставивший подданным политические и гражданские свободы, стимулировал осмысление современниками текущих событий, в частности, становления политических партий в России, происходивших в стране выборов в Государственную Думу и деятельности депутатов. За 1906–1917 гг. современниками, очевидцами и участниками событий было создано множество трудов, как правило, публицистического характера. С одной стороны, их работы отчасти поверхностны и ошибочны в выводах и оценках, с другой – содержат дух того времени, когда они создавались и которое для нас – хронологический отрезок

исследования. Это работы представителей интеллигенции[1], теоретиков и идеологов кадетской партии[2], а также различных общественно-политических деятелей того времени[3]. Дореволюционные авторы изучали различные аспекты избирательных кампаний и парламентской деятельности народных избранников. Представляет интерес работа В. Горна, который разрабатывал методологические основы изучения политических предпочтений избирателей и депутатского корпуса, предпринимал попытки прогнозирования результатов выборов в Думу[4]. Ряд авторов исследовали роль земских деятелей в ходе избирательных кампаний и в работе Думы, видя в земстве истоки русского либерального движения[5].

В дореволюционной литературе содержится множество интересной информации по теме исследования. Следует отметить издание в 1909 г. исследования, содержащего историю возникновения различных политических партий России, характеристику их программы и социальной опоры[6]. Дооктябрьские авторы писали о значении аграрного вопроса в работе Государственной Думы[7]. Исследователи стремились определить влияние традиционного мировоззрения крестьян на их политические предпочтения[8]. Выходили работы, содержащие оценки крестьянских приговоров и наказов, адресованных депутатам Государственной Думы[9]. Изучался вопрос динамики крестьянского отношения к работе Думы[10]. Определенный интерес представляют

---

[1] Герье В. И. Первая русская Государственная Дума. Политические воззрения и тактика ее членов. М., 1906; Герье В. И. Вторая Государственная Дума. М., 1907; Герье В. И. Значение третьей Думы в истории России. СПб., 1912.

[2] Милюков П. Н. Год борьбы. Публицистическая хроника 1905-1906. СПб., 1907.; Кизеветтер А. А. О чем сказано в Манифесте 17 октября. М., 1905.

[3] Обнинский В. П. Новый строй. М., 1909.

[4] Горн В. Прогноз и действительный исход третьих выборов // Современный мир. 1907. № 11. С. 145.

[5] Веселовский Н. И. История земства за сорок лет. СПб., 1911; Белоконский И. П. Земское движение. М., 1914.

[6] Общественное движение в начале XX века / сост. Л. Мартов, П. Маслов, А. Потресов. СПб., 1909.

[7] Прокопович С. Аграрный вопрос и аграрное движение. Ростов-на-Дону, 1906.

[8] Веселовский Б. Аграрное движение в 1907 г. // Образование. 1907. № 8. С. 1–10.

[9] Ольгович С. В. Что сказала деревня Первой Государственной думе (25 апреля – 9 июля 1906). М., 1906.; Чего требует народ от Государственной думы. Наказы и обращения к депутатам Трудовой группы / редкол.: С. И. Бондарев, Г. К. Ульянов, С. М. Корнильев. СПб., 1906.

[10] Маслов П. П. Аграрный вопрос в России. СПб., 1908.

работы партийных публицистов, в которых дается анализ думской тактики и деятельности народных избранников[11]. Таким образом, в дореволюционный период создавались многочисленные, однако не равнозначные по своей научной ценности труды, зачастую не содержавшие решения научно-исследовательских задач. Дореволюционные либеральные авторы были склонны идеализировать законодательную работу членов Государственной Думы, преувеличивать значение представительного органа. В то же время на данном этапе происходило накопление знаний, сбор ценных материалов по изучаемой проблематике.

В советской исторической науке деятельность депутатов Государственной Думы изучалась в основном сквозь призму официальной идеологической доктрины. Свойственная всей советской историографии необходимость отсылки к ленинским взглядам и оценкам наносила заметный ущерб объективности выводов и обобщений историков.

Проблематикой политических партий, выборов и работы Государственной Думы советские историки начали заниматься в 1920-е годы. Изучалась тактика различных политических партий в ходе выборов и в парламентской работе[12]. Исследователи стремились выявить взаимосвязь между поддержкой различными категориями населения партий и партийными программами, отмечали противоречия предвыборной платформы кадетов и октябристов[13]. Предпринимались попытки всестороннего изучения программы, тактики, думской деятельности и эволюции взглядов отдельных политических партий[14]. В 1920-е гг. еще была возможность изучения либеральных, монархических партий и участия в выборах крестьянства. В то же время авторы давали оценку событиям с точки зрения правящей большевистской партии, в частности, изучая влияние левых

[11] Еропкин А. В. Что делала и что сделала третья Государственная Дума. СПб., 1912; Ропп А. Н. Что сделала третья Государственная Дума для народного образования. СПб., 1912.
[12] Слепков А. Н. Классовые противоречия в I Государственной Думе. Петроград, 1923.
[13] Сеф С. Е. Буржуазия в 1905 г. Ленинград, 1926.
[14] Стальной В. А. Кадеты. Харьков, 1929.

партий на избирателей в ходе выборов[15]. Таким образом, на данном этапе в центре внимания исследователей были отдельные аспекты темы. В работах проявлялось стремление подчеркнуть особую роль социал-демократов и их влияние на рабочих и сельских избирателей.

В 1930 – 1940-е гг. наступила новая историографическая ситуация, характеризовавшаяся ужесточением правящего режима, военным временем и культом личности И. В. Сталина. В условиях тотального контроля со стороны власти изучение деятельности правых и центристских партий, участия в выборах сельских избирателей было затруднено. Тем не менее в эти годы была опубликована работа, включающая анализ становления, организационной структуры центральных и провинциальных отделов Союза 17 октября и Партии народной свободы, однако деятельность костромских и ярославских депутатов отдельно в ней не освещается[16].

Новое обращение к теме произошло после Великой Отечественной войны и проявилось в пересмотре многих предшествующих стереотипов, возрастании интереса к изучению отношения крестьянства к власти и участия хлебопашцев в избирательных кампаниях. Отмечались возрастание интереса крестьян к политике, стремление решить назревшие проблемы, характеризующие политическое сознание земледельцев[17].

В эпоху «оттепели» второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. наблюдается возрастание интереса к дореволюционному парламентаризму в России. К середине 1970-х гг. вышли порядка 40 новых работ, монографий и сборников, связанных с изучаемой темой[18]. Данным трудам были свойственны неравномерность изучения политических партий (правые партии и Союз 17 октября были исследованы лишь

---

[15] Мазуренко С. П. Крестьяне в 1905 г. М., 1925; Мороховец Е. А. Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой революции. Ленинград, 1926; Шестаков А. В. Крестьянская революция 1905–1907 гг. в России. Л., 1926.

[16] Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905-1907 гг. Ленинград, 1939.

[17] Першин П. Н. Крестьянство в революции 1905 г. // Вопросы истории. 1946. № 11. С. 30.

[18] Калинычев Ф. И. Государственная Дума в России. М., 1957; Сидельников С. М. Образование и деятельность первой Государственной Думы. М., 1962; Аврех А. Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1969; Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. (1914–1917) Ленинград, 1967.

отчасти), отсутствие комплексного подхода, а также идеологическая зашоренность. В центре внимания Е. И. Кирюхиной была деятельность Всероссийского крестьянского союза (программные документы съездов, численность провинциальных организаций), однако влияние различных политических партий на сельских избирателей осталось вне поля зрения автора[19].

Новое обращение к исследованию деятельности членов Государственной Думы произошло в 1970-е – 1980-е гг. Следует отметить переиздание в 1970 г. монографии Е. Д. Черменского «Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг.», в которой автор впервые рассмотрел комплекс историографических источников по работе I и II Государственных Дум. Черменский предпринял попытку определить численность и социальный состав партий, участвовавших в выборах, охарактеризовал их программу и тактику, уделил внимание думской деятельности депутатов. Монографии В. В. Шелохаева рассматривают программные документы и деятельность партий либерального лагеря, состав губернских и уездных организаций кадетов и октябристов. Предпринимается попытка комплексного изучения социально-политической активности сельского населения в изучаемый период[20]. Заметным в 1980-е гг. стал выход работ авторских коллективов, посвященных костромским и ярославским революционерам, в частности, депутату IV Государственной Думы от Костромской губернии Н. Р. Шагову[21]. Таким образом, несмотря на очевидные особенности и недостатки, советская историческая наука обращалась к исследованию избирательных кампаний и направлений работы членов дореволюционной Государственной Думы, продолжала накопление знаний, выводов и обобщений по изучаемой проблематике.

---

[19] Кирюхина Е. И. Всероссийский Крестьянский союз в 1905 г. // Исторические записки. 1955. № 50. С. 95–141.

[20] Шелохаев В. В. Партия октябристов в период первой российской революции М., 1987; Шелохаев, В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983.

[21] Революционеры текстильного края / сост. В. А. Балуков, А. П. Воронин, Ю. Ф. Глебов. Ярославль, 1980; В памяти народа: Очерк о революционерах / сост. Б. П. Жижиков, В. Л. Миловидов, И. Е. Травина. Ярославль, 1988.

С 1991 г. история дореволюционного российского парламентаризма подверглась переоценке. Внимание к проблеме альтернативности путей общественного развития привело к созданию исследований, в центре внимания которых были личности членов Государственной Думы и лидеров политических партий, а также работа парламентских фракций. Обширный фактический материал содержится в вышедшей в 1996 г. энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века»[22].

Серьезный исследовательский интерес современные российские историки проявляют к деятельности политических партий и их выдвиженцев на региональном уровне. Внимание к этой теме проявлялось еще в конце 1980-х гг. Выходили работы, отражающие программы политических партий, направления их работы в провинции, деятельность партийных выдвиженцев в отдельных регионах России[23]. Заметным событием в контексте изучаемой проблематики явилась публикация статей конференции, проходившей в Ярославле в сентябре 2008 г. и посвященной региональному аспекту российского либерализма. Выступления исследователей на данной конференции включали ценные сведения об отношении избирателей верхневолжских губерний к различным политическим партиям, об общественно-политической деятельности наиболее активных представителей партий в регионе[24].

Правовой статус членов Государственной Думы, их полномочия, прерогативы представлены в монографии В. А. Демина, в которой автор обращается к предпосылкам создания Государственной Думы в России, рассматривает механизм ее функционирования, анализирует структуру Думы и основы деятельности членов дореволюционного российского парламента[25].

---

[22] Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия / под ред. В. В. Шелохаева. М., 1996.

[23] Холяев С. В. Участие политических партий в борьбе за власть в 1917 году: на материалах Верхневолжских губерний: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 1998 и др.

[24] Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль, 2008.

[25] Демин В. А. Государственная Дума России: механизм функционирования. М., 1996.

В монографии Р. А. Циунчука поднимаются проблемы отсутствия всеобщих равных выборов в парламент, анализируются ограничения и трудности выбора депутатов, связанные с действием избирательных законов[26]. Определенный интерес представляет диссертация Р. Б. Ромова, демонстрирующая влияние фракции правых, их взглядов, ценностей на деятельность депутатов Государственной Думы третьего созыва[27]. Обращает на себя внимание монография А. А. Иванова, содержащая обширный фактический материал по взглядам и практическим решениям думской фракции правых в области внутренней и внешней политики в период Первой мировой войны[28]. В диссертации А. А. Дорошенко показаны особенности и поворотные моменты думских дебатов при обсуждении важнейших законодательных актов в период работы I–IV Государственных Дум сквозь призму деятельности правых депутатов[29]. Диссертация Ф. И. Долгих рассматривает избирательные кампании в III и IV Думы, причины изменения состава депутатского корпуса, законодательную деятельность депутатов в этот период, а также взаимоотношения парламента и правительства[30].

В контексте изучаемой проблематики немаловажны работы российских провинциальных историков. В центре их внимания находилась деятельность либеральных партий в Костромской губернии[31], хроника рабочего движения в Костромской губернии в ходе Первой русской революции, выборов в Думу и в условиях работы парламента[32]. Ряд исследователей изучал деятельность организаций политических партий – РСДРП, эсеров, кадетов, октябристов,

---

[26]Циунчук Р. А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань, 2004.

[27] Ромов Р. Б. Фракция правых в III Государственной Думе: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2003.

[28] Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М., 2013.

[29] Дорошенко А. А. Правые в Государственных Думах Российской империи: автореф. дис. … канд. ист. наук. Самара, 2003.

[30] Долгих Ф. И. Правые в III и IV Государственных Думах России: 1907–1917 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2004.

[31] Матвиевский И. Н. Либеральное движение в российской провинции в начале XX века: на материалах Костромской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2012.

[32] Новиков А. В. Рабочее движение в Костромской губернии. 1906 – февраль 1917 г.: Хроника. Кострома, 2005.

монархистов среди рабочих Центрального промышленного района, в том числе Костромской и Ярославской губерний[33]. Исследователи обращались к проблематике крестьянского движения в Верхнем Поволжье и отношении крестьянства к аграрной реформе П. А. Столыпина[34]. Определенный интерес проявлялся к агитации политических партий среди крестьянства Костромской и Ярославской губерний[35]. Рассматривалась активность либеральных депутатов Костромской губернии в Думе первого и второго созывов[36]. Взаимоотношения интеллигенции и кадетской партии изучались сквозь призму событий Первой российской революции[37]. Реализацию столыпинских реформ по Ярославской губернии также изучали местные историки[38]. Ярославские исследователи не обходили своим вниманием и выборы в I и II Думы от Верхневолжских губерний и деятельность депутатов-кадетов[39]. Отношение избирателей, особенно трудящихся ярославских фабрик и заводов, представлено в форме статистического анализа рабочего движения в регионе[40]. Деятельность костромских и ярославских депутатов отражена местными историками в энциклопедии, включающей обзорные статьи по всем членам Государственной Думы I–IV созывов[41]. Определенный интерес исследователей связан с личностью и деятельностью А. И.

---

[33] Белов А. М. Политические партии и рабочие Центрального промышленного района в революции 1905–1907 гг. Кострома, 1997.

[34] Волков Н. В. Крестьянское движение в Верхнем Поволжье (1905–1917 гг.). Кострома, 1990.

[35] Сулоев И. Н. Деятельность политических партий среди крестьян Верхнего Поволжья в 1905–1907 гг.: на материалах Костромской и Ярославской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2015.

[36] Смирнов И. М. Костромские кадеты в социально-политической жизни России в годы Первой русской революции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2015.

[37] Баранов А. Н. Интеллигенция и конституционно-демократическая партия накануне и в годы первой российской революции: опыт взаимоотношений: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2000.

[38] Самолетов И. Д. Отношение ярославского крестьянства к землеустроительной политике правительства. // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. С. 328–332.

[39] Марасанова В. М. Депутаты-кадеты от Верхневолжских губерний в I и II Государственных Думах // Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры. Ярославль, 2008. С. 294–300.

[40] Мейерович М. Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 – феврале 1917 г. Хроника. Ярославль, 1995.

[41] Государственная дума России. Энциклопедия в 2 т. М., 2006. Т. 1. / редкол.: Б. Ю. Иванов, А. А. Комзолова, И. С. Ряховская. М, 2006. С. 442–443.

Коновалова, костромского депутата в IV Государственной Думе и видного российского предпринимателя[42].

Зарубежная историография обращалась к изучению думской деятельности известных представителей политических партий дореволюционной России. Авторы подчеркивали противоречия российского самодержавия и зарождающегося в стране парламентаризма. Западными исследователями предпринимались попытки оценить возможности либеральной альтернативы в России[43]. В 1920-е – 1930-е гг. основой зарубежной историографии, характеризующейся в это время публицистичностью и слабой источниковой базой, во многом были работы представителей русских эмигрантов, прежде всего П. Н. Милюкова и В. А. Маклакова[44]. М. М. Карпович, исследовавший деятельность либеральных деятелей в Государственной Думе, подчеркивал оппозиционность кадетских представителей правительству[45]. Данная проблематика получила развитие в трудах Дж. Фишера, который в работе членов Партии народной свободы видел стремление осуществить «западные ценности в незападной стране» и отмечал отсутствие социальной опоры для российских либералов в лице среднего класса[46]. Сложным и противоречивым взаимоотношениям парламента и правительства посвящена работа Дж. Хоскинга, который основательно изучал направления работы членов Государственной Думы, а их оппозиционность объяснял стремлением сохранить поддержку своих избирателей[47]. В 1980-е гг. зарубежные исследователи, получившие возможность пользоваться материалами советских архивов, особый интерес проявляли к выдвиженцам Партии народной свободы и подтвердили некоторые выводы отечественной историографии, в частности, о роли представителей интеллигенции в ходе избирательных кампаний

---

[42] Петров Ю. А. Московская буржуазия в начале XX в.: предпринимательство и политика: автореф. дис. … доктора ист. наук. Москва, 1999; Малышев А. П. Социально-экономические взгляды и деятельность А. И. Коновалова: дис. … канд. ист. наук. Кострома, 2004.

[43] Фликке Г. Демократия или теократия. Русская революция 1905 г. Осло, 1995.

[44] Маклаков В. А. Речи: судебные, думские и публичные лекции, 1904-1926. Париж, 1949; Милюков П. Н. Год борьбы: публицистическая хроника 1905 – 1906. СПб., 1907.

[45] Карпович М. М. Два типа российского либерализма. Маклаков и Милюков. Кембридж, 1950.

[46] Фишер Дж. Российский либерализм. От дворянства к интеллигенции. Кембридж, 1958.

[47] Хоскинг Дж. Российский конституционный эксперимент: правительство и Дума. Лондон, 1973.

в Государственную Думу. В исследовании Р. Пайпса предпринимается попытка показать особую роль интеллигенции, прежде всего кадетов и представителей земского самоуправления, в зарождении и развитии парламентаризма в России[48]. Следовательно, в зарубежной историографии многочисленные аспекты изучаемой темы исследованы лишь отчасти.

Таким образом, исследователями был внесен большой вклад в разработку комплекса проблем, связанных с депутатами Государственной Думы, был накоплен богатый фактический материал. В то же время некоторые выводы авторов нуждаются в расширении и уточнении. Практически отсутствуют подробные исследования личностей и деятельности костромских и ярославских народных избранников всех четырех Дум, сопоставление избирательных кампаний в I–IV Государственные Думы по Костромской и Ярославской губерниям.

Целью диссертационного исследования является комплексное изучение выборов и основных направлений деятельности депутатов дореволюционных Государственных дум от Костромской и Ярославской губерний.

Задачи:

1. Определить восприятие населением провинции учреждения Государственной думы и отношение избирателей к выборам;
2. Выявить особенности проведения и поворотные моменты, результаты избирательных кампаний в Государственную думу по Костромской и Ярославской губерниям;
3. Охарактеризовать социальный и партийно-политический состав депутатского корпуса;
4. Определить основные направления работы депутатов в парламенте и с избирателями на местах;
5. Дать оценку взаимоотношениям власти, политических партий, населения и народных избранников в ходе избирательных кампаний и работы Государственной думы;

[48] Пайпс Р. Россия при старом режиме М., 2004.

6. Выделить основные тенденции и особенности в деятельности депутатов от Костромской и Ярославской губерний в разные периоды истории I, II, III, IV Государственных дум.

Источниковая база исследования. При написании диссертационного исследования был изучен широкий круг опубликованных и архивных документов. Особое внимание уделено введению в научный оборот ранее не использованных документов и переосмыслению уже известных источников из центральных и региональных архивов. Источниковая база исследования включает документы центральных архивов (Государственный архив Российской Федерации и Российский государственный исторический архив) и двух региональных (Государственный архив Костромской области и Государственный архив Ярославской области). Использованные источники по происхождению и функциональному назначению можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют официальные документы нормативно-правового характера, исходящие от власти. К ним относятся: Манифест об Учреждении Государственной Думы от 6 августа 1905 г., Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г., Правила о применении и введении в действие Учреждения Государственной Думы и Положения о выборах в Государственную Думу от 18 сентября 1905 г., Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г., Указ об изменении Положения о выборах в Государственную Думу и изданных в дополнение к нему узаконений от 11 декабря 1905 г., Закон «Об утверждении Государственной Думы» от 20 февраля 1906 г.; свод «Основных государственных законов» от 23 апреля 1906 г., Положение о выборах в Государственную Думу от 3 июня 1907 г. и др[49]. Данная группа источников отражает позицию власти и ее решения, определяющие сущность и характер Думы, полномочия депутатов, порядок проведения избирательных кампаний, условия предоставления избирательных прав и т. д.

[49] Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи / сост. И. Б. Борисов, Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. И. Лысенко. М., 2008.

Во *вторую группу* источников входит делопроизводственная документация. Прежде всего это документы государственных учреждений, отражающие внимание властей к выборам в Государственную думу и деятельности этого учреждения. К ним относятся личные дела депутатов, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Не успели завести личные дела для депутатов Думы первого созыва вследствие короткого срока ее работы. Немаловажны дела особого делопроизводства по выборам в Государственную думу и Государственный Совет, находящиеся в РГИА. В местных архивах важнейшим источником являются фонды канцелярий костромского и ярославского губернаторов, которые предоставляют информацию об отношении властей к проведению избирательных кампаний. Фонды губернских по земским и городским делам присутствий также содержат значимую информацию по организации процедуры выборов. Фонды губернских по делам о выборах в Государственную думу комиссий отражают данные по организационной деятельности в период выборов в Государственную думу и участие властей в этом процессе. Наконец, фонды губернских жандармских управлений включают информацию, собираемую полицией на местные отделы партий и их видных деятелей, что дает возможность выявить позицию органов правопорядка на деятельность политических партий и депутатов и проследить их активность в провинции. Большой исследовательский интерес представляют циркуляры Министерства внутренних дел, отчеты и распоряжения губернаторов, списки избирателей по губерниям, анкеты выборщиков. Немаловажны стенографические отчеты заседаний Государственных дум и указатели к ним, которые позволяют определить позиции костромских и ярославских депутатов в ходе думской работы, их активность в ходе заседаний в Таврическом дворце[50].

В качестве *третьей группы* выступают документы, отражающие деятельность политических партий по выборам, часть из которых опубликована. Прежде всего это программные документы партий; протоколы и резолюции партийных съездов, конференций и заседаний; предлагавшиеся проекты и запросы

[50] Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв 1907 г. СПб., 1907.

в Думе[51]. К данной группе источников следует отнести труды лидеров общественно-политических движений и партий в дореволюционной России, их выступления, публицистические и научные труды видных представителей кадетской партии, в которых были рассмотрены этапы выработки программных решений[52]. При всей специфике такого рода документов, в которых неизбежно отражаются субъективизм и ангажированность авторов, они содержат свидетельства о важных аспектах политической деятельности, не нашедших отражения в официальных материалах.

Четвертая группа документов представлена источниками личного происхождения, в частности, мемуарами партийных лидеров, губернских властей и самих депутатов Государственной думы[53]. Так, воспоминания П. Н. Милюкова и других видных представителей Партии народной свободы освещают прежде всего центральную, руководящую деятельность кадетской фракции в Думе, а в воспоминаниях одного из лидеров костромских кадетов и депутата I Думы З. Г. Френкеля содержатся ценные данные об общественно-политической жизни на Костромской земле в 1905–1909 гг., участии кадетов в избирательной кампании[54]. Интересен сборник воспоминаний депутатов I Государственной Думы, изданный в 1916 г. и содержащий воспоминания костромского депутата Н. А. Огородникова[55]. Свои воспоминания написал и депутат Думы первого созыва от Ярославской губернии Д. А. Скульский: они до сих пор не опубликованы и ждут своего исследования. Важную информацию о противостоянии костромского губернатора

---

[51] Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. / сост. В. В. Кривенький, Н. Н. Тарасова. М., 1995.; Протоколы центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии / сост. Д. Б. Павлов, Н. И. Канищева. М., 1994.; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК. 1905–1915 гг. / сост. Д. Б.Павлов, В. В. Шелохаев. М., 1996 и др.

[52] Милюков П. Н. Год борьбы: публицистическая хроника 1905–1906 гг. СПб., 1907; Гучков А. И. Сборник речей в Третьей Государственной Думе (1907–1912). СПб., 1912; Набоков В. Д., Каминка А. И. Вторая Государственная дума. СПб, 1907 и др.

[53] Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991; Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011 и др.

[54] Френкель З. Г. Записки о жизненном пути. СПб, 2009.

[55] К 10-летию 1-ой Государственной Думы 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916: Сборник статей перводумцев / сост. Н. А. Бородин, Л. М. Брамсон, А. Н. Букейханов. Петроград, 1916.

А. П. Веретенникова с местными кадетами предоставляют воспоминания князя В. А. Друцкого-Соколинского, служившего в 1907–1913 гг. чиновником по особым поручениям при Веретенникове[56]. Мнение Друцкого-Соколинского является точкой зрения губернских властей и позволяет взглянуть на отношения костромских кадетов с властью глазами ее представителя.

Пятая группа источников – материалы периодической печати. Данная группа представляет особый исследовательский интерес, поскольку раскрывает разные стороны деятельности партий и депутатов в столице и провинции. Столичные и местные газеты того времени показывают участие костромских и ярославских избранников в предвыборной борьбе (митинги, выступления, собрания, выезды в сельскую местность). В ходе думской работы пресса публиковала стенограммы заседаний парламента, переписку депутатов с избирателями, статьи и отчеты народных избранников, депутатские интервью местным корреспондентам. В газетах было найдено множество полезной информации по теме исследования. При работе с данной группой источников были использованы материалы ГАКО, ГАЯО и Российской национальной библиотеки (РНБ), в том числе 44 наименования центральных, костромских и ярославских газет, выходивших в разные годы изучаемого периода.

Таким образом, в работе использовались различные источники, неодинаковые по полноте и объективности отражения проблематики исследования. Применение комплексного подхода и критического сравнительного анализа, а также введение в научный оборот множества данных местного происхождения, особенно материалов периодической печати, позволили воссоздать целостную картину развития парламентаризма в провинции и деятельности депутатов от Костромской и Ярославской губерний в Думах четырех созывов.

---

[56] Друцкой-Соколинский В. А. На службе Отечеству: записки русского губернатора. М., 2010; Друцкой-Соколинский В. А. Да благословенна память: Записки русского дворянина (1880–1914 гг.). Орел, 1996.

Научная новизна исследования заключается в том, что работа является первым комплексным исследованием основных направлений деятельности костромских и ярославских депутатов, их партийных и политических предпочтений, а также достигнутых результатов их парламентской деятельности. Впервые проводится комплексное изучение деятельности депутатов I–IV Государственной Думы типичных губерний Верхневолжского региона и Центрального промышленного района России – Костромской и Ярославской. На основе широкого круга источников анализируются избирательные кампании, мотивы участия в выборах представителей различных категорий населения, отношение избирателей к партиям, депутатам и деятельности Думы. Раскрываются сложный и противоречивый опыт политической борьбы в провинции и в процессе работы представительного учреждения, степень укорененности парламентаризма в изучаемых губерниях, а также выражение народными избранниками интересов различных категорий населения. Ценность данного исследования заключается во введении значительного числа архивных материалов в научный оборот.

Указанные положения соответствуют следующим направлениям исследования специальности 5.6.1. Отечественная история ВАК при Минобрнауки России: 2. Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности; 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; 7. История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности; 14. История политических партий и общественных движений России; 16. История российских революций; 24. История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что материалы диссертации, ее выводы и обобщения, использованные источники могут быть применены при дальнейшей разработке проблем политической истории России XX столетия, в особенности при изучении опыта российского парламентаризма. Диссертационные материалы целесообразно

использовать при написании научных исследований, проведении лекционных курсов, в краеведческой работе. Значимость работы состоит и в выработке на основе изучения опыта прошлого комплекса мер и рекомендаций для современных депутатов по работе с избирателями.

Методология и методы исследования. В основу исследования положены принципы научной объективности и историзма. Первый подразумевает рассмотрение всех возможных позиций, мнений и фактов, связанных с проблематикой исследования, с целью максимального приближения к пониманию истинной картины произошедшего. В свою очередь принцип историзма предполагает выявление причинно-следственных связей, закономерностей и тенденций, формулирование выводов и обобщений. Изучение темы осуществлялось путем использования таких общенаучных методов, как исторический – для всестороннего рассмотрения изучаемых событий и явлений во всем их многообразии, и логический – для определения внутренних связей и характерных черт исследуемых объектов. Автором применялись также специальные исторические методы: системный, позволяющий рассмотреть взаимодействие власти, политических партий и их выдвиженцев, а также избирателей в ходе выборов и работы Думы, проблемно-хронологический – для выявления изменений тактики парламентской работы депутатов Думы I–IV созывов, сравнительно-исторический, использованный для сопоставления выборов и деятельности депутатов по губерниям и уездам. В работе были использованы методы, заимствованные из других наук: социально-психологический – для характеристики предпочтений избирателей и личностей депутатов, статистический – для анализа результатов избирательных кампаний. Только комплексное применение различных методов позволило решить задачи исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Учреждение законодательной Государственной Думы явилось вынужденной уступкой властей в условиях массовой революционно-стачечной борьбы. Восприятие населением провинции Манифеста 17 октября было неоднозначным. Представители интеллигенции приветствовали царский манифест

на фоне черносотенных погромов в Костроме и Ярославле и тревожности части обывателей ввиду новых порядков. Деятельность будущих членов Государственной Думы на этапе ее становления заключалась в работе в органах местного самоуправления, организации местных отделов политических партий, поиске единомышленников для участия в политической борьбе.

2. Выборы членов Государственной Думы первого созыва явились первым опытом организации избирательной кампании. В провинции сложилась новая общественно-политическая ситуация, позволившая партиям и их выдвиженцам легально проводить агитацию. Стремясь обеспечить благоприятный для себя состав Думы, власти организовали сложную многоступенчатую процедуру выборов при отсутствии всеобщего избирательного права. Деятельность будущих депутатов на данном этапе заключалась в их активности на митингах, собраниях, встречах, выездах в сельскую местность, распространении партийной литературы, выражении своих взглядов в дебатах и дискуссиях.

3. Население Костромской и Ярославской губерний выражало левые настроения. Образованные избиратели стремились к партийно-политическому самоопределению, многие боялись преследований со стороны властей. Кадетские представители в 1906 г. были наиболее левыми участниками избирательной кампании. РСДРП и ПСР выдвинули тактику бойкота выборов, которая, однако, не имела успеха у избирателей Костромской и Ярославской губерний. На выборах депутатов второй Думы левые отказались от тактики бойкота, при этом власти законодательными мерами продолжали ограничивать избирательные права от народа. Новым явлением в 1907 г. стало создание в Костроме предвыборного блока левых и кадетов, в Ярославле такой блок не сложился. Члены III и IV Думы избирались по новому закону 3 июня 1907 г., предоставившего преимущества в составе выборщиков имущим слоям населения. Укрепились позиции поддерживаемого властью Союза 17 октября, с 1912 г. заметную роль стала играть Прогрессивная партия.

4. Выборы и деятельность депутатов проходили при активном воздействии административного ресурса. Власть справедливо опасалась оппозиционности

созываемой Думы. В Костроме администрация открыто препятствовала деятельности кадетских выдвиженцев, в Ярославле губернатор действовал более осторожно в расчете, что выборы отвлекут население от революционной борьбы. Власти обеих губерний использовали влияние печати: в Костроме делалась ставка на прессу с целью раскола блока кадетов и социал-демократов, в Ярославле губернатор опирался на монархическую печать.

5. От Костромской губернии в каждую Думу проходили 6 депутатов, от Ярославской – 5. За 1906–1917 гг. в парламенте работали 24 костромских и 20 ярославских представителей, всего 44 депутата. Членами I Думы от Костромской губернии были четверо кадетов, один беспартийный прогрессист и один социал-демократ. Ярославская губерния была представлена пятью депутатами-кадетами. Во II Думе представителями от Костромской губернии стали четверо кадетов, один народный социалист и один большевик, от Ярославской губернии – пять депутатов-кадетов. В III и IV Думы ввиду изменения избирательного закона прошли более умеренные депутаты. В III Думе Костромской край был представлен тремя октябристами, одним умеренно правым, одним кадетом и одним большевиком, Ярославская губерния – одним октябристом, одним беспартийным правым, двумя беспартийными умеренными и одним кадетом. В Думу четвертого созыва от Костромской губернии прошли три кадета, два члена Прогрессивной партии и один социал-демократ, от Ярославской – два члена Прогрессивной партии, один кадет и один представитель фракции центра.

6. Успех деятельности депутатов на этапе выборов зависел от их опыта работы в земском и волостном правлении, наличии врачебной, судебной или адвокатской практики. Зрелость кандидата в депутаты, его высокие нравственные качества и безупречная репутация, наличие конкретного опыта защиты народных интересов обеспечивали депутатам поддержку избирателей. Успешность деятельности депутатов, их активность в Думе были прямым следствием их сословного происхождения и образования. Депутатам дворянского происхождения и представителям интеллигенции было легче выполнять свои полномочия, выступать

с речами, работать в думских комиссиях, чем парламентариям из рабочих или крестьян.

7. Деятельность парламентариев протекала по нескольким направлениям: работа в Таврическом дворце Санкт-Петербурга (общие заседания, думские комиссии, фракционные собрания, голосование), деятельность за его пределами (командировки, встречи с представителями власти и земляками), работа в провинции (губернские земские собрания, городские думы, отчеты, встречи с избирателями, интервью, написание публикаций для местных газет, решение конкретных проблем на местах). Костромские и ярославские депутаты, как правило, выступали с левых, оппозиционных власти позиций. Депутаты-октябристы в III Думе поначалу поддерживали курс правительственных реформ. В плане законодательной работы в центре внимания депутатов I и II Думы были попытки решения аграрного вопроса, финансово-экономические вопросы и стремление добиться от властей соблюдения положений, дарованных Манифестом 17 октября. Депутаты III Думы участвовали в обсуждении и принятии решений по вопросам обороны, аграрной политики, рабочего вопроса, народного образования, строительства путей сообщения и др. В годы Первой мировой войны депутаты внесли значительный вклад в организацию фронта и тыла, решение продовольственных проблем, организацию госпиталей в провинции и иные вопросы военного времени.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены автором на Международных научных конференциях «Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв.» (Иваново, 2021, 2023); Всероссийских научно-практических конференциях с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований» (Уфа, 2021, 2022); на Всероссийской научно-практической конференции «М.М. Сперанский и опыт социально-политического реформаторства в отечественной истории» (Владимир, 2022); Научной межвузовской конференции «Сапоговские штудии–2022. Актуальные вопросы гуманитарного знания» (Кострома, 2022). По материалам диссертации

опубликовано 11 статей, в том числе 4 – в рецензируемых журналах, включенных в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных положений кандидатских и докторских диссертаций.

Структура диссертации включает Введение, три главы, Заключение, Список использованных источников и литературы, Приложения.

Глава 1. Избирательные кампании в I и II Государственные Думы

§ 1.1. Учреждение Государственной Думы и отношение к ней провинции

Зарождение и развитие парламентаризма в дореволюционной России стало следствием революционных событий 1905 г. и прошло ряд этапов. На первом этапе царская власть надеялась ограничиться проектом законосовещательной Думы. В ходе т. н. Петергофских совещаний 19, 21, 23, 25 и 26 июля 1905 г. рассматривались предложения министра внутренних дел А. Г. Булыгина. Под председательством императора Николая II собрались 43 человека: министры, члены Государственного Совета, великие князья и специально приглашенные лица, среди которых были историки В. О. Ключевский и Н. М. Павлов. Наиболее консервативно настроенные участники совещаний настаивали на введении чисто сословных выборов, отвергая смешанную сословно-цензовую систему выборов. Они не могли отменить создание парламента, уже предрешенное государем, но стремились ограничить права будущей Думы. В итоге был принят проект Булыгинской Думы, выражающий надежду властей на избрание «вполне надежных депутатов»[57]. 6 августа 1905 г. император утвердил Положение о выборах в Думу одновременно с манифестом об учреждении Думы. Власти делали ставку на традиционные монархические взгляды русского крестьянства. В целом право голоса получили ограниченные категории лиц: землевладельцы и крупные собственники. В то же время рабочие и интеллигенция были ограничены в своих избирательных правах. Так, в городах принять участие в выборах могли прежде всего домовладельцы и наиболее состоятельные плательщики квартирного налога: «Лица, владеющие в пределах города на праве собственности или пожизненного владения недвижимым имуществом, оцененным для обложения городским сбором: в столицах – в сумме не менее трех тысяч рублей, а в остальных городах – в сумме не менее одной тысячи

[57] Петергофское совещание о проекте Государственной думы под личным его императорского величества председательством: секретные протоколы. Берлин, 1910. С. 102.

пятисот рублей»[58]. Население изучаемых губерний выражало неудовлетворенность Булыгинской Думой, что подтверждает рост общественного движения в провинции летом–осенью 1905 г. В Костроме и Ярославле продолжались революционные митинги и демонстрации.

Сложившейся в провинции ситуацией воспользовались социал-демократы. В Костроме местная организация РСДРП укрепила свои позиции летом 1905 г. в связи с учреждением здесь 1 июля нелегального комитета партии. В губернский центр были направлены большевики А. К. Гастев, И. Д. Мордкович, Б. В. Морковин, проводившие с костромскими трудящимися организационную работу по подготовке к всеобщей стачке и вооруженному восстанию[59]. Активизировались и эсеры, опиравшиеся на своих сторонников среди трудящихся и учащейся молодежи. Летом–осенью 1905 г. среди костромских рабочих большой популярностью пользовался энергичный и решительный эсер И. С. Батуговский, организовывавший ежедневные сходки рабочих, пикеты, «не останавливающийся перед насильственными действиями»[60]. Когда стало известно о выдаче расчета всем рабочим-стачечникам, Батуговский возглавил делегацию трудящихся и «в беседе с костромскими фабрикантами и полицмейстером пригрозил в противном случае разгромом фабрик, добившись прекращения увольнения рабочих»[61]. Хотя сами эсеры в печати утверждали о симпатиях рабочих к Батуговскому перед прибывшими социал-демократами из Ярославля, в целом эсеровская организация в Костроме уступала социал-демократам, влияние которых здесь преобладало. В то же время в Костроме не наблюдалось вооруженных столкновений между рабочими и правительственными войсками. В этой связи пружинами партийного воздействия революционных партий на рабочих было Депутатское собрание, вырабатывающее единые требования бастующих костромичей и координирующее их действия. Социал-демократы и эсеры устраивали на реке Костроме массовые собрания всех

[58] Полное собрание законов Российской империи. Т. 25. СПб., 1908. С. 406–407.
[59] Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями, 1905–1907 гг. / сост. Д.И. Антонюк. М.,1979. С. 78.
[60] ГАРФ. Ф. 124. 1905. Д. 1147. Л. 5 об.
[61] Революционная Россия. 1905. 15 октября.

бастующих, готовя путем политической агитации сочувствующих им рабочих[62]. В Ярославле местные большевики рассчитывали на поддержку учителей и земских служащих, способных повлиять на настроения рабочих и крестьян. Так, на собрании ярославских педагогов 9 июля большевики во главе с В. Р. Менжинским сумели завоевать симпатии учителей, победив в острой полемике прибывшего из Москвы эсера Бунакова[63]. Выполняя постановление III съезда партии под боевым лозунгом о вооруженном восстании, местные большевики укрепляли связи с рабочей массой, создавали рабочие кружки, организовали боевую дружину и расширяли издательскую деятельность. Ярославский комитет РСДРП добивался от рабочих, крестьян и солдат открытых политических выступлений. С этой целью был выпущен 40-тысячный тираж прокламаций под названиями «Ждать нельзя», «Земская депутация» и «Булыгинская Дума»[64]. Тем не менее в этот период не было крупного выступления ярославских рабочих.

Кульминацией общественного движения стала Всероссийская октябрьская политическая стачка, в которой участвовали трудящиеся, особенно рабочие-железнодорожники, а также служащие, педагогические работники, студенчество. Всероссийский железнодорожный союз (ВЖС) осенью 1905 г. имел сильное влияние на рабочих изучаемых губерний. В связи с бойкотом Булыгинской Думы вопрос о всеобщей стачке обсуждался еще в июле 1905 г. на Втором съезде ВЖС. Большевики на съезде призывали к всеобщей стачке, призванной перерасти в вооруженное восстание с целью «борьбы за сосредоточение власти в руках государственного собрания из представителей народа»[65]. Они настаивали на открытых выступлениях всех демократических слоев к моменту выборов в Государственную Думу[66]. Однако преобладавшие в ВЖС эсеры считали стачку

---

[62] Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями, 1905–1907 гг. / сост. Д.И. Антонюк. М.,1979. С. 83.
[63] Ярославль: очерки по истории города / сост. П. Андреев, Л. Генкин, П. Дружинин, П. Козлов. Ярославль, 1954. С. 216.
[64] Паялин Н. П. Волжские ткачи. М., 1936. С. 204.
[65] Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905–1907 гг. / под ред. Г. Д. Обичкина. М., 1956. С. 89.
[66] Пушкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975. С. 136.

конечной целью борьбы, призванной добиться от царского правительства предоставления законодательных прав Думе. Как видно, взгляды эсеров и большевиков сходились по вопросу всеобщей стачки. Во Всероссийской политической стачке бастовало 750 тысяч железнодорожников, составлявших 1/3 всех участников стачки. В Ярославле первыми 3–4 октября выступили рабочие Ярославской железнодорожной мастерской, затем «10 октября забастовали рабочие железнодорожных мастерских станций Урочь и Ярославля; стачка железнодорожников продолжалась до 22 октября»[67].

В Костроме также наблюдались революционные выступления, однако здесь далекие от политики обыватели зачастую испытывали тревожность и беспокойство: «Уже в самом начале демонстрации, когда взвилось знамя, в части публики, среди гуляющих посторонних элементов, началась паника. Попав в революционную стихию, благовоспитанные девицы, юноши и несколько благовоспитанных особ, судорожно заметались, и постарались скорёхонько, через боковые ворота унести ноги»[68]. Недовольные нарушением привычной размеренной жизни костромские торговцы и извозчики не всегда понимали значение лозунгов «свобода слова и собраний», «забастовка», «свобода печати». Они считали виновниками беспорядков учащуюся молодежь. Когда по Русиной улице в Костроме местные извозчики с кнутами преследовали группу студентов, прохожие поинтересовались о причине конфликта. В ответ извозчики заявили: «Государя ругают. Государя, говорят, не надо»[69]. В Костроме и Ярославле власти и духовенство призывали общественность к порядку. Городская дума Костромы пыталась выработать меры по прекращению беспорядков[70]. Ярославские священники в своих проповедях говорили об уступках императора в виде созыва Булыгинской Думы и необходимости «истинно русским людям показать, что они

---

[67] Дружинин, П. Н. Революционное движение в Ярославской губернии в 1905–1907 годах. Ярославль, 1955. С. 51.
[68] Караваев П. 1905 г. в Костроме, из воспоминаний участника. 1905 год в Костроме. Кострома, 1926. С. 42.
[69] Костромской листок. 1905. 2 октября.
[70] Размолодин М. Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. Ярославль, 2001. С. 27.

заслуживают оказываемого им с высоты Престола доверия и великой чести»[71]. Ярославская городская Дума призывала для «водворения порядка и спокойствия в государстве осуществить Высочайшую волю о созыве народного представительства»[72]. Однако указанные действия властей не имели существенного успеха. В этих условиях Николай II подписал 17 октября 1905 г. манифест об усовершенствовании государственного порядка, провозглашавший своим п. 3 «как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной думы»[73]. Подданным империи предоставлялись политические права и свободы: свобода совести, свобода слова, свобода собраний, свобода союзов и неприкосновенность личности (см.: приложение 1).

Опубликование манифеста 17 октября было неоднозначно встречено в изучаемых губерниях. Прежде всего растерянность выразила провинциальная печать: «Непривычно было в легальной газете читать почти революционные статьи»[74]. В Костроме после издания манифеста монархисты, усомнившиеся в сохранении самодержавной власти царя, устроили черносотенные погромы. Власти усилили полицейский и административный контроль. В Ярославле церковным иерархам предписывалось «всеми мерами стараться содействовать успокоению населения, являться на место беспорядков с крестом в руках и силой убеждения укрощать буйствующую толпу»[75]. Вместе с тем среди ярославских трудящихся в конце октября 1905 г. «нашлись умные головы, которые по случаю манифеста 17 октября пригласили попов, дабы в честь дарованных свобод отслужить молебен, а часть рабочих даже восторгалась, когда дьякон Федоровской церкви провозгласил многие лета всем борцам за свободу»[76]. Провинциальная интеллигенция восторженно встретила дарованные властью свободы. В то же время определенная

---

[71] Ярославские епархиальные ведомости. 1905. № 40. 2 октября.
[72] Северный край. 1905. № 145. 25 октября.
[73] Ежегодник Министерства Иностранных Дел. 1906. СПб., 1906. С. 21.
[74] Караваев П. 1905 г. в Костроме, из воспоминаний участника. 1905 год в Костроме. Кострома, 1926. С. 55.
[75] Зырянов, П. Н. Православная Церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С. 91–92.
[76] Ярославль в первой русской революции: сборник материалов по истории революции 1905 г. в Ярославской губернии / под ред. П. Н. Груздева, Ж. М. Гутман, Н. Г. Пальгунова. Ярославль, 1925. С. 240.

часть населения испытывала тревожность ввиду новых порядков. В изучаемых губерниях продолжались революционные выступления, митинги, демонстрации и стачки. Так, в Ярославской губернии в ноябре продолжали бастовать рабочие табачных фабрик Дунаева и Вахрамеева. 15 ноября началась общая забастовка рабочих Большой мануфактуры в Ярославле. Экономические и политические требования бастующих рабочих заключались в следующем: «повышение зарплаты, 8-часовой рабочий день, ежегодный двухнедельный оплачиваемый отпуск, государственное страхование, свобода слова, совести, стачек, союзов, неприкосновенность личности, увольнение управляющего фабрикой Грязнова и т. д.»[77].

В условиях дезорганизации власти и управления в провинции в октябре–декабре 1905 г. массово создавались боевые дружины и отряды милиции. Так, по Ярославлю в донесениях местной полиции сообщалось, что «сначала Городской Думой была организована невооруженная милиция, а затем местные политические и общественные организации из среды своих членов образовали вооруженные дружины»[78]. Одновременно вооруженные формирования создавались и в Костроме. Боевая дружина РСДРП, включавшая как добровольцев, так и получавших плату бойцов, здесь образовалась к 25 октября[79]. Вооруженные формирования, действовавшие в Костроме и Ярославле как объединенная сила, имели большой вес на фабриках и в городах, вынуждая считаться с ними местных жителей[80].

Отношение населения провинции к предстоящим выборам в I Государственную Думу было различным. Образованная его часть полагала, что от правильного выбора депутатов Думы «зависит судьба нашего первого представительного учреждения и до известной степени судьба Родины»[81]. Состав

---

[77] Ярославль: очерки по истории города. / П. Андреев, Л. Генкин, П. Дружинин, П. Козлов. Ярославль, 1954. С. 231.
[78] ГАРФ. Ф. 102. Д. 1800. Л. 18.
[79] ГАРФ. Ф. 102. Д. 1800. Л. 8об.
[80] ГАРФ. Ф. 102. Д. 1800. Л. 71об.
[81] Поволжский вестник. 1906. № 8. 17 марта.

Государственной Думы должен был определить направления развития страны на долгие годы. Хорошо информированные корреспонденты писали, что «просвещенные и мыслящие избиратели уже тайно или явно причислили себя к какой-нибудь из наших многочисленных политических партий»[82].

В то же время отмечалась политическая наивность значительного числа избирателей, плохо разбиравшихся в вопросах политической жизни и легко попадавших под влияние партийных агитаторов. С одной стороны, некоторые избиратели выражали сомнения и даже свое отрицательное отношение: «Еще будет ли Дума-то, пожалуй, и выборы не состоятся. Какой-то не то индифферентизм, не то разномыслие чуются. Думы не будет. Ей бойкот и с обструкцией. Этой фальсификацией никто не хочет травиться. Доколе Витте будет злоупотреблять нашим терпением! И что мне Дума, и что я ей! И меня не соблазнят думские кресла, у меня у самого есть кресло вольтеровское. А я и без Думы обойдусь! Ах, Боже мой! Опять о Думе! И без нее надоели все эти агитации, провокации, прокламации, пертурбации. Будет так будет, и пусть будет… Нам не до того!»[83].

С другой стороны, многие понимали значение происходивших событий, но испытывали опасения и страх перед власть предержащими: «Мы и пошли бы, да там казаки и городовые. А мы хоть и за все свободы, а в пасть реакции не полезем! Ежели чему и суждено быть, тому не миновать, и пусть Дума будет. Коли приказано, так надо слушаться и исполнять. Нынче в России свобода, то есть на все разрешенье. Хотим – идем, а хотим – сидим. Мне батюшки нашего брат сказывал, что в Думе нам не место, это какая-то фата да морганья что ли. Там, говорит, скажешь крылатое словцо, так и фьють. Не хочешь ли наваг али куниц ловить?»[84].

Однако были и те, кто выражал поддержку Думе и свою готовность участвовать в выборах: «А у нас на фабрике сказывали, что царю, слышь, хочется поближе быть к народу. А то все вокруг него какие-то дырократы. Дума спасет

---

[82] Поволжский вестник. 1906. № 8. 17 марта.
[83] Поволжский вестник.1906. № 1. 7 марта.
[84] Там же.

Россию. Все так взбудоражено, так разбито, что население не может быть успокоено, когда так все море всколыхнулось»[85].

Таким образом, Государственная Дума в России была создана в качестве вынужденной уступки самодержавия в условиях массовой революционно-стачечной борьбы. Нарастание общественного движения в провинции свидетельствовало о неудовлетворенности провинции законосовещательной Булыгинской Думой. Учреждение представительного органа с законодательными полномочиями явилось важной вехой в становлении российского парламентаризма.

Издание манифеста 17 октября привело к расколу общества по вопросам отношения к дарованным императором правам и свободам, восприятия провинцией нового представительного органа. Население Костромской и Ярославской губерний к положениям манифеста 17 октября отнеслось по-разному. Одобрение царского манифеста и готовность участвовать в выборах, тревожность и страх перед властью, а также политическая наивность характеризовали восприятие разными категориями населения предстоящих выборов в Государственную Думу. Монархисты, сомневавшиеся в сохранении самодержавной власти царя, организовали черносотенные погромы в губернских центрах. После 17 октября ослабление государственной власти, создание боевых дружин и отрядов рабочей милиции вели к поляризации сил и дальнейшему противостоянию с самодержавием. В то же время возрастание общественно-политической активности в провинции, возможность легально заявлять о своих взглядах способствовали выдвижению энергичных, неравнодушных людей, способных в скором времени участвовать в выборах в Государственную Думу первого созыва.

[85] Поволжский вестник.1906. № 1. 7 марта.

§ 1.2. Выборы в Государственную Думу как новое явление общественно-политической жизни

Избрание членов Государственной Думы первого и второго созывов проходило согласно Положению о выборах 11 декабря 1905 г. В дальнейшем избирательные законы корректировались: менялись круг избирателей, избирательные цензы, менялось количество избираемых депутатов: «по избирательным законам 1905–1906 гг. дума состояла из 524 депутатов, по закону 1907 г. – из 442, с 1910 г. – из 446»[86].

Реализация избирательных прав населением предполагала наличие положительных или отрицательных условий их предоставления. Избиратели, которые подходили под отрицательные условия, лишались избирательных прав. Имеющие право участия в выборах могли отдать свой голос, если в течение года перед составлением списков избирателей удовлетворяли положительным условиям, необходимым для включения в одну из курий[87]. Основания лишения избирательных прав были во многом заимствованы из законов о земских выборах. Не имели права участия в выборах иностранцы; лица моложе 25 лет; женщины; учащиеся; военные на действительной службе; бродячие инородцы; признанные виновными в серьезных преступлениях; отрешенные от должности по суду; состоящие под судом и следствием; банкроты; состоящие под опекой; лишенные духовного сана за пороки; исключенные из сословных обществ по приговорам; губернаторы и их помощники, а также полицейские[88]. Всего 16 категорий подданных лишались права участия в выборах членов Государственной Думы. Под опекой кроме несовершеннолетних находились глухонемые, душевнобольные и признанные расточителями[89]. В России по сравнению с другими странами было

---

[86] Парамонов В. Н. Электоральная практика российских политических партий в выборах в Государственную Думу в 1906–1912 гг. // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5. С. 88.
[87] Демин В. А. Государственная Дума России: механизм функционирования. М., 1996. С. 15.
[88] ГАКО. Ф. 198. Оп.1. Д. 13. Л. 78.
[89] Гессен В. М. Русское государственное право. СПб., 1909. С. 209.

больше условий лишения избирательных прав, а также предусматривались «презумпция виновности и вечный характер большинства лишений избирательных прав»[90].

Основой положительных условий предоставления избирательных прав был имущественный ценз. Правительство полагало, что именно собственники были особенно чувствительны к изменениям государственного курса и обладали здоровым консервативным мышлением. В то же время из этого принципа было сделано исключение для крестьян. Избрание членов Государственной Думы проходило по четырем куриям: землевладельцы, городские избиратели, крестьяне и рабочие.

Положение о выборах от 11 декабря 1905 г. расширило и дополнило круг избирателей, имеющих право участия в выборах по закону 6 августа 1905 г. Голосовать по землевладельческой курии имели право лица, владеющие землей не менее года в размере не ниже полного ценза, а также те, кто владел не менее года любым количеством земли, обложенным земскими сборами. К участию в выборах допускались управляющие и арендаторы имений, уполномоченные от настоятелей церквей всех исповеданий, владеющих в уезде землей. Избиратели по городской курии должны были владеть недвижимостью в городе, уплачивать в пределах города не менее года квартирный налог, или записывать на свое имя в течение года городскую квартиру. Власть стремилась ограничить влияние на избирательные кампании представителей интеллигенции, зачастую снимавших квартиры в городах[91]. Крестьянская курия давала право голоса приписанным к сельскому обществу домохозяевам. Предоставление избирательных прав рабочим осуществлялось лишь в губерниях, где численность рабочих превышала 10 тысяч. Среди 46 таких губерний были Костромская и Ярославская.

Правительство рассчитывало на традиционные верноподданнические настроения крестьянства. Результаты выборов в губернских избирательных

---

[90] Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908. С. 295.

[91] Крыжановский С. Е. Воспоминания: из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 86.

собраниях зачастую зависели от выборщиков крестьянской курии, как правило, державшихся вместе. Однако хлебопашцы не были готовы к такому ответственному делу, зачастую не доверяя политическим партиям и «совершенно не разбираясь в партийных программах»[92]. Случалось, что крестьянским выборщикам приходилось выбирать депутатов по жребию либо по указанию земского начальника.

В процессе выборов членов Государственной Думы стало ясно, что избирательная система нуждалась в совершенствовании. Согласно избирательному закону 6 августа 1905 г. выборы были многоступенчатыми: для городской курии двухступенчатые, для землевладельческой и рабочей курии трехступенчатые, для крестьянской курии четырехступенчатые. Сложная и громоздкая система организации выборов сочеталась с отсутствием всеобщего избирательного права. У самодержавия не было опыта проведения избирательных кампаний. В отличие от западных демократий в России не были предусмотрены создание института общественных наблюдателей и проверки хода и результатов выборов парламентом или судьями.

В целом население провинции не было удовлетворено отсутствием всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права и голосованием по куриям, что выразилось в настроениях избирателей весной 1906 г. Положение о выборах 11 декабря 1905 г. расценивалась образованными избирателями как «заплата», дополнившая закон 6 августа 1905 г[93]. Более того, в дальнейшем самодержавие на волне спада революционно-стачечной борьбы внесло консервативную правку в законодательную основу работы созываемой Думы. Итогом этой правительственной линии стали акты 20 февраля 1906 г.: манифест «Об изменении Учреждения Государственного Совета и о пересмотре Учреждения Государственной Думы», «Учреждение Государственной Думы» и указ «О переустройстве Учреждения Государственного Совета». Однако вышесказанное не устранило противоречий в российском обществе: наиболее консервативная его

[92] Фурман И. Г. Первая государственная дума. М., 1950. С. 268.
[93] Костромской голос. 1906. № 30. 28 февраля.

часть видела в созыве Думы в любом варианте покушение на основы государственного строя, власть самодержца и исторические устои России; в свою очередь революционная общественность в деятельности правительства усматривала нарушение положений манифеста 17 октября.

Согласно Основным законам, верховная самодержавная власть и власть управления во всём объёме принадлежали императору, однако законодательную власть он осуществлял в единении с Государственным Советом и Государственной Думой. Провозглашалось, что «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения государем императором»[94]. Государственная Дума обладала правом законодательной инициативы, она обсуждала и утверждала государственный бюджет и имела право делать запросы членам правительства. В то же время согласно 87 статье Основных законов на период перерыва или прекращения работы Думы предоставлялось право обсуждения законопроектов в Государственном Совете с утверждением их Высочайшими указами, сразу вступающими в силу.

Сознавая потенциальную оппозиционность созываемого парламента, власти готовились к его открытию. 7 апреля 1906 г. на заседании Совета министров Николай II, выразив сомнение в подготовленности правительства к взаимодействию с членами Государственной Думы, заявил о возможности перенести дату открытия парламента с целью качественной подготовки правительством законопроектов по ключевым вопросам[95].

В конце 1905 – начале 1906 гг. в провинции сложилась новая общественно-политическая ситуация, наложившая отпечаток на характер, условия и особенности выборов членов Государственной Думы. В целом жители провинции, «особенно крестьянское население, обнаруживали высокий интерес к выборам и активно к ним готовились»[96].

---

[94] Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1999. С. 522–524.
[95] Костромская речь. 1906. № 20. 13 апреля.
[96] Костромской голос. 1906. № 30. 28 февраля.

В ситуации складывавшейся в стране многопартийности в Костромской и Ярославской губерниях образовались местные отделения политических партий. Партии в ходе предвыборной борьбы стремились заручиться поддержкой провинциальных избирателей, а их выдвиженцы развернули агитацию и стали кандидатами в депутаты созываемой Думы. Именно политические партии, выдвигавшие из своей среды кандидатов в депутаты Государственной Думы, стали основными участниками предвыборной борьбы весной 1906 г.

Что касается тактики левых партий, то весной 1906 г. эсеры и социал-демократы провозгласили бойкот выборов в Государственную Думу. Представители РСДРП обладали значительным опытом подпольной деятельности, агитационной работы в рабочей, крестьянской и солдатской среде и в изучаемых губерниях осуществляли свою деятельность посредством Северного комитета. После апреля 1905 г. входившие в состав Северного комитета Ярославская (с Рыбинском и Ростовом) и Костромская группы стали самостоятельными местными комитетами РСДРП. В Костроме нелегальный комитет РСДРП был создан 1 июля 1905 г. Это способствовало укреплению здесь социал-демократов.

В свою очередь единая организация ПСР в предреволюционный период в Костроме и Ярославле не сложилась. В Ярославле с 1904 г. работало местное отделение Союза Народных Учителей ПСР. Эта эсеровская группа стала основой для создания весной 1905 г. единой организации ПСР в Ярославле. Организация социалистов-революционеров в Ярославле была создана во многом усилиями Софьи Германовны Хренковой, высланной из Москвы за революционную деятельность. С. Г. Хренкова прибыла в Ярославль 13 марта 1905 г. и в течение года возглавляла местных эсеров[97]. В Костроме организационное оформление местных эсеров произошло также в ходе революции. С 1904 г. в Костроме существовали разрозненные группы социалистов-революционеров. Здесь эсеры обладали поддержкой среди трудящихся и учащейся молодежи, однако комитет ПСР образовался лишь осенью 1905 г, что подтверждается документами

[97] ГАЯО. Ф.912. Оп.1. Д.11. Л.7-7об.

Костромского губернского жандармского управления[98]. Губернские комитеты ПСР в Костроме и Ярославле образовались в 1906 г. Они во многом опирались на представителей городской интеллигенции. В условиях преследований со стороны полиции эсерам здесь не удалось провести ни одного губернского съезда[99]. Рассчитывая на усиление революционного движения, представители левых, социал-демократы и эсеры, придерживались тактики бойкотирования выборов в I Думу.

Осень 1905 г., особенно события Всероссийской октябрьской политической стачки, а также опубликование манифеста 17 октября явились импульсом для образования либеральных партий. Прежде всего речь идет о конституционно-демократической (кадетской) партии или Партии народной свободы. Ее первый «учредительный съезд состоялся 12–18 октября 1905 г. в Москве в ходе октябрьской политической стачки»[100]. Избрание ЦК, обсуждение и принятие устава и программы кадетской партии произошли на данном съезде[101]. Социальной опорой кадетов были интеллектуалы, выдающиеся представители российской интеллигенции, вот почему данную партию называли «профессорской партией». Вслед за учредительным съездом кадеты начали активную созидательную работу по образованию в общероссийском масштабе сети местных партийных организаций. В целом их усилия были успешны: в течение октября–декабря 1905 г. в провинции стали работать 72 кадетские организации, созданные на основе идейных предшественников – «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов»[102]. В числе наиболее активных их членов были ученые самых разных направлений, земские деятели, представители городского самоуправления, известные адвокаты. В Костроме местное отделение кадетской партии было образовано в ноябре 1905 г. К концу 1906 г. во всех уездных городах

[98] ГАРФ. Ф.102. Оп.233. Д.80. Л.6.
[99] ГАКО. Ф.133. Оп.38. Д.4. Л.4
[100] Политическая история России в партиях и лицах / сост. В. В. Шелохаев. М., 1993. С. 88.
[101] Протоколы ЦК конституционно-демократической партии 1905–1911 гг. / сост. Д. Б. Павлов, Н. И. Канищева. М., 1994. С. 8.
[102] Вестник Партии народной свободы. 1906 г. № 3.

Костромской губернии были созданы отделения кадетской партии[103]. В селах Вичуга, Парское, Пучеж, Майданово, Писковское образовались отделы данной партии. Летом 1906 г. численность кадетских организаций в Костромской губернии насчитывала 600 человек, в том числе около 170 человек в самой Костроме. Заметную роль на данном этапе играли такие видные деятели местных кадетов, как земский врач З. Г. Френкель, присяжный поверенный Н. А. Огородников, а также губернский предводитель дворянства П. В. Шулепников. Френкель и Огородников стали кадетскими выдвиженцами на выборах депутатов Думы первого созыва. Кадеты имели сильную поддержку в костромских губернском земстве и губернском дворянском собрании, выражавших левые настроения.

В свою очередь в Ярославле отделение кадетской партии появилось 5 ноября 1905 г. В последующие полгода местные кадеты образовали отделы в Ростове, Рыбинске, Угличе, Мологе, Романове-Борисоглебске. Представители Партии народной свободы пытались найти поддержку и в сельской местности. К моменту выборов членов I Государственной Думы численность кадетов в Ярославской губернии достигала 600 человек[104]. Большую роль в консолидации ярославских кадетов сыграл князь Дмитрий Иванович Шаховской, вскоре избранный членом Государственной Думы первого созыва от Ярославской губернии. Шаховской участвовал в работе предшественников Партии народной свободы – нелегальных и оппозиционных самодержавию организациях: «Союзе земцев-конституционалистов» и «Союзе освобождения», появившихся в 1903 г.»[105]. Хорошо осведомленный Д. И. Шаховской достаточно высоко оценивал деятельность и влияние кадетов в это время на Костромской и Ярославской земле. Он разделял мнение ярославские кадетов, полагавших, что опасна не революция, а анархия, и стремившихся добиваться от самодержавия соблюдения положений

---

[103] Шелохаев, В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 301.
[104] ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 105. Л. 12.
[105] Степанов С. А. Кадеты (Конституционно-демократическая партия) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2006. № 8. С. 51.

манифеста 17 октября[106]. На заседании ЦК кадетской партии 13 ноября 1905 г. Шаховской высказался за активизацию агитации кадетской партии и расширение ее социальной опоры путем проведения губернских съездов партии: «Важна была подготовительная работа к съезду губерний. Состав был не партийный, а всесословный»[107]. Д. И. Шаховской констатировал отказ крайних партий от соглашений с кадетами. Князь подчеркивал важность укоренения кадетов в земских уездных управах, однако влияние однопартийцев в губернских управах считал недостаточным. Шаховской призывал активизировать работу среди крестьянского населения. Позитивно он отзывался об организаторской работе костромских и ярославских профессоров, адвокатов и даже некоторых офицеров, разделявших кадетскую программу (см.: приложение 1). Таким образом, весной 1906 г. кадеты в провинции представляли организованную, весьма влиятельную силу, готовую участвовать в выборах. На данном этапе выдвинулись активные, мыслящие члены данной партии, включившиеся в борьбу за поддержку избирателей.

Активность торгово-промышленных слоев населения по защите своих прав отразилась в создании политической партии под названием «Союз 17 октября». Впервые октябристы упоминаются 30 октября 1905 г[108]. Местные отделения октябристов в Костроме, Ярославле и Рыбинске возникли в конце 1905 г[109]. В Ярославле 27 ноября 1905 г. в здании городской управы состоялось собрание 200 представителей местной буржуазии под председательством крупного ярославского заводчика Вахрамеева. Было принято решение создать союз, политическая и экономическая программа которого основывалась на манифесте 17 октября. Собравшиеся рассчитывали, что данный союз перерастет в «целую политическую партию, депутаты которой составят центр в будущей Государственной Думе»[110]. В дальнейшем эта организация оформилась в Ярославское отделение партии

[106] ГАРФ. Ф. 102. Д. 1800. Л. 9–12.
[107] Протоколы ЦК конституционно-демократической партии 1905–1911 гг. / сост. Д. Б. Павлов, Н. И. Канищева. М., 1994. С. 8.
[108] Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1970. С. 197.
[109] ГАРФ. Ф. 102. Д. 828. Л. 2об.
[110] Северный край. 1905. № 283.

октябристов. Выражая удовлетворение положениями манифеста 17 октября, члены данной партии рассчитывали на поддержку со стороны губернской администрации в организационном оформлении партии. Ярославские фабриканты-октябристы, стремясь к наведению порядка на своих фабриках, адресовали заявление в городскую управу с выражением поддержки политике С. Ю. Витте по успокоению России и призывали правительство принять более жесткие меры по борьбе с забастовочным движением. В то же время противоречия и разногласия среди предпринимателей привели к созданию осенью 1905 г. и других региональных партий буржуазии, среди которых наиболее выделялась Торгово-промышленная партия. Ее программу подписали 87 довольно видных представителей деловой элиты Центрального промышленного района, среди них – крупный представитель костромских предпринимателей А. И. Коновалов. Избирательная платформа партии была близка октябристской: полная поддержка правительства в деле успокоения России, одобрение положений манифеста 17 октября, принятие либеральных законов для экономического развития страны[111].

Общественно-политическая ситуация в России осенью 1905 г. способствовала консолидации правого лагеря. Крайне правые организации в провинции в это время создавались под весьма оригинальными названиями. Так, портной А. К. Касаткин и инспектор торговой школы В. К. Геккер возглавили «Сусанинское общество» в Костроме[112]. В Ярославле в ноябре 1905 г. был создан местный отдел Союза Русского народа[113]. Деятельность правых имела целью противодействие либеральным и революционным силам. Многие правые деятели в это время испытывали сомнения: остался ли император самодержавным правителем в результате учреждения Государственной Думы? По их мнению, сохранение вековых устоев российской государственности, преодоление революционной стихии во многом зависело от силы и твердости правительства и уверенности самодержца в правильности проводимой политики. Так, на приеме у

---

[111] Первая революция в России взгляд через столетие / редкол.: А. П. Корелин, С. В. Тютюкин. М., 2005. С. 568.
[112] РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906. Д. 157. Л. 138.
[113] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 595. Л. 1.

императора 23 декабря 1905 г. присутствовавшие ярославские правые спросили царя: «Действительно ли 17 октября объявлен лишь новый порядок издания законов, но самодержавная власть этим актом нисколько не ограничивается?»[114]. В целях поддержки самодержавия и распространения верноподданнических настроений монархические партии стали использовать в Ярославле и других городах провинции огромные помещения военных манежей для организации митингов своих сторонников[115]. Это говорит о попытках правых использовать тактику революционных партий в расчете на массовую поддержку населения.

Подводя итоги вышесказанного, можно констатировать, что в условиях складывавшейся в стране многопартийности в выборах членов Государственной Думы первого созыва готовились принять участие кадеты, октябристы, представители Торгово-промышленной партии. Правые, испытывавшие сомнения в сохранении самодержавной власти императора, должны были противодействовать либеральным и революционным деятелям.

Очень важным моментом в осмыслении избирательных кампаний в Государственную Думу является вопрос о политике центральных и местных властей в ходе выборов, их позиции, активности, степени вмешательства в процедуру избрания депутатов. В исторической литературе зачастую недооценивается влияние административного ресурса: «Во время выборов в первую Государственную Думу представители правительства и местного управления вели себя полностью не заинтересованно»[116]. Председатель Совета министров России С. Ю. Витте также отрицал воздействие властей на результаты выборов[117].

Между тем правильная организация избирательной кампании, успешное проведение выборов на всех этапах во многом было обусловлено позицией и действиями властей, которые весной 1906 г. в Костромской губернии представлял

---

[114] Русское знамя. 1906. 9 января.
[115] Русский народ. 1906. 2 апреля.
[116] Леонтович В. В. История либерализма в России. М., 1995. С. 445.
[117] Карабущенко П. Л. Имперские элиты России в воспоминаниях графа С. Ю. Витте // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. № 87. С. 16.

губернатор генерал-лейтенант А. А. Ватаци, а в Ярославской губернии – известный правый деятель А. А. Римский-Корсаков. Обладая широким набором административных средств и методов воздействия на процедуру выборов, власти изучаемых регионов заняли разные позиции в отношении избрания членов Государственной Думы.

В воспоминаниях кадетского выдвиженца, земского врача, избранного депутатом Государственной Думы первого созыва, Захария Григорьевича Френкеля содержится характеристика общественно-политической ситуации в Костроме в изучаемое время. Он с горечью вспоминал избиение костромскими черносотенцами шествия молодежи с плакатом учащихся семинарии о манифесте 17 октября, когда он по долгу службы оказывал медицинскую помощь раненым и умирающим в полицейском участке. Полицейские, по словам Френкеля, с явным неудовольствием смотрели на действия доктора и все время настойчиво просили его уйти через особую дверь. Френкелю, который не остался в стороне и по телефону обратился к костромскому губернатору, удалось добиться «перевода избитых в больницу»[118]. В то же время Френкель отмечал рост интереса жителей провинции к обсуждению политических проблем. Регулярно посещая костромской клуб – общественное собрание, кадет отмечал заинтересованность присутствовавших к происходившим в стране событиям. В предшествующее время собравшиеся в клубе не проявляли большого интереса к клубной библиотеке, предпочитая игру в карты и буфет, но в начале 1906 г. администрации пришлось значительно расширить каталог получаемых книг, брошюр, газет и журналов, удовлетворяя тем самым спрос участников клуба. Здесь происходило общение наиболее активной части избирателей и партийных выдвиженцев, здесь З. Г. Френкель познакомился с будущим коллегой по парламентской работе – кадетом Николаем Александровичем Огородниковым.

Ярославский губернатор А. А. Римский-Корсаков, надеясь отвлечь население от революционной борьбы, занял более осторожную позицию и не препятствовал

[118] Френкель З. Г. Записки о жизненном пути. СПб., 2009. С. 192.

предвыборной агитации и активности земских либеральных деятелей. Об этом же его просил министр внутренних дел П. А. Столыпин в телеграмме: «Я покорнейше просил бы не препятствовать свободному проявлению деятельности отделений Партии народной свободы»[119]. Губернатор также извлек уроки из событий «кровавой пятницы» в Ярославле 9 декабря 1905 г. В тот день царские войска разогнали демонстрацию рабочих Большой Мануфактуры, были убитые и раненые с обеих сторон. Большое влияние на умы избирателей оказывала периодическая печать. Опираясь на монархическую печать, А. А. Римский-Корсаков должен был учитывать силу левых изданий. Ярославские левые в предвыборной борьбе опирались среди прочего на сатирические издания. В изучаемое время в Ярославской губернии издавался ряд сатирических газет и журналов: «Ярославский колокол», «Ярославская колотушка». «Лихорадка», «Звонарь», «Дубинушка». В названных изданиях высмеивались правые общественные деятели и наиболее одиозные представители ярославского духовенства[120]. Из вышесказанного следует, что в провинции шла напряженная конкурентная предвыборная борьба с использованием административного ресурса, периодической печати и общественного мнения.

В начале избирательной кампании в Государственную Думу первого созыва губернаторы обнародовали сроки и даты выборов. Костромской губернатор А. А. Ватаци распорядился опубликовать в «Костромских губернских ведомостях» и других местных газетах следующую информацию. Руководствуясь правилами 18 сентября 1905 г. о применении и введении в действие Положения о выборах в Государственную Думу, губернатор назначил избирательные съезды по уездам для избрания выборщиков в губернское собрание. По Буйскому уезду съезд уполномоченных от волостных сходов был назначен на 9 марта и уездный съезд землевладельцев на 11 марта, по Варнавинскому соответственно на 9 и 7 марта, по Ветлужскому на 10 и 8 марта, по Галичскому на 12 и 10 марта, по Кинешемскому на 10 и 12 марта, по Кологривскому на 10 и 8 марта, по Макарьевскому на 12 и 10

[119] ГАЯО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 361. Л. 22.
[120] Ярославская колотушка. 1906. № 1. 23 апреля.

марта, по Нерехтскому на 10 и 12 марта, по Солигаличскому на 8 и 10 марта, по Чухломскому на 10 и 8 марта, по Юрьевецкому на 8 и 10 марта, по Костромскому на 8 и 12 марта. Городские избирательные съезды назначались по городам: Буй – на 5 марта, Варнавино – на 8 марта, Ветлуга – на 9 марта, Галич – на 5 марта, Кинешма – на 5 марта, Кологрив – на 9 марта, Макарьев – на 5 марта, Нерехта – на 5 марта, Плес – на 5 марта, Солигалич – на 5 марта, Чухлома – на 7 марта. По Костроме городской избирательный съезд назначался на 9 марта, а съезд уполномоченных от фабрично-заводских рабочих – на 12 марта. 27 марта 1906 г. предстояло проведение губернского избирательного собрания, на которое должны были прибыть выборщики от уездных, городских, крестьянских и фабрично-заводских рабочих в дом Костромского дворянства[121].

В свою очередь ярославский губернатор А. А. Римский-Корсаков утвердил сроки выборов на Ярославской земле, о чем в феврале 1906 г. было извещено население. Съезды уполномоченных от волостей назначались на 10 марта, а съезды уездных землевладельцев – на 11 марта. Городские избиратели во всех городах губернии кроме Ярославля должны были собраться 15 марта. По городу Ярославлю участковые избирательные комиссии открывались 14 марта: 1-го участка – в помещении городской думы, 2-го участка – в народной читальне, 3-го участка – в 3-классном училище имени Н. М. Градусова, 4-го участка – в Тверицком училище. Съезд уполномоченных от рабочих города Ярославля работал 16 марта в помещении городской думы. Съезд городских избирателей Ярославского уезда проходил 17 марта. Губернский съезд уполномоченных от рабочих собирался 19 марта в помещении городской думы. Губернское избирательное собрание было назначено на 26 марта. 22 февраля костромской губернатор телеграфировал заведующему особым делопроизводством по выборам в Государственную Думу, сообщая о количестве образованных отдельных съездов предварительных и городских избирателей: «По Буйскому уезду образовано 14 участков, Варнавинскому – 3, Ветлужскому – 2, Кологривскому – 4, Галичскому – 9,

[121] Костромской голос. 1906. № 30. 28 февраля.

Макарьевскому – 6, Солигаличскому – 6, Чухломскому -3, Костромскому – 8, Нерехтскому – 9, Кинешемскому – 22 и Юрьевецкому – 6 участков. Нерехтской уездной комиссией для города Плеса образован отдельный избирательный съезд от г. Нерехты с одним выборщиком от четырех назначенных для Нерехты»[122].

В организации избирательной кампании не последнее место занимали вопросы финансирования выборов. Костромской губернатор 13 января 1906 г. телеграфировал министру внутренних дел о недостаточности выделенных из казны средств на организацию выборов в губернии. Он указывал на ходатайства уездных предводителей дворянства об отпуске в их распоряжение не менее ста рублей каждому. Это объяснялось большими расходами на распечатку предвыборных объявлений, бланков избирательных бюллетеней, карточек, а также на уплату жалованья писцу и другим служащим канцелярий. Губернатор сообщал, что «штаты канцелярий уездных предводителей дворянства зачастую ограничены до одного писца, дворянские сборы поступают неаккуратно, а выдача содержания писцу производится не ежемесячно, а благодаря случайным поступлениям. Уездный предводитель дворянства вынужден за свой счет совершать до шести поездок на съезды уполномоченных от мелких землевладельцев»[123]. Ходатайство губернатора было удовлетворено. Дополнительно по распоряжению министра внутренних дел 27 января Костромской Казенной палате выдавался кредит «в тысячу четыреста двадцать девять рублей, восемьдесят копеек на покрытие издержек по поездке выборщиков из уездного в губернский город на избирательное собрание»[124]. В губернском собрании выборщикам, имеющим право на получение путевых издержек, выдавалась сумма по расчету пять копеек на версту согласно ст. 47 Правил 18 сентября 1905 г.

Запросы губернских властей в Петербург не ограничивались только финансовой стороной. Еще 11 августа 1905 г. костромской губернатор телеграфировал министру внутренних дел, запрашивая указания, следует ли

---

[122] РГИА. Ф. 1327. Оп. 120. Д. 15. Л. 25.
[123] РГИА. Ф 1327. Оп. 120. Д. 15. Л. 22.
[124] ГАКО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 6. Л. 16.

вносить в списки городских избирателей лиц крестьянского сословия, имеющих право быть избранными в уполномоченные на волостных сходах и одновременно владеющих торгово-промышленными заведениями в городах: «В особенности это важно в том случае, когда одно и то же лицо явится уполномоченным от двух различных съездов в губернское избирательное собрание»[125]. Позднее, 12 января 1906 г. в целях предотвращения возможных недоразумений губернатор просил разъяснений: «Ожидать ли прибытия на съезд избирателей до 9 часов вечера и только после этого времени приступать к подсчету и определению числа уполномоченных от съезда, а затем и к подаче явившимися избирательных записок, или же сама явка избирателей на съезд должна быть ограничена 12 часами дня?»[126]. Из Петербурга прислали необходимые пояснения. Как видно, прослеживается стремление губернской администрации предусмотреть все нюансы и потенциальные проблемы в ходе выборов.

В свою очередь министр внутренних дел П. Н. Дурново санкционировал рассылку в губернии специальной инструкции, предназначенной земским начальникам. Им предписывалось избегать явного вмешательства в процедуру выборов, но наблюдать за действиями оппозиционных партий: социал-демократов, эсеров и кадетов. Земские начальники должны были разъяснять крестьянам необходимость участия в выборах как обязанность верноподданного, а также показывать хлебопашцам недостатки предвыборных программ левых партий. Особое внимание следовало уделять ораторам, которые в своих выступлениях обещали крестьянству безвозмездную и насильственную конфискацию помещичьих земель. Таких агитаторов следовало удалять не официальными представителями власти, а через доверенных лиц. В крайнем случае допускалось применение военной силы. Земские начальники заранее должны были позаботиться о недопущении в помещения выборщиков неблагонадежных лиц. В

[125] РГИА. Ф. 1327. Оп. 120. Д. 15. Л. 12.
[126] РГИА. Ф. 1327. Оп. 120. Д. 15. Л. 27.

случае, «если выборщики пожелали бы избрать неблагонадежных кандидатов, следовало признать такие выборы недействительными»[127].

В ходе избирательной кампании политические партии представляли своих выдвиженцев, намечали кандидатов в выборщики. Так, в Костроме кадетская партия выдвинула 5 своих представителей в выборщики по Костроме. Ее конкуренты, Союз 17 октября и торгово-промышленная партия также выставили своих кандидатов.

Кадеты в это время развернули наибольшую активность. Что представляла собой их программа? Представители данной партии с удовлетворением встретили царский манифест 17 октября. В основе их тактики лежали мирные способы борьбы с самодержавием. Лидеры партии «не спешили объявить о безусловной поддержке царского правительства, требуя от него гарантий в реализации манифеста 17 октября и выдвигая ряд дополнительных требований, направленных на углубление и расширение демократических преобразований в стране»[128]. Кадеты выступали за реформаторский курс правительства, призывали к незамедлительному проведению широких преобразований в политической, экономической и социальной сферах[129].

Поскольку кадеты на выборах являлись наиболее левой партией, вполне понятными стали попытки властей в Костромской губернии им противодействовать. На проходившие в январе 1906 г. митинги среди крестьян Пушкинской и Минской волостей Костромского уезда, на которых выступали кадетские выдвиженцы, явились представители полиции с явно выраженным стремлением «запугать и отвратить крестьян от народных собеседований, устраиваемых местным комитетом конституционно-демократической партии»[130]. Выступавшим на этих митингах видным костромским кадетам Н. А. Огородникову, В. А. Висконту и З. Г. Френкелю местный исправник предписал явиться с разъяснениями по поводу проводимой среди сельских избирателей агитации (см.:

---

[127] Костромской голос. 1906. № 30. 28 февраля.
[128] Шелохаев В. В. Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 94.
[129] Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. / сост. В. В. Кривенький, Н. Н. Тарасова. М., 1995. С. 325.
[130] Костромская жизнь. 1906. 12 января.

приложение 1). Случалось, что полицейские задерживали прямо на собраниях и митингах кадетских ораторов и их аудиторию. Когда костромской губернатор особым предписанием запретил кадетам выступать с агитацией на собраниях, их лидеры обратились к землякам с воззванием, в котором кратко излагали сущность программы своей партии, а также подвергали критике влиятельную в Костроме Торгово-промышленную партию[131].

Политические партии вполне обоснованно понимали важность агитации среди крестьян. Однако активность партий, их агитаторов и ораторов в сельской местности была сопряжена с серьезным риском для их жизни и здоровья. Так, кадет З. Г. Френкель и другие выдвиженцы Партии народной свободы в селах и деревнях неоднократно получали угрозы избиения камнями и палками со стороны местных крайне правых. Одному из костромских кадетов, земскому врачу А. С. Дурново, который в посаде Большие Соли собирал местных жителей и разъяснял им необходимость голосовать на выборах за кадетов, не раз поступали угрозы от местных правых, впрочем, нереализованные[132].

Другим направлением борьбы с левыми со стороны властей было пресечение распространения революционной литературы. Распространителям кадетских книг и брошюр власть грозила арестами. Так, в феврале 1906 г. был арестован полицией деятель Юрьевецкой земской управы П. Д. Горохов за распространение литературы Партии народной свободы. Однако в этой ситуации власть добилась обратного результата. Именно факт того, что Горохов пострадал за свои убеждения, способствовал возрастанию его популярности среди костромичей. Неслучайно П. Д. Горохова костромские крестьяне избрали своим депутатом в Думу первого созыва. Став членом Государственной Думы, он из Петербурга направил костромскому губернатору телеграмму с ироничным намеком: «Заключив меня под стражу, вы создали мне популярность среди крестьян, и вам я обязан доверием, которое мне оказано. Благодарю. Член Государственной Думы Горохов»[133].

---

[131] Костромская речь. 1906. 14 апреля.
[132] Там же.
[133] Первая Государственная Дума: Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной Думы. М., 1906. С. 16.

В марте 1906 г. костромская и ярославская организации конституционно-демократической партии не поддержали идею выборов в Государственный Совет, тем самым выразив оппозиционность правительству. Члены костромского отдела кадетской партии, настаивая на необходимости идти в Государственную Думу, на общем собрании единогласно решили устраняться от выборов в Государственный Совет. На заседании ЦК кадетской партии, которое проходило 5 марта 1906 года в Москве, говорилось: «Выслушали присланные местными комитетами мнения по вопросу об участии в выборах членов Государственного Совета, отрицательные – от Киевского, Ярославского, Орловского, Костромского и положительные – от Одесского, Владимирского и Ржевского»[134]. Однако часть костромских левых выразила свои опасения в связи с политикой кадетской партии: «Отвергая отдельное звено – Государственный Совет – кадеты тем самым уничтожают цепь. Может ли при этом условии работать законодательный аппарат? Такое отношение к нему не содержит ли задатков для дальнейших волнений и неурядиц?»[135].

Для проведения успешной агитации и привлечения избирателей партиям нужны были грамотные, образованные люди, мастерски владеющие искусством слова. С этой целью необходимо было привлечь к работе представителей местной интеллигенции, разделявшей, как правило, левые взгляды и поддерживавшей Партию народной свободы. Костромские кадеты стремились заручиться поддержкой и столичной интеллигенции, в частности, пригласив в Кострому видного петербургского профессора Г. Ф. Шершеневича. Профессор разъяснил собравшимся костромским избирателям преимущества кадетской программы, ответил на интересующие их вопросы.

О влиянии периодической печати на общественное мнение говорит тот факт, что в обоих губернских центрах наиболее активные избиратели, прежде всего из интеллигентской среды, выступали в марте 1906 г. за создание ежедневной внепартийной газеты, призванной беспристрастно и полно выражать «факты, блага

---

[134] Протоколы ЦК конституционно-демократической партии 1905–1911 гг. / сост. Д. Б. Павлов, Н. И. Канищева. М., 1994. С.8.
[135] Поволжский вестник. 1906. № 8. 17 марта.

манифеста 17 октября, правду, прогресс, дальнейшее развитие реформ, успехи Костромского края, Ярославской земли и Поволжья в целом во всех отношениях»[136]. Необходимым направлением работы с электоратом была организация собраний, митингов, встреч с избирателями. Более всех преуспели в этом деле кадетские агитаторы, которые «каждый день и в нескольких местах проводили свою программу, желая получить сочувствующих и в городе, и в деревне»[137].

В ходе избирательной кампании лидеры местных отделений политических партий, партийные выдвиженцы, кандидаты в члены Государственной Думы должны были регулярно проводить встречи с разными категориями избирателей. Наиболее преуспели в этом направлении кадеты. 10 февраля 1906 г. были устроены два кадетских митинга для костромичей. Первый проходил в городской думе, а второй – в читальне имени Островского. В речи кадета Н. А. Огородникова осуждалось уклонение избирателей от участия в выборах, в качестве политической цели кадетов провозглашалось установление в стране народовластия, «порядка, при котором народ не состоял бы под своекорыстной опекой служителей приказного строя, а имел бы возможность сам устраивать свою жизнь»[138]. Огородников выступал за введение всеобщего, прямого, равного и тайного голосования на выборах, а также выражал надежду на органичную законодательную работу в Думе, обладающей реальной властью. Для него Дума с ограниченными, урезанными полномочиями была бессильна. На этом собрании присутствовавшие социал-демократы выступили с резкой критикой кадетов. Они указали на противоречивость классовой позиции кадетов, когда «в эпоху российской буржуазной революции приходится ясно и четко становиться на точку зрения определенного класса»[139]. Социал-демократы заявили о предательстве кадетами революционных интересов и попытке Партии народной свободы парламентским путем снизить накал революционных настроений в народе и тем

[136] Поволжский вестник. 1906. № 1. 7 марта.
[137] Поволжский вестник. 1906. № 8. 17 марта.
[138] Костромской голос. 1906. № 18. 12 февраля.
[139] Костромской голос. 1906. № 18. 12 февраля.

самым поддержать правительство в деле подавления народной борьбы. Раскритиковали противники кадетов на этом митинге и тактику исключительно мирной борьбы, органичной законодательной работы в Думе, когда «вся Россия охвачена гражданской войной и льется кровь борцов за свободу»[140]. Социал-демократы напомнили о методах подавления революции, «собраниях в Михинском сквере, казацких нагайках и пулеметах, расстрелах без суда и следствия по приказу первого офицера, в которых и кроются причины безучастного отношения граждан к митингам кадетской партии»[141].

Менее успешным стало участие в выборах весной 1906 г. представителей Союза 17 октября. Во многом это объяснялось тем, что взгляды октябристов и умеренные положения их избирательной программы не могли в полной мере выражать левые настроения избирателей Костромской и Ярославской губерний. Не без участия левых газет среди населения провинции сформировалось представление о членах данной партии как о капиталистах, стремившиеся прежде всего выражать интересы буржуазии. В местных отделах Союза 17 октября наблюдались несогласованность действий в ходе предвыборной борьбы, отсутствие единства по вопросам методов и форм привлечения избирателей. Большинство костромских и ярославских октябристов главным средством предвыборной борьбы считало печать. Местные отделы Союза 17 октября издавали «воззвания, прокламации и брошюры, имея в своем распоряжении периодические органы печати: так, в распоряжении Ярославского отдела было два печатных издания»[142]. Однако избиратели предпочитали получать информацию из левых газет, в которых октябристские выдвиженцы всячески дискредитировались. Результатом стал тот факт, что в I Думу от Костромской и Ярославской губерний не прошел ни один октябрист. Не способствовал успеху представителей Союза 17 октября подбор ими ораторов и агитаторов, среди которых в тот момент не наблюдалось эффективных, ярких людей, сравнимых с кадетскими выдвиженцами.

---

[140] Там же.
[141] Там же.
[142] Шелохаев В. В. Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 117.

На встречах с избирателями, митингах и собраниях октябристы, как правило, не выдерживали конкуренции с ораторами Партии народной свободы. Когда сторонники Союза 17 октября в ходе избирательной кампании раздавали в Костроме билеты на лекцию приглашенного столичного оратора, многие костромичи отказывались брать приглашения. На лекцию в Дворянское собрание пришли в основном представители местной буржуазии, но и они отмечали неубедительность октябристской программы. Организатор лекции октябрист Зимин объяснял это усталостью приезжего гостя и обещал аудитории «привезти новых ораторов»[143].

В свою очередь представители Торгово-промышленной партии распространяли брошюры и листовки во всех уездах Костромской и Ярославской губерний. В Кинешемском уезде Костромской губернии при магазине городского головы Куфтина открылось бюро данной партии. К работе в нем местные лидеры партии стремились привлечь служащих и рабочих, однако те избегали сотрудничества с Торгово-промышленной партией, поскольку ее члены, подобно октябристам, воспринимались как капиталисты, интересы которых противоречили интересам трудящихся. В Кинешме устраивались собрания сторонников Торгово-промышленной партии в клубе, занявшем роскошные купеческие апартаменты. Здесь купцы за чаем обсуждали выборы с крайне правых позиций. На этих собраниях по сообщениям левых корреспондентов «трактирные политики призывали к избиению жидов и студентов, а затем снова возвращались к повседневным делам своим по части наживы»[144]. Таким образом, при бойкотировании выборов эсерами и социал-демократами, определенной растерянности крайне правых, слабой популярности в изучаемых губерниях Союза 17 октября и Торгово-промышленной партии наибольший успех сопутствовал кадетам.

Выборы членов Государственной Думы проходили по четырем куриям, о чем говорилось выше. При этом особое значение имела позиция наиболее

[143] Костромской голос. 1906. № 19. 14 февраля.
[144] Там же.

многочисленной части населения – крестьянства. Избирательный закон по отношению к хлебопашцам устанавливал следующий порядок выборов:

1. Каждая волость избирает на волостном сходе 2 уполномоченных в уездный съезд.

2. Уездный съезд избирает из своей среды выборщиков в губернское избирательное собрание.

3. На губернском избирательном собрании крестьяне прежде всего избирают из своей среды одного депутата в Государственную Думу и затем вместе с другими сословиями участвуют в выборах остальных депутатов.

Как видно, для крестьян предусматривались четырехстепенные выборы с учетом выборов волостных уполномоченных. Процедура выборов в провинции выявила непропорциональность крестьянского представительства. Так, по Костромской губернии каждая волость избирала двух уполномоченных независимо от размера волости и численности населения. Следовательно, и Уренская волость Варнавинского уезда (75 селений и 2430 дворов), и Юрьевецкая волость Макарьевского уезда (4 селения и 314 хозяйств) выбирали одинаковое количество уполномоченных. В свою очередь представительство от уездов также было непропорциональным. В Костромском уезде каждый уполномоченный на уездном съезде был избран «55 выборщиками, в Варнавинском – 51, в Нерехтском – 37, в Кологривском – 32»[145].

В ходе выборов крестьяне со свойственными им практическим складом ума и житейским опытом быстро осознали несовершенства избирательного закона по отношению к их сословию. Собравшиеся на сходы земледельцы выдвигали требования участия женщин в выборах депутатов Государственной Думы. Так, обеспокоенность костромской губернской администрации вызвало одно из собраний крестьян, съехавшихся со всех уездов Костромской губернии, на котором «необходимость предоставления женщинам избирательных прав была признана единогласно и без прений»[146]. На выборах крестьяне Костромской губернии

[145] Поволжский вестник.1906. № 3. 14 марта.
[146] Поволжский вестник.1906. № 3. 14 марта.

выражали отрицательное отношение к местным представителям октябристов и торгово-промышленников, «сытым благодетелям вроде Соколова, Ботникова, Моргонова, Морокина, которые отрицали всеобщие выборы даже для мужчин»[147]. Таким образом, понимая несовершенства избирательной системы, хлебопашцы сомневались в избрании депутатов, способных выражать их интересы: «В выборщики от крестьян при четырехстепенности выборов и отсутствии предвыборных свобод (слова, собраний и печати) попадут все те же кулаки и богатеи. При выборах в уездные избирательные собрания от многих волостей попали разные лесопромышленники»[148].

Выявляя факторы, обусловливавшие выбор депутатов от крестьян, с учетом менталитета хлебопашцев можно утверждать об определенных надеждах сельских избирателей на созываемую I Государственную Думу. В надежде получить землю и преодолеть бедность крестьяне вместе с тем на выборах проявляли традиционализм, глубокую религиозность и слабую восприимчивость к изменениям. В ходе выборов уполномоченных, выборщиков и участии крестьян в губернском избирательном собрании проявились ценности, установки и интересы местных хлебопашцев. Для поддержки крестьянскими избирателями политические партии и их выдвиженцы обязательно должны были отразить в своих программах благоприятное для хлебопашцев решение аграрного вопроса[149]. Проблему малоземелья и необходимость аренды земли подтверждают статистические данные губернских земств. Так, в Ярославском уезде с характерным для него широким распространением кустарных промыслов, 92,5 % всех крестьянских общин уезда арендовали частновладельческую землю. Среди крестьян, владеющих наделами, было 13 366 (62, 3 %) арендаторов земли[150]. Оплата арендуемых помещичьих земель осуществлялась, как правило, денежными средствами, однако сохранялись

[147] Там же.
[148] Там же.
[149] Безгин В. Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян во второй половине XIX – начале XX века. Тамбов, 2002. С. 36.

[150] Историко-статистические таблицы по Ярославской губернии за 1862-1898 гг. Ярославль, 1901. С. 54.

пережитки крепостного строя в виде отработок и издельщины. Ярославские помещики нередко использовали вынужденное, зависимое положение земледельцев. Так, «кабальные отношения крестьян в хозяйстве графов Мусиных-Пушкиных в Мологском уезде вызывали крестьянские беспорядки и их подавление вооруженными силами властей»[151]. Таким образом, мотивом участия крестьян в выборах членов Государственной Думы стало стремление получить землю.

В сельской местности успех сопутствовал агитаторам Партии народной свободы, показателем которого явилось активное вступление местных жителей в кадетские организации. Так, в Угличской Писцовой группе Ярославской губернии на 8 февраля 1906 г. состояло шестеро кадетов: трое крестьян, один дворянин и два купца[152]. Серьезную роль в расширении кадетских организаций сыграло преобладание левых в составе Ярославского земства.

Особенности крестьянского менталитета проявились в ходе выборов по Мологскому уезду, где крестьяне на волостном съезде стремились провести в выборщики не представителя какой-либо партии, а того, кто «сочувствует и Государю и народу»[153]. Среди собравшихся выражалось мнение в пользу мирного разрешения аграрного вопроса, без кровопролития, что, по их мнению, будет «приятно и Богу, и Царю, и народу»[154]. Православное мировоззрение крестьян не последнюю роль в выборе депутата отводило Божьей воле. Выбор зачастую основывался на поведении избранника и его репутации борца за права народа. Множество крестьян ассоциировало своих избранников с народными героями, такими как Д. М. Пожарский и К. Минин – герои Смутного времени. Крестьяне справедливо полагали, что революционные потрясения в стране прекратятся с появлением достойных и сильных людей, крестьянских депутатов[155].

Избирателями Костромской и Ярославской губерний отмечалась слабая организация первой ступени выборов по крестьянской курии. Зачастую

---

[151] Северная речь. 1906. № 13. 5 июля.
[152] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 281. Л. 533.
[153] Рыбинский листок. 1906. 12 июля.
[154] Там же.
[155] Северная речь. 1906. № 12. 4 июля.

земледельцы не были своевременно извещены о дате волостных выборов. Так, о выборах в Покровской волости, назначенных на 20 февраля, большинство крестьян не знало. Предвыборные собрания, призванные разъяснить крестьянам порядок проведения и их назначение, не были проведены. В результате в выборщики прошел вопреки мнению местных жителей Павел Андреевич Зюканов, «заведомый враг всего прогрессивного в крестьянстве»[156].

Особенности голосования среди крестьян прослеживаются в письме чухломского домохозяина-выборщика. В письме он рассказывал об уездном съезде крестьян от волостей, на который собралось 24 человека: «Друг друга видим первый раз и не доверяем. Старики дали благой совет отслужить молебен, дабы пал святой жребий на лицо, которое угодно провидению послать в Думу. Помолились мы усердно, чтобы не выбрать социалиста»[157]. Первая баллотировка не дала результата. При повторном голосовании шарами избраны были два уполномоченных, получившие одинаковое число шаров. Они кинули жребий, который достался крестьянину Смирнову Каликинской волости, обещавшему всецело стоять за крестьянские интересы. В заключение выборщик в письме сетовал на отсутствие предвыборных собраний для крестьян, какие предусмотрены только для дворян, купцов и духовенства.

В свою очередь выборы по землевладельческой курии дали неоднозначные результаты. Так, в Кологриве 11 марта на съезде землевладельцев было избрано три крестьянина, беспартийный купец и председатель управы кадет Перфильев. В Судиславле на выборы от землевладельцев по повесткам должно было явиться 367 человек, в том числе 15 священников. Однако пришли только 150 человек, половина из которых была лишена права участия в выборах. Удаленные с выборов прибыли за своих умерших отцов, дядей и дедов и были возмущены ситуацией: «По окладным листам так можно платить и за мертвых, так находят и плательщиков, а сейчас при выборах нас не нужно»[158]. Осталось только 75

[156] Костромской голос. 1906. № 30. 28 февраля.
[157] Костромская речь. 1906. № 4. 18 марта.
[158] Телеграммы «Костромская речь». 1906. 8 марта.

выборщиков, из них 60 крестьян и 15 священников. Присутствие священника на любом избирательном собрании было необходимо, поскольку законными считались только пастырские собрания, любые другие именовались «окаянной политикой», и «собравшимся, мягко говоря, угрожали неприятности»[159]. Собраниям священники придавали церковный характер: служились торжественные молебны, говорились подходящие случаю поучения и т. д. Таким образом, в Судиславле были выбраны два священника и семь крестьян при весьма низкой явке избирателей. В Варнавинском уезде многие выборщики, заранее извещенные повестками о дне и часе выборов, не успели к назначенному времени из-за дальности расстояния и «оставались за дверями, которые тщательно охранялись стражниками, получившими строгий приказ постороннюю публику не пускать»[160].

11 марта в Ярославской губернии проходили съезды землевладельцев: на первый съезд явился 21 избиратель из 480, на второй – 7 из 420. Все семеро оказались священниками. Обыватели объясняли такую низкую явку неосведомленностью избирателей о дне съезда, а также отсутствием интереса к выборам. На первом съезде произошел инцидент. Когда местный дворянин-землевладелец, председательствовавший на собрании, объявил выборы оконченными, к нему подошел избиратель-крестьянин и попросил «на чаек за усердие на выборах»[161]. Как видно, выборы по землевладельческой курии в изучаемых губерниях зачастую характеризовались невысокой явкой и многочисленными нарушениями.

Правильная организация выборов по городской курии во многом зависела от распорядительности городского головы. Костромской городской голова Г. Н. Ботников извещал костромичей, что избрание выборщиков в губернское избирательное собрание в Костроме состоится в четверг 9 марта в городской управе. Сообщалось, что выборы «будут производиться только подачей записок, а

[159] Там же.
[160] Там же.
[161] Там же.

не шарами. Записки будут приниматься в продолжение лишь одного дня 9 марта, с 9 ч. утра до 9 ч. вечера без перерыва»[162]. В записках предписывалось указывать фамилии, имена и отчества только пяти лиц, избираемых в выборщики. Городские власти учитывали нехватку времени, большое количество избирателей, неизвестность адресов и опасались, что посылаемые бланки не будут доставлены по назначению. Поэтому билеты на участие в выборах, бланки и правила выдавались ежедневно в городской управе с 10 до 2 ч. дня и с 6 до 9 ч. вечера. Избиратель должен был явиться лично. Ботников обращал внимание на необходимость предъявления удостоверения личности: «вид на жительство, свидетельство начальства или учреждения, в котором избиратель служит, или письменное удостоверение лица, известного управе»[163].

На выборах по городской курии в Макарьеве были сильны позиции октябристов, лидерами которых были богатый купец-лесопромышленник Горин-Шаронов. земский начальник Марин и смотритель духовного училища Поспелов. В ходе выборов в Макарьеве молодые люди в возрасте от 21 до 25 лет требовали предоставления им избирательных прав, аргументируя это так: «Умирать на войне, так можно и нам, а в Думу идти – так нельзя»[164]. Уездная избирательная комиссия разъяснила молодежи действие отрицательных условий избирательного закона. 28 февраля в здании городской управы было организовано первое публичное собрание Союза 17 октября. Тех из участников собрания, кто публично критиковал программу партии октябристов и не желал записываться в ее состав, по распоряжению Горина удаляли из зала. Рассчитывая на свое избрание выборщиком от города, Горин-Шаронов напоминал о благоволении императора партии октябристов, указывал на необходимость соблюдать партийную дисциплину и убеждал проголосовать за него. В тот же день многие макарьевцы вышли из рядов Союза 17 октября, в том числе и секретарь Горина. В день выборов, на которые явилось 389 человек, купец подходил к выборщикам и просил: «За меня-то, за меня

[162] Поволжский вестник. 1906. № 1. 7 марта.
[163] Там же.
[164] Костромская речь. 1906. № 2. 16 марта.

положь»[165]. Убедившись в тщетности своих слов, он пытался сорвать голосование и пройти на повторных выборах. Горин-Шаронов получил только 126 записок, а выборщиком от Макарьева был избран будущий депутат I Думы кадет П. А. Сафонов, получивший 153 записки[166]. Однако не везде Союз 17 октября уступал конкурентам: «в Солигаличе на съезде городских избирателей, на который явилось 283 из 593 человека, был избран местный врач, кандидат от октябристов»[167].

На выборах по городской курии в городе Плес Нерехтского уезда Костромской губернии наибольшую активность проявили представители Торгово-промышленной партии. За два дня до избрания выборщиков они распространяли воззвание в поддержку своей партии. Текст был составлен одним из местных земских начальников. 5 марта городские избиратели голосовали за своего выборщика. Из 238 человек, значившихся в списках городской управы, пришел 141 избиратель. Среди кандидатов были представитель Торгово-промышленной партии, купец-старообрядец и лесопромышленник Грошев, а также кадет доктор Чекалов. Успех был «за Грошевым, получившим 109 избирательных и 32 неизбирательных голоса»[168].

Что касается организации выборов от рабочих, то в историографии нередко занижается доля трудящихся Центрального промышленного района, принимавших участие в выборах в I Думу. Утверждается, что большинство рабочих приняли тактику бойкота Думы, проводимой социал-демократами: «В феврале и марте 1906 г. в Ярославле распространялись большевистские прокламации «Народ и Государственная Дума», «Долой Государственную Думу», «Не идите в Государственную Думу». Большевистский лозунг бойкота Думы повсеместно одерживал успех, особенно среди рабочих. 9/10 сознательных рабочих России не приняло участия в выборах»[169]. По Костромской губернии отмечалось, что из 50

---

[165] Костромская речь. 1906. № 2. 16 марта.
[166] Там же.
[167] Там же.
[168] Телеграммы «Костромская речь». 1906. 8 марта.
[169] Ярославль: очерки по истории города / сост. П. Андреев, Л. Генкин, П. Дружинин, П. Козлов. Ярославль, 1954. С. 254.

тысяч трудящихся выборы были бойкотированы 40 тысячами, в том числе рабочими Зотовской, Михинской и Кашинской фабрик[170]. Делая подобные выводы, исследователи учитывали в основном выборочные факты, не отражавшие в полной мере участие рабочих в выборах в I Думу. В то же время анализ источников позволяет увидеть другую картину: 88, 2 % ярославских рабочих (17211 человек), обладающих избирательными правами, приняли участие в выборах. Бойкотировали выборы в Ярославле примерно 2 % рабочих: трудящиеся свинцово-белильного и краскотерочного завода И. А. Вахромеева и типолитографии Ярославского губернского земства. Выборы успешно состоялись на 23 предприятиях Ярославля[171]. Как видно, большинство рабочих Ярославской губернии участвовали в выборах в Думу первого созыва. Из числа рабочих Костромской губернии, имеющих избирательные права, приняли участие в выборах 55 %[172].

По рабочей курии участвовать в выборах могли только трудящиеся мужского пола, достигшие 25-летнего возраста. От участия в выборах устранялись рабочие мелких мастерских и заводов с числом рабочих менее 50 человек. В результате «избирательных прав были лишены ремесленники, приказчики, батраки помещичьих имений, каменщики и другие строительные рабочие, извозчики, грузчики и другие чернорабочие, а также и все работницы»[173]. Власти внимательно относились к организации голосования на фабрично-заводских предприятиях. 25 января 1906 г. в газете «Костромские губернские ведомости» было опубликовано следующее объявление губернатора: «В список предприятий Костромской губернии, составленный на основании ст. 8 Высочайшего Указа 11 декабря 1905 г., ошибочно помещена под № 46 фабрика пожарных рукавов и льняных тканей наследников Д. З. Калашникова в городе Кинешме, так как имеет менее 50 рабочих

---

[170] Очерки истории Костромской организации КПСС / сост. М. И. Синяжников. Ярославль, 1967. С. 48.
[171] РГИА. Ф. 1327. Оп. 1 Д. 51. Л. 39–40.
[172] Белов А. М. Политические партии и рабочие Центрального промышленного района в революции 1905–1907 гг. Кострома, 1997. С. 118.
[173] Костромской голос. 1906. № 3. 21 января.

мужского пола и потому подлежит исключению из означенного списка в силу 1 и 4 ст. закона 11 декабря 1905 г»[174]. В то же время губернатор поручил включить в общий список фабрично-заводских предприятий Костромской губернии Томский химический завод И. И. Кучумова, находившийся в Кинешемском уезде и располагающий 53 рабочими мужского пола.

На собрании 200 костромских приказчиков 5 марта 1906 г. кадетский оратор Кузнецов заявлял о готовности Партии народной свободы добиваться в созываемой Думе 8-часового рабочего дня и призывал трудящихся поддержать кадетских выдвиженцев. В то же время присутствовавшие социал-демократы напомнили приказчикам об их принадлежности к рабочему классу и о неуместности голосования за буржуазную партию кадетов. Социал-демократы убеждали всех костромских трудящихся поддержать пролетарскую партию в ее бойкоте выборов. Указывались недостатки кадетской программы, не отражающей, по мнению социал-демократов, интересы рабочего класса и деревенской бедноты: «Кадеты говорят лишь о возможности введения 8-часового рабочего дня; аграрный же вопрос эта партия думает разрешить так, чтобы на шею крестьянам надеть лямку в виде выкупа за отчужденные земли»[175]. Таким образом, за поддержку трудящихся боролись выдвиженцы Партии народной свободы, а также социал-демократы.

В итоге по рабочей курии 12 марта 1906 г. на общем собрании трудящиеся фабрик и заводов Костромской губернии определяли выборщиков в губернское избирательное собрание. Ими стали Студнев и Соколов, рабочие с. Середа Нерехтского уезда, а также Лебедев (с. Каменка Кинешемского уезда), Юшков (с. Писцово Нерехтского уезда), Дубровин (фабрика Чумаковых), Копейкин (с. Яковлевское), Смирнов (Вичуга Кинешемского уезда). По Ярославской губернии на Ярославской большой мануфактуре выборы прошли в полном порядке: «из 3590 рабочих пришли 1500»[176]. В то же время в самом Ярославле рабочие Свешниковского завода отказались выбирать уполномоченных для выборов в

[174] РГИА. Ф. 1327. Оп. 120. Д. 15. Л. 31.
[175] Поволжский вестник. 1906. № 3. 11 марта.
[176] Телеграммы «Костромская речь». 1906. 8 марта.

Государственную Думу. Беспрепятственная деятельность кадетской партии в Ярославской губернии, «правильно организованная пропаганда, на ведение которой затрачено много денег, позволила Партии народной свободы добиться поддержки у приказчиков и рабочих»[177].

Заключительным этапом избирательной кампании весны 1906 г. было губернское избирательное собрание, на котором выбирали депутатов в I Государственную Думу. По Костромской губернии оно состоялось 26 марта 1906 г. в Костроме в здании Дворянского собрания. Прибыли выборщики со всего Костромского края в количестве 99 человек, среди них 35 – от землевладельцев, 29 – от крестьян, 28 – от горожан, 7 – от рабочих. В свою очередь губернатор распорядился известить об этом обывателей: «Высочайшим указом 19 февраля выбор членов в Государственную Думу назначается на воскресенье 26 марта сего года, к какому числу выборщики в Губернское избирательное собрание от уездных, городских, крестьянских и фабрично-заводских рабочих имеют прибыть в город Кострому в Дом Костромского Дворянства»[178]. По Ярославской губернии избирательное собрание в составе 80 выборщиков проходило также 26 марта.

Работа выборщиков в губернском собрании была очень ответственной: необходимо было сознательно подойти к выбору депутатов. Принятие общего решения осложнялось тем, что выборщики, приехавшие со всей губернии, не знали друг друга и не могли отдельно судить о каждом кандидате. Нужно было определить общие критерии для выбора депутатов. Прежде всего таким критерием служила партийная принадлежность кандидата. Критерием выбора депутатов служило и содержание программы представляемой кандидатом партии. Кадеты в глазах выборщиков были наиболее левой партией, выражающей радикальные настроения общественности. В свою очередь костромские октябристы в Губернском избирательном собрании также пытались сыграть на левых настроениях избирателей и активно содействовали проведению в Думу

[177] РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 51. Л. 49.
[178] Поволжский вестник. 1906. № 8. 17 марта.

представителя от рабочих, мотивируя это фабричным характером Костромской губернии.

Таким образом, борьба за голоса избирателей весной 1906 г. стала важным событием российской общественно-политической жизни, не имела прецедентов и стала первым опытом организации избирательной кампании в России. Большое значение имели организаторская работа, проделанная губернской администрацией с целью обеспечить правильное и безопасное проведение выборов на всех этапах. Их подготовка и проведение требовали немалых денежных средств, которые местные власти получали прежде всего по линии столичного МВД. В то же время прослеживается различная позиция властей в изучаемых губерниях. В Костромской губернии работа партий и их выдвиженцев, а также деятельность самих избирателей были затруднены, поскольку в условиях бойкота выборов эсерами и социал-демократами власть активно вмешивалась в процедуру выборов и препятствовала агитации Партии народной свободы. Напротив, в Ярославской губернии администрация в целом проявляла пассивность в ходе избирательной кампании и не создавала помех кадетской агитации в расчете с помощью выборов отвлечь население от революционной борьбы.

На выборах в I Государственную Думу проявилась российская политическая система с ее формирующейся многопартийностью. Выборы явились мощной движущей силой деятельности партий и их активных представителей. Прежде всего за голоса избирателей боролись местные кадеты, октябристы и представители Торгово-промышленной партии. Конституционно-демократическая партия развернула наибольшую активность в предвыборной кампании. Партия народной свободы была наиболее левой партией, участвовавшей в предвыборной борьбе, и потому отражала радикальные настроения общественности. Немаловажной была и детальная проработка в кадетской программе аграрного и рабочего вопросов. Кроме того, организаторскую, идейную и ораторскую работу от лица местных конституционных демократов выполняли многочисленные представители интеллигенции, наиболее образованной и мыслящей части тогдашнего общества. В то же время политические противники кадетов, октябристы и Торгово-

промышленная партия, не смогли заручиться широкой общественной поддержкой, дискредитировались левой прессой в глазах избирателей, хотя в некоторых местностях и достигли локального успеха.

Выборы в I Государственную Думу положили начало реальному участию населения Российской империи в формировании представительного учреждения. Оттачивались формы и методы предвыборной борьбы. Они включали в себя работу с избирателями посредством организации митингов, собраний, встреч, а также путем распространения партийной литературы и периодической печати. Партиям и их выдвиженцам было необходимо найти свой подход к каждой категории избирателей: горожанам, рабочим, землевладельцам и крестьянам. Дебаты, дискуссии, взаимная критика, публичное выражение партийными выдвиженцами мнений по широкому спектру вопросов позволяли населению сделать осознанный выбор. В этих условиях накапливался опыт конкурентной борьбы: выборы не были фиктивной процедурой, и их результат не был заранее предрешен. В процессе формирования местных отделов политических партий, подготовки к выборам, избирательной кампании весны 1906 г. в провинции выдвинулись активные, мыслящие в политике, неравнодушные к общественным проблемам люди, которые на волне подъема общественного движения в России стремились к власти и были готовы заявить самодержавию об этих проблемах и предложить конкретные пути их решения.

Выборы в Государственную Думу второго созыва проходили в начале 1907 г. Важным поворотным моментом было то, что эсеры и социал-демократы отказались от тактики бойкота и приняли участие в избрании членов Государственной Думы. Еще одной существенной особенностью избирательной кампании стало стремление политических партий к созданию предвыборных блоков, поиск близких по политическим взглядам союзников для совместной конкурентной борьбы. В ходе выборов в провинции имели место стихийные блоки монархистов и октябристов, консолидирующихся для совместного противостояния кадетам и левым. Попытка создать на Костромской земле подобный блок

монархистов и октябристов не удалась[179]. В то же время в Костроме был образован единый блок социал-демократов и кадетов для достижения успеха на выборах и совместного противодействия давлению властей. В отличие от предшествующих выборов социал-демократы отказались от резкой критики Партии народной свободы и признали необходимость соглашения с кадетами[180]. В Костроме блок между левыми и кадетами был возможен в силу того, что кадетский комитет губернии был одним из самых левых в партии, а также ввиду серьезного перевеса левых выборщиков в губернском избирательном собрании (3/4 выборщиков)[181]. В Ярославле также имели место попытки Партии народной свободы создать широкий избирательный блок, не увенчавшиеся, однако, успехом.

В свою очередь правительство с учетом опыта предшествующей Думы рассчитывало на созыв более лояльного парламента и с этой целью предпринимало определенные шаги. По губерниям в сентябре 1906 г. был разослан циркуляр МВД, запрещавший лицам, состоявшим на государственной и общественной службе, вступать в партии левее Союза 17 октября[182]. Это в первую очередь отразилось на кадетской партии, располагавшей близким к октябристам социальным составом избирателей. Костромской губернатор А. П. Веретенников попытался расколоть союз кадетов и левых с помощью издания маленькой газеты-листка под названием «Рабочий»[183]. Газета резко критиковала местных кадетов якобы от лица костромского пролетариата. Манипулирование общественным мнением производилось путем дискредитации методов предвыборной борьбы конкурентов. Так, костромских кадетов обвинили в намеренном преувеличении количества избирателей от их партии и распространении недостоверной информации. Избиратель П. Мизинов с возмущением писал о подобных действиях и просил редактора газеты «Рабочий» опубликовать свои разъяснения: «Имя мое как

---

[179] Голос Москвы. 1907 г. 17 января.
[180] Протоколы Второго (экстренного) Съезда Партии социалистов-революционеров: 12-15 февр. 1907 г. Санкт-Петербург, 1907. С. 86.
[181] РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 532. Л. 5–8.
[182] РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906. Д. 157. Л. 112.
[183] Друцкой-Соколинский В. А. Да благословенна память. Записки русского дворянина (1880–1914). Орел, 1996. С. 243.

избирателя помещено в числе других в списке избирателей Партии народной свободы, а потому возникает недоразумение, не принадлежу ли я к членам вышеупомянутой партии. Во избежание недоразумений я имею честь разъяснить, что членом партии народной свободы я и прежде не состоял и не состою теперь»[184]. Тем не менее вышеуказанные попытки властей не были успешны.

Население изучаемых губерний в целом в 1907 г. придерживалось левых, в том числе революционных настроений. Фабрично-заводской характер региона давал возможность Костромской и Ярославской губерниям иметь своих представителей от рабочих в Государственной Думе. Костромская губерния была представлена депутатами от рабочих, являвшихся членами РСДРП, в Думах всех четырех созывов. Местные организации социал-демократов продемонстрировали высокий авторитет среди трудящихся в предшествующее время, особенно в 1905–1906 гг. Следовательно, в ходе выборов во II Государственную Думу поддержка РСДРП среди рабочих была вполне закономерной. Значительную поддержку левые получили на крупных фабриках региона. Во многом этому способствовала и сама избирательная система, отдававшая приоритет большим предприятиям. Трудящиеся крупных фабрик и заводов пользовались известным моральным преимуществом и должны были последовательно отстаивать интересы всех рабочих России.

В свою очередь ЦК кадетской партии 26 октября 1906 г. принял решение способствовать проведению в Думу рабочих ввиду опасности, что «скоро переломить владычество социал-демократов у рабочих кадетам не удастся»[185]. Следствием этого решения стало избрание депутатом от Ярославской губернии трудящегося лесопильного завода Жакова Дмитрия Павловича Пуговишникова, который стал единственным представителем рабочих во фракции кадетов в Думе всех четырех созывов (см.: приложение 2).

---

[184] Рабочий. 1907. № 3. 30 марта.

[185] Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии / сост. Д. Б. Павлов, Н. И. Канищева. М., 1994. С. 150.

В ходе выборов членов Государственной Думы проявилось недоверие крестьянских избирателей к политическим партиям. Депутаты от крестьян сомневались в способности партий в полной мере отражать интересы хлебопашцев. Однако в газетах того времени прослеживалась надежда сельских избирателей на позитивные изменения с помощью народного представительства. Хлебопашцы сетовали на исключительно тяжелые условия жизни в деревне: «Порка до сих пор универсальное средство расправы с крестьянами. Властная рука в деревне не имеет предела, ей нет границ»[186]. Особое недовольство крестьян вызывал институт земских начальников: «В деревне земский начальник может и даже должен вторгаться в личную жизнь, утверждать раздел и пр.»[187]. Выдвиженцы левых партий, учитывая подобные настроения крестьян, в своих выступлениях отмечали тяжелые экономические условия жизни в деревне и обещали своим избирателям в случае победы Партии народной свободы «уничтожить барина-помещика»[188].

Аналогично выглядели настроения ярославских избирателей. В левых газетах созываемая II Дума позиционировалась как «авторитет среди революционно настроенной армии пролетариата и крестьянства»[189]. Местные корреспонденты от социал-демократов требовали от народных избранников более решительных действий вплоть до объявления Думы Учредительным собранием. Они считали недостаточными умеренные методы парламентской работы, включавшие запросы царским министрам и сотрудничество с правительством. «Дума имеет огромное агитационное революционизирующее влияние на всю страну», – констатировали кадетские издания[190].

Местные самоуправления, исповедовавшие кадетские и более левые, народнические взгляды, способствовали укоренению и развитию левых настроений. Учитывая позицию костромского и ярославского земств, Петербург присылал сюда энергичных губернаторов, таких как Александр Александрович

---

[186] Поволжский вестник. 1906. № 102. 20 июля.
[187] Северная речь. 1906. № 13. 5 июля.
[188] Там же.
[189] Северная речь. 1906. № 128. 31 декабря.
[190] Северная речь. 1906. № 13. 5 июля.

Римский-Корсаков (ярославский губернатор в 1905–1909 гг.) и Алексей Порфирьевич Веретенников, возглавлявший Костромскую губернию в 1906–1910 гг. Оба были известны своими правыми взглядами и оказывали поддержку местным черносотенцам.

В Костроме новый губернатор приступил к активному противодействию влиянию кадетов и левых. Веретенникова сильно удивила оппозиционность вверенной ему «романовской губернии». В его глазах политическими противниками являлись глава губернской земской управы И. В. Шулепников и экс-депутат Государственной Думы З. Г. Френкель, который руководил санитарным бюро губернского земства. Веретенников повел с ними решительную борьбу, препятствуя их работе, отказываясь утверждать на выборных должностях, лишая на 5 лет права избираться на какие-либо должности и даже организуя судебные дела. Преследования властей не избежали и Бориса Леонидовича Петерсона, избранного вскоре депутатом в Думу второго созыва. Петерсон был народным социалистом и возглавлял «известную левыми настроениями и весьма влиятельную в регионе Ветлужскую уездную земскую управу»[191]. В Костромской губернии репрессии коснулись и оппозиционно настроенной к самодержавию части дворянства. А. П. Веретенников отказался утвердить в должности гласного Костромского земства кадета и дворянина А. В. Перелешина, ставшего депутатом II Государственной Думы.

Ярославский губернатор А. А. Римский-Корсаков был вынужден организовывать выборы членов Государственной Думы второго созыва в не менее сложных условиях. В 1906–1907 гг. во вверенном ему регионе продолжалось стачечное и забастовочное движение, проходили митинги и демонстрации. Противостояние общества и власти вылилось в покушение на губернатора, совершенное в феврале 1907 г. Рабочий-слесарь В. Веселовский пытался застрелить Римского-Корсакова из револьвера, но был схвачен и обезврежен самим

[191] Горак А. Г. Институт губернаторства Российской империи в исторической ретроспективе: по воспоминаниям П. П. Стремоухова // Вестник Черниговского педагогического университета. 2011. № 8. С. 72–76.

губернатором[192]. В то же время ярославские власти могли опираться на консервативную местную прессу в лице газеты «Русский народ» – орган ярославского отдела Союза русского народа. Не устраивал правую печать действовавший избирательный закон, «бессмысленный и зловреднейший, по какому выбиралась только что распущенная крамольная Дума»[193]. С беспокойством газета предвидела победу левых на выборах: «Получается замкнутый круг: следующая Дума неизбежно будет крамольной и никогда не даст одобрения на изменение выгодной ей избирательной системы. Окончится семимесячная передышка – и в Таврическом дворце водворится новая революционная шайка, в которой большинство будет принадлежать уже не кадетам, а трудовикам, то есть злейшим анархистам и террористам»[194]. Таким образом, сознавая свое бессилие, ярославские правые апеллировали посредством печати к представителям власти, считая, что любая выбранная Дума недостойна существования, что власть в стране должна принадлежать самодержавному царю.

Выборы членов Государственной Думы проходили в острой конкурентной борьбе. Отказавшись от тактики бойкота выборов, эсеры и социал-демократы начали расширять сеть своих местных отделов по обеим губерниям, несмотря на репрессии властей. Так, эсеры в пяти уездах Костромской губернии имели партийные группы. Крестьянское братство эсеров в Кинешемском уезде насчитывало порядка «30 человек и около 70 сочувствующих»[195]. К началу выборов в Думу второго созыва Костромской комитет эсеров создал свои отделения в Буе, селе Вичуга, Родники, Середа, Яковлевское[196]. В четырех уездах Ярославской губернии также были созданы местные организации эсеров[197]. Таким образом, стремление революционеров к участию в работе Думы привело к возрастанию их

---

[192] Ярославские губернаторы. 1777–1917 гг.: Историко-биографические очерки / сост. В. М. Марасанова, Г. П. Федюк, А. М. Селиванов. Ярославль, 1998. С. 227.
[193] Русский народ. 1906. № 42. 7 августа.
[194] Там же.
[195] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 9. Л. 23.
[196] Седугин В. И. Либералы Центральной России в начале XX в. (1905 – март 1917 г.). Новомосковск, 2008. С. 109.
[197] Поволжский вестник. 1906. 2 июля.

предвыборной активности и обеспечило интерес к их программам среди сельского населения. Одновременно ослабление революционно-стачечной борьбы к 1907 г. и преследования властей усложнили деятельность Партии народной свободы. Следствием этого стало сокращение численности кадетских групп в регионах. К февралю 1907 г. Костромской комитет кадетской партии имел связь с девятью уездными группами и 11 «местечками»[198]. По Ярославской губернии самостоятельные кадетские группы продолжали работу в Мологском, Рыбинском и Пошехонском уездах[199]. В то же время активизировались местные представители Союза 17 октября и Партия мирного обновления[200]. Следовательно, выборы во II Думу характеризовались целым спектром политических партий, боровшихся за поддержку провинциальных избирателей.

Местные октябристы, опираясь на опыт предшествующих выборов, попытались взять реванш и выдвинули своих кандидатов в депутаты. Так, от города Ярославля им стал Александр Иванович Яковлев, рекомендованный соратниками как «горячо преданный Родине, заслуживающий доверия и уважения, желающий могущества и славы России, к величию и процветанию которой приведут только пути последовательной эволюции»[201]. Как видно, предвыборная программа октябристов взывала к патриотическим чувствам избирателей и опиралась исключительно на мирное, постепенное обновление России. Для октябристов существенным условием, облегчавшим их участие в выборах, было то обстоятельство, что их партия была официально зарегистрированной, октябристам в Костроме и Ярославле было дозволено беспрепятственно рассылать по почте партийную литературу всем чиновникам. Немаловажно было и то, что костромской губернатор А. П. Веретенников симпатизировал выдвиженцам Союза 17 октября.

Все общественно-политические силы проявляли внимание к выборам членов Государственной Думы. 21 января 1907 г. в своей газете «Русский народ» правые сообщали о переносе выборов в городе Ярославле на неделю, на 28 января. Ими

---

[198] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 222. Л. 13.
[199] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 415. Л. 33.
[200] Северный рабочий.1907. 14 января.
[201] Ярославские отголоски. 1907. № 20. 25 января.

отмечалась высокая степень напряженности перед выборами; правые подчеркивали определенную тревожность ярославских избирателей, перенос выборов связывали с «подъемом нервов у каждого истинно русского человека»[202]. Весьма показательными посчитали правые в Ярославле попытки сближения левого крыла октябристов с кадетами и социал-демократами. Тем не менее ярославские правые были полны решимости бороться с влиянием левых: «Поборемся! Чуждая русскому народу ваша предвыборная агитация хорошо изучена нами, господа западники»[203]. Правые отмечали в качестве своих преимуществ природный ярославский ум, русскую стойкость, опору на исторический опыт: «Только то имеет будущее, что почвенно, мы та старая партия, которая не раз спасала с помощью Божьей родную землю»[204].

В процессе избирательной кампании по крестьянской курии прежде всего проходили волостные сходы для избрания уполномоченных. Так, в Костромской губернии по Костромскому уезду прошел 21 волостной сход, по Буйскому – 17, по Варнавинскому – 21, по Ветлужскому – 19, по Галичскому – 24, по Кинешемскому – 23, по Кологривскому – 27, по Макарьевскому – 26, по Нерехтскому – 37, по Чухломскому – 12, по Юрьевецкому – 23[205]. Выборы успешно состоялись на всех сходах. Однако имели место и нарушения, и случаи несостоявшихся выборов. Так, по Ярославскому уезду назначенный на 14 сентября 1906 г. съезд мелких землевладельцев для выбора уполномоченных не состоялся, поскольку не явился председатель. На 23 сентября был назначен новый съезд в помещении уездной земской управы. Из более чем 300 человек мелких землевладельцев явилось только 5, вследствие чего и этот съезд был признан не состоявшимся и выборы не были произведены. По Мышкинскому уезду Ярославской губернии состоялся 21 волостной сход, избравший 42 уполномоченных, среди них 5 монархистов, 37 умеренных, 7 старшин, 5 судей, 6 старост, 1 волостного писаря, 2 земских гласных, 3 торговцев, 18 домохозяев-крестьян. На волостных сходах перед выборами были

[202] Ярославские отголоски. 1907. № 20. 25 января.
[203] Русский народ.1907. № 45. 21 января.
[204] Там же.
[205] ГАКО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 13. Л. 39.

отслужены торжественные молебны. Из 1863 человек явились 1523[206]. Случаев переизбрания не было. Все избранные уполномоченные были русскими и православными, что отражало традиционное мировосприятие сельских избирателей.

Что касается съездов землевладельцев, то данные по ним были представлены следующими цифрами. По Костромскому уезду значился в списках избирателей 101 человек (явилось 70), по Буйскому – 63 (явилось 34), по Варнавинскому – 43 (явилось 27), по Ветлужскому – 77 (явилось 50), по Галичскому – 82 (явилось 34), по Кинешемскому – 137 (явилось 86), по Кологривскому – 195 (явилось 87), по Макарьевскому – 100 (явился 41), по Нерехтскому – 49 (явилось 19), по Юрьевецкому – 39 (явилось 27)[207].

По Ярославской губернии уездные съезды избирателей были назначены: по Мологскому уезду на 18 января, по Мышкинскому уезду на 16 января, по Пошехонскому уезду на 16 января, по Ростовскому уезду на 16 января, по Угличскому уезду на 16 января, по Ярославскому уезду на 16 января.

В Галиче за подписью городского головы избирателям рассылались объявления, в которых указывались фамилия, имя, отчество, звание и номер по избирательному списку, а также приглашение в «Галичский Городской съезд для избрания выборщика на губернское избирательное собрание 24 января 1907 г. в помещении Городского управления»[208]. Избирателей предупреждали о необходимости предъявлять это объявление при входе в помещение для выборов и при подаче избирательной записки.

9 января 1907 г. Костромская городская управа сообщала, что «съезд городских избирателей Костромского уезда для избрания выборщиков в губернское избирательное собрание будет происходить 24 января в среду с 9 часов утра до 9 часов вечера в Костроме в Доме Городского Общественного управления»[209]. В свою очередь костромской вице-губернатор Ф. Бантыш 10

[206] Северная речь. 1907. № 30. 7 февраля.
[207] Там же.
[208] ГАКО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 13. Л. 29.
[209] Костромские губернские ведомости. 1907. № 4. 13 января.

января 1907 г. предписал уездным исправникам и полицмейстеру города Костромы собрать сведения о месте жительства всех имеющих право участия в городских избирательных съездах. Делалось это с целью «получения из полицейских учреждений точных справок в случае неполучения избирателями объявлений и бланков, рассылаемых избирателям городскими управами через чинов полиции на основании ст. 25 Инструкции министра внутренних дел»[210]. Предписание чиновника было исполнено.

Данные по съездам городских избирателей выглядели следующим образом. По Костромскому уезду в списках избирателей значилось 5790 человек (явились 2086), по Буйскому – 729 (явилось 265), по Варнавинскому – 964 (явилось 380), по Ветлужскому – 1160 (явилось 572), по Галичскому – 976 (явилось 265), по Кинешемскому – 2749 (явилось 1192), по Кологривскому – 940 (явилось 274), по Макарьевскому – 1701 (явилось 329), по Чухломскому – 445 (явилось 97), по Юрьевецкому – 2055 (явилось 415)[211].

Как и на выборах в Думу первого созыва, в 1907 г. практиковались собрания, встречи избирателей и партийных выдвиженцев, на которых выражались мнения и оценки по широкому кругу вопросов. Так, 10 января в 8 часов вечера в доме Соболевых состоялось первое предвыборное собрание избирателей города Ярославля. Октябристы на собрание не пришли, полагая, «что в собрании, где царствует свобода и ораторы не стеснены ни временем ни звонком председателя, им нечего делать»[212]. Выступающий от кадетской партии К. А. Смирнов обозначил разницу между избирательной кампанией в предшествующую Думу и выборами 1907 г. По его мнению, на выборах в Думу второго созыва перед глазами избирателей была конкретная деятельность партий в I Думе, тогда как в 1906 г. при избрании депутатов приходилось верить лишь партийным программам и обещаниям: «Партия народной свободы была в Думе в большинстве и о ней мы можем судить по ее работе в Думе. Важно знать, что будут делать другие партии,

[210] Костромские губернские ведомости. 1907. № 3. 10 января.
[211] ГАКО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 13. Л. 29.
[212] Северная речь. 1907. № 9. 11 января.

если они попадут в Думу»[213]. Следовательно, в условиях конкуренции на выборах во II Думу на выбор депутатов могли серьезно повлиять опыт предшествующей парламентской работы и конкретные факты защиты интересов избирателей. Кадет Н. П. Дружинин отметил преемственность Думы второго созыва и распущенной I Думы: «Задача нынешних выборов еще более серьезна, чем первых. Вторая Дума должна разрешить больше вопросов. Все, что выражали избиратели Ярославской губернии год назад, посылая в Думу представителей Партии народной свободы, не исполнено»[214]. Дружинин объяснял это недостаточностью времени, отведенного на работу Думы первого созыва, а также исключительно тяжелыми политическими условиями ее работы.

Второе предвыборное собрание по Ярославлю состоялось 17 января также в доме Соболевых. В газетах сообщалось о превышении полномочий помощником полицеймейстера А. Дьяченко, который не пропустил на собрание некоторых избирателей и не принимал возражений, отказываясь от составления протокола: «Хотел он – пускал, не хотел – не пускал. Сначала кого-нибудь он не пускал, не признавая выборщиком, а потом снисходил – и разрешал»[215]. Свидетели этих действий полицейского были возмущены. Участники предвыборного собрания прежде всего единогласно решили подать жалобу на действия Дьяченко. Затем слово было предоставлено кадетскому выдвиженцу М. П. Бобину. Им была высказана критика в адрес губернатора А. А. Римского-Корсакова, по распоряжению которого был закрыт Ярославский комитет Партии народной свободы. Для Бобина важным критерием отношения к выборам было восприятие работы Думы первого созыва. Своими наблюдениями за общественным мнением Бобин поделился со слушателями: «К первой Думе мы наблюдаем различное отношение. Акт ее роспуска был событием огромной важности. Я был в деревне. Когда ко мне обратилась с вопросом группа крестьян: «Правда ли, что распущена Дума», и я ответил: «Да, распущена», я не видел бурного выражения чувств.

---

[213] Там же.
[214] Северная речь. 1907. № 9. 11 января.
[215] Северная речь. 1907. № 30. 7 февраля.

Крестьяне замолчали. Один старый человек сказал: «Видно, правду мы уже на том свете найдем». Это было мое первое наблюдение над наступившим после роспуска Думы чувством общественной депрессии»[216]. М. П. Бобин в своем выступлении неоднократно ссылался на исторический опыт: «Многолетние занятия историей убедили меня, что добрые идеи не умирают»[217]. Говоря о планах работы во II Думе в случае успеха, кадетский выдвиженец особо выделил стремление опираться на земское и городское самоуправление, изменение избирательного закона на широких демократических началах и образование министерства, которое пользовалось бы доверием большинства членов Думы. По мысли Бобина, сильная сторона программы кадетской партии состояла в сочетании политических требований с разумным разрешением назревших социальных вопросов: «Партии, стоящие правее кадетов на шкале политического спектра, не уделяют достаточного внимания социальным вопросам. А партии, стоящие левее, чрезмерно увлечены социализмом и отрываются от реальной действительности»[218]. В конце своей речи М. П. Бобин осудил ограничение избирательных прав народа разъяснениями Сената, дополнившими избирательный закон. Таким образом, выражение взглядов кадетским выдвиженцем показало всесторонний анализ им общественного мнения, партийных программ и опыта работы I Думы.

25 января во всех девяти уездных городах Ярославской губернии и в самом Ярославле состоялись съезды городских избирателей для избрания 23 выборщиков в губернское избирательное собрание. Из числа 23 выборщиков, подлежащих избранию на 10 съездах городских избирателей, предстояло избрать: в Ярославле – 6 человек, в Ростове – 4, Рыбинске – 4, Данилове – 2, Угличе – 2, в Любиме, Мологе, Мышкине, Пошехонье и Борисоглебске – по 1. В списки избирателей по всем 10 городам было внесено порядка 14 тысяч человек. По Ярославскому уезду избрание выборщиков от городских избирателей производилось в доме Соболева на Казанской улице. Из общего числа избирателей, превышающего 3000,

[216] Северная речь. 1907. № 9. 11 января.
[217] Там же.
[218] Ярославские отголоски. 1907. № 15. 19 января.

избирательные записки были поданы только 120 лицами (4 %). Накануне выборов они же назначили предвыборное собрание, на которое прибыло лишь 12 человек[219]. Следовательно, явка на выборы была крайне низкой и показывала индифферентное отношение к ним городских избирателей. На выборах некоторые из избирателей 2-го участка Ярославля, явившиеся за получением именных объявлений с бюллетенями, узнали, что объявления на их имя уже кем-то получены. Удивленные избиратели поспешили на выборы, чтобы удостовериться, кто будет при подаче бюллетеней называть себя их именем. Такие самозванцы не были обнаружены. По мнению избирателей, «они вовремя заметили опасность и ретировались»[220].

Из числа фабрично-заводских предприятий и железнодорожных мастерских Костромской губернии, имевших право участия в выборах, в Костромском уезде было 17 (выборы состоялись в 12), в Варнавинском – 3 (выборы состоялись на 1), в Галичском – 1 (выборы состоялись), в Кинешемском – 32 (выборы состоялись на 19), в Кологривском – 1 (выборы состоялись), в Макарьевском – 2 (выборы состоялись на 1), в Нерехтском – 17 (выборы состоялись на 17), в Юрьевецком – 12 (выборы состоялись на 6). В прочих уездах таких предприятий не было[221]. Выборы уполномоченных от рабочих по Ярославской губернии прошли 21 января в полном порядке. Пришли две трети имеющих участие в выборах трудящихся. В большинстве случаев избранными оказались левые. 4 февраля в помещении Ярославской городской думы проходил второй съезд уполномоченных от рабочих Ярославской губернии для избрания двух выборщиков в губернское избирательное собрание, поскольку первые выборы губернская по выборам комиссия отменила. Из 44 уполномоченных явились 38. Они избрали в качестве выборщиков Градусова и Пуговишникова.

Таким образом, выборы депутатов в Государственную Думу второго созыва проходили в качественно новых условиях. Конкурентная борьба расширилась за счет вступления в предвыборную борьбу эсеров и социал-демократов,

---

[219] Ярославские отголоски. 1907. № 22. 27 января.
[220] Ярославские отголоски. 1907. № 24. 2 февраля.
[221] ГАКО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 13. Л. 39.

отказавшихся от тактики бойкота. Важным поворотным моментом стали попытки создания предвыборных блоков для участия в избирательной кампании. В Костроме был создан предвыборный союз кадетов и левых. В Ярославле подобный блок создать не удалось. Методы и способы участия партий и их выдвиженцев в конкурентной борьбе развивались и совершенствовались. Выражая свои взгляды в дебатах и дискуссиях, предвыборных собраниях и митингах, ораторы и агитаторы должны были опираться на преемственность с Думой первого созыва, учитывать ее опыт, достижения и неудачи. На выборах в Думу второго созыва избиратели придерживались левых, в т. ч. революционных взглядов. Большое значение имела либеральная позиция местных земств, исповедовавших кадетские и народнические взгляды. Сохранявшие сильные позиции на выборах кадеты, понимая влияние социал-демократов на местный пролетариат, способствовали проведению в Думу депутатов от рабочих. Успеху на выборах левых депутатов способствовало отсутствие широкой поддержки избирателями октябристов, программа которых не отвечала преимущественно левым настроениям населения провинции. Партиям и их выдвиженцам приходилось выдерживать воздействие административных мер решительных и энергичных губернаторов А. П. Веретенникова и А. А. Римского-Корсакова, известных своими правыми взглядами. Оба губернатора использовали ресурсы печатных изданий: в Костроме предпринималась попытка разбить предвыборный блок кадетов и социал-демократов при помощи издания газеты-листка «Рабочий», в Ярославле губернатор опирался на местную правую печать.

В целом избирательные кампании в I и II Государственные Думы проходили на основе избирательного закона 11 декабря 1905 г. и стали новым явлением в общественно-политической жизни провинции. Народные избранники опирались на ресурсы партий, которые они представляли, на свои предвыборные программы, участвовали в агитации посредством организации митингов, собраний, встреч, выражении взглядов на дебатах и дискуссиях. Избрание членов Думы второго созыва проходило в условиях более острой конкурентной борьбы. Преимущества левых народных избранников, прежде всего кадетских выдвиженцев, объяснялись отражением в их программе настроений избирателей, большим количеством

интеллектуалов в их команде, поддержкой органов местного самоуправления. Фабрично-заводской характер изучаемых губерний делал вполне логичной поддержку трудящимися РСДРП. Крестьянство выбирало депутатов из своей среды в надежде законодательного решения остро стоявшего аграрного вопроса, в стремлении получить землю.

§ 1.3. Сословно-социальная характеристика депутатов

На состав избранников от народа оказывал влияние как сложившийся в России сословный строй, закрепленный в избирательном законе, так и новые партийно-политические проявления, отразившиеся в складывавшейся в стране многопартийности.

В процессе работы Костромского губернского избирательного собрания 26 марта 1906 г. баллотировкой шарами А. И. Смирнов получил «за» – 80, П. А. Сафонов – 63, Н. А. Огородников – 61, И. В. Замыслов – 59, З. Г. Френкель – 51 голос. В результате предварительной договоренности крестьян 16 голосами «за» и 13 «против» был избран депутатом крестьянин П. Д. Горохов[222]. Итого от Костромской губернии в Думу были избраны двое — от крестьян: П. Д. Горохов (52 лет) и И. В. Замыслов (32 лет); один депутат — от рабочих: А. И. Смирнов (25 лет); один земский деятель от мещан — П. А. Сафонов (38 лет) и двое представителей интеллигенции: присяжный поверенный Н. А. Огородников (34 лет) и З. Г. Френкель (36 лет)[223]. Возраст избранников является свидетельством того, что в парламент, за исключением 25-летнего рабочего Смирнова, прошли зрелые люди, обладавшие жизненным опытом. Избранные депутаты представляли партию кадетов, за исключением беспартийного П. Д. Горохова и социал-демократа А. И. Смирнова. Таким образом, по Костромской губернии очевидной была победа Партии народной свободы на выборах в I Государственную Думу.

---

[222] Белов П. А. Выборы депутатов Первой Государственной Думы в Костромской губернии. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2005. № 3. С. 23–24.

[223] Первая Государственная Дума. Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной Думы. М., 1906. С. 16.

От Ярославской губернии выборщики в губернском избирательном собрании избрали пять депутатов. Это были князь Д. И. Шаховской (45 лет), К. Ф. Некрасов (33 лет), Д. А. Скульский (31 год), В. Е. Строганов (47 лет) и крестьянин А. М. Костров (50 лет) (см.: приложение 2). Показательно, что именно традиционное мировосприятие сельского населения приводило к избранию по обеим губерниям крестьянских депутатов достаточно зрелого возраста, умудренных опытом. Все ярославские избранники были членами Партии народной свободы. Шаховской, Скульский и Строганов были избраны по курии землевладельцев, Костров – от съезда уполномоченных от волостей. Некрасова избрали от съезда городских избирателей[224]. Подвели итоги выборов и неудовлетворенные таким их исходом ярославские власти. Губернатор А. А. Римский-Корсаков писал на имя министра внутренних дел об ошибочности своего прогноза результатов выборов: «Мое предположение о незначительном количестве священнослужителей, могущих быть избранными в выборщики членов Государственной Думы, не вполне подтвердилось: ни один священнослужитель в выборщики не попал»[225]. Чиновник указывал, что на выборах от землевладельцев было избрано всего девять помещиков. Он объяснял такой результат стремлением духовенства провести в выборщики лиц из своей среды и присоединением священнослужителей к крестьянству в расчете на поддержку хлебопашцев. Но, по словам А. А. Римского-Корсакова, «крестьяне, не разделяя взглядов духовенства, забаллотировали его представителей, как равно не были выбраны дворяне в Ярославском, Ростовском, Пошехонском, Даниловском и Рыбинском уездах»[226]. Такие голоса крестьянства связывались не с сословной рознью, а с экономическими условиями и стремлением хлебопашцев выбрать людей из своей среды. Костромичи провели в Думу двух крестьян, одного рабочего, одного мещанина и двух представителей интеллигенции. Ярославцы были представлены тремя дворянами, одним крестьянином и одним мещанином.

---

[224] Государственная Дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. М., 1906. С. 53.
[225] РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 51. Л. 43.
[226] РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 51. Л. 44.

Во II Государственную Думу от Костромской губернии был избран Александр Васильевич Перелешин, занимавший должность председателя Костромской губернской земской управы. Он был дворянином и представителем кадетской партии[227]. В Думу прошел также Борис Леонидович Петерсон, который служил председателем Ветлужской уездной земской управы. Род Петерсонов был внесен в третью часть Указателя дворянских родов Костромской губернии. Б. Л. Петерсон во время выборов позиционировал себя как кадет, но во II Думе примкнул к группе Народных социалистов[228]. Еще одним костромским депутатом стал потомственный почетный гражданин Павел Евлампиевич Юницкий, представлявший Партию народной свободы – надзиратель Кинешемского духовного училища. Кроме вышеуказанных депутатов, во Второй Думе интересы Костромского края представляли крестьянские депутаты, являвшиеся членами кадетской партии: Николай Евдокимович Антонов и Филипп Иванович Галунов. В парламент прошел рабочий-большевик фабрики Красильщиковых в Родниках Алексей Васильевич Калинин[229].

Успех левых депутатов в Костромской губернии был подкреплен высокой степенью общественного доверия к народным избранникам, продуманным участием в избирательной кампании и особенно связываемыми с избранниками надеждами на перемены. Немаловажным фактором, повлиявшим на доверие избирателей к кадетам, была их активность в Думе первого созыва. В свою очередь расчет правых на исторические традиции населения региона не оправдался, и им не удалось получить широкую общественную поддержку.

Работа Ярославского губернского избирательного собрания началась с избрания депутата от крестьян. В качестве кандидатов были выдвинуты крестьяне: Лавров, Горев, Зимин, Мимотин, Рыбин, Бардышев, Андреев, Скробин и Завиалов. Андреев и Скробин отказались от баллотировки. Другие баллотировались, но абсолютное большинство голосов (9 из 16) получил лишь крестьянин

[227] РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 325. Л. 4.
[228] РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 574. Л. 21.
[229] Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX вв. / сост. В. В. Кривенький, Н. Н. Тарасова. М., 1996. С. 114.

Зверинцевской волости Ростовского уезда Иван Григорьевич Лавров[230]. Он и был избран в депутаты от крестьянской курии. Затем происходили выборы в общем собрании всех выборщиков для избрания трех депутатов от губернии. Из всех кандидатов, баллотировавшихся до перерыва, получил абсолютное большинство голосов и был избран депутатом угличский уездный предводитель дворянства, камер-юнкер императорского двора Николай Николаевич Тучков[231]. Попытки избрать остальных членов Думы не дали положительных результатов, поскольку голоса избирателей разделялись, и никто из кандидатов не получил достаточного числа голосов. После долгих баллотировок в пятом часу дня был объявлен перерыв до 7 часов вечера. Выборщиков присутствовало на собрании 54 человека. При возобновлении в 7 часов вечера губернского избирательного собрания снова приступили к баллотировке намечаемых записками кандидатов. После нескольких баллотировок два выборщика от крестьян, Бардышев и Репин, получили большинство избирательных голосов, но при дальнейшей баллотировке они уступили другим кандидатам. Кроме Н. Н. Тучкова и И. Г. Лаврова, избранными членами Государственной Думы оказались: 1. Пуговишников Дмитрий Павлович, ярославский мещанин, токарь лесопильного завода Д. Е. Жакова при селе Жукове Норской волости. 2. Василий Георгиевич Ваулин, учитель железнодорожного начального училища при станции Ярославль[232]. По завершении выборов урны с избирательными записками охранялись военным караулом. После окончания подсчета все документы по выборам под усиленным караулом были направлены председателю окружного суда. Избранные в члены Государственной Думы от Ярославской губернии прошли в выборщики в губернское избирательное собрание от следующих уездов: Н. Н. Тучков – от съезда уездных землевладельцев Угличского уезда, В. Г. Ваулин – от съезда городских избирателей Ярославского уезда (большинством 35 против 19), Д. П. Пуговишников – от съезда уполномоченных от рабочих фабрично-заводских предприятий Ярославской

[230] РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 322. Л. 5.
[231] РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 443. Л. 4.
[232] РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 69. Л. 4.

губернии (большинством 34 против 20 голосов), И. Г. Лавров – от съезда уполномоченных от волостей Ростовского уезда[233].

Особенностью выборов по Ярославской губернии было отдельное представительство в Думе от города Ярославля. На городское избирательное собрание в Ярославле прибыли 76 выборщиков из 82. Собранием руководил городской голова, ознакомивший участников с положениями действующего избирательного закона. Выборщики записками наметили кандидатов в Думу: Бобин получил 69 записок, Жаков – 2, Яблонев – 2, Иваньшин и Смирнов – по 1. М. П. Бобин при баллотировке получил 70 избирательных шаров. Остальные от баллотировки отказались. Избрание М. П. Бобина было встречено долгими аплодисментами, после которых последовали поздравления горожан.

Пять депутатов, избранных от Ярославской губернии в Государственную Думу второго созыва, были членами конституционно-демократической партии. Образование ярославские народные избранники получили следующее: «М. П. Бобин – высшее (имел ученое звание профессора), Н. Н. Тучков – среднее, В. Е. Ваулин окончил курс в Новинской учительской семинарии, Д. П. Пуговишников обучался в городском училище, И. Г. Лавров получил домашнее образование»[234]. Михаил Павлович Бобин служил преподавателем на кафедре римского права в Ярославском Демидовском юридическом лицее[235].

Следовательно, во II Государственную Думу от Костромской и Ярославской губернии прошли представители левых, избранные для защиты в парламенте интересов различных слоев населения, в том числе потерпевших от столыпинских реформ крестьян, фабрично-заводских рабочих, а также средних городских слоев, пострадавших от последствий русско-японской войны, экономического кризиса и инфляции. Левые депутаты заняли соответствующую часть зала заседаний Таврического дворца. Несмотря на вышеуказанные трудности, кадеты вновь

---

[233] Ярославские отголоски. 1907. № 30. 7 февраля.
[234] Ярославские отголоски. 1907. № 30. 15 февраля.
[235] РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 143. Л. 5.

прошли в парламент, используя единый блок с левыми и запоздалое вступление в предвыборную борьбу революционеров и правых.

Доверие к депутату во многом определялось его предшествующей общественно-политической деятельностью, которая выражалась в опыте борьбы за интересы избирателей и конкретных фактах их защиты. Возможностью зарекомендовать себя перед электоратом являлась служба в органах местного самоуправления, прежде всего в земствах. Представляется интересным проследить процесс становления будущих депутатов I Думы путем сравнения опыта общественно-политической работы З. Г. Френкеля и Д. И. Шаховского. Оба не были уроженцами тех губерний, от которых были избраны в парламент. Первый родился в Козелецком уезде Черниговской губернии, второй – в Царском Селе. Френкель происходил из семьи крещеных евреев, управлявших имением малороссийского помещика. Родители Шаховского были представителями знатного дворянского рода и служили при дворе. Что касается образования избранников, то З. Г. Френкель окончил Нежинскую гимназию с золотой медалью, затем неполный курс медицинского факультета Московского университета, а в 1895 г. завершил обучение в Дерптском университете. Смена университетов объяснялась участием Френкеля в студенческих сходках и высылке из Москвы. По словам видного революционера В. М. Чернова, «в студенческие годы в Дерпте Френкель участвовал в кружке по изучению марксизма»[236]. Следовательно, уже в молодости убеждения Френкеля были оппозиционны самодержавию. В свою очередь князь Д. И. Шаховской обучался в Варшавской гимназии, затем окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. За время обучения в столице он дважды подвергался арестам за участие в студенческих беспорядках. Несмотря на неодинаковое сословное происхождение Френкеля и Шаховского, их жизненный путь в молодости представляется весьма схожим.

В дальнейшем З. Г. Френкель и Д. И. Шаховской занялись общественной работой и стали видными земскими деятелями. Первый служил земским врачом

[236] Чернов В. М. Записки социалиста- революционера. Берлин, 1922. С. 61.

сначала в Новой Ладоге, затем «последовательно в Петербурге, Великом Новгороде, Вологде и с осени 1904 г. в Костроме»[237]. Послужной список Д. И. Шаховского открылся Тверской губернией, где он стал заведовать отделом народного образования в местном губернском земстве. В 1889 г. князь переехал в Ярославль, где занял должность губернского земского гласного. Таким образом, оба будущих депутата начали свою карьеру как земские деятели.

Начало их карьеры проходило в нелегких условиях. Когда З. Г. Френкель прибыл в Кострому с целью создания губернской санитарной организации, он начал работу «в исключительно сложных условиях распространения эпидемий оспы и тифа, должен был обследовать санитарные условия местных фабрик, заводов, деревень»[238]. Губернский центр приятно удивил доктора «живописным расположением на склонах и верхней террасе волжского берега, открывавшимися из города замечательными видами на заволжские дали»[239]. С 1904 по 1909 гг. Френкель трудился на ниве общественной и врачебной работы в Костромской губернии. Его земская и врачебная деятельность не ограничивалась Костромой: по долгу службы он выезжал в Галич, Плес, Большие Соли, Макарьев, Кинешму и другие населенные пункты. Одновременно Френкель принимал участие в создании сети лечебно-продовольственных пунктов для рабочих, обсуживающих речной транспорт[240]. В свою очередь Д. И. Шаховской в Ярославской губернии участвовал в выработке мер по борьбе с голодом. В 1890-е гг. ярославцы прозвали его «летучий голландец» за постоянные разъезды с целью собрать и сгруппировать силы российской оппозиции в провинции. В это время Шаховской работал в Вольном экономическом обществе, а также принимал участие в нелегальных земских съездах, высказываясь за союз земских гласных и земских служащих в деле

---

[237] Миловидов, В. Л., Миловидова, Н. В. Оправдавший доверие народа. // Губернский дом. 2007. № 1–2. С. 45–46.
[238] Миловидов, В. Л., Миловидова, Н. В. Оправдавший доверие народа. // Губернский дом. 2007. № 1–2. С. 45–46.
[239] Френкель З. Г. Записки о жизненном пути. СПб., 2009. С. 189.
[240] Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы / сост. С. А. Венгеров. СПб., 2010. С. 668.

оппозиции правительству. Следовательно, князь Шаховской во время работы в Ярославском земстве придерживался левых взглядов.

З. Г. Френкель в начале XX в. также включился в политическую деятельность. В Костроме вместе с единомышленником Н. А. Огородниковым он начал группировать вокруг себя либеральные силы. Захарий Григорьевич был очевидцем нарастания революционных настроений в Костроме и по всей стране. По своим убеждениям Френкель был либералом, он видел вопиющие проблемы и неустройство окружающей действительности. И не хотел оставаться в стороне. Он открыто высказывался о необходимости мирных, постепенных реформ всех сторон общественной жизни государства, хотя «либеральная альтернатива общественного развития России была отвергнута власть предержащими»[241].

Сходство пути Шаховского и Френкеля проявлялось и в том, что, стремясь получить признание и известность в своих губерниях, они активно публиковались. По словам самого Френкеля, перед отъездом из Вологды в Кострому он «занимался подготовкой к печати и изданием трех томов VI Вологодского съезда земских врачей, посвященным изучению движения населения (общей и детской смертности, рождаемости, заключению браков)»[242]. В Костроме Френкель начал издавать статьи с рекомендациями по улучшению условий жизни и труда рабочих[243]. В 1905–1906 гг. он очень много писал: издал работы «Холера и городское благоустройство», «Очерки земского врачебно-санитарного дела в Костромской губернии», сотрудничал с изданиями «Земское дело», «Новое слово», «Жизнь», «Научное обозрение», «Речь», «Вестник народной свободы», «Врачебная газета», «Гигиена и санитария», «Русский врач»[244]. В то же время ярославский земский деятель Д. И. Шаховской выступал редактором газеты «Северный край», а также печатался в газете «Вестник Ярославского земства». В конце 1890-х гг. Д. И. Шаховской взял себе псевдоним С. Мирный, под которым за рубежом

---

[241] Протоколы ЦК конституционно-демократической партии 1905–1911 гг. / сост. Д. Б. Павлов, Н. И. Канищева. М., 1994. С. 5.
[242] Френкель З. Г. Записки о жизненном пути. СПб., 2009. С. 189.
[243] Шелохаев В. В. Государственная Дума России. М., 2006. С. 675.
[244] РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 143. Л. 64.

опубликовал брошюры «Ходынка», «Царские милости», «Адреса земств 1894–1895 гг. и их политическая программа»[245].

Наконец, З. Г. Френкель и Д. И. Шаховской стояли у истоков создания местных отделений кадетской партии в своих губерниях. После опубликования манифеста 17 октября в провинции стали массово возникать местные отделения общероссийских политических партий. Не стали исключением и кадеты, организации которых в Костромской губернии «весной 1906 г. насчитывали более 600 человек»[246]. Справка, составленная для МВД на Френкеля после его избрания депутатом, содержит весьма ценные сведения: «Являясь крупной политической величиной, всесторонне образованный З. Г. Френкель был одним из организаторов костромского отдела Партии народной свободы и членом ее губернского комитета, занимался напряженной общественной деятельностью. Несмотря на сильную оппозицию, игравшую на националистической струнке избирателей, был избран в члены Государственной Думы большинством 51 против 48. Относительно тактики партии в Думе З. Г. Френкель придерживается того мнения, что она будет зависеть от общего положения дел в стране. Френкель уверен, что Партия народной свободы идет в Думу для учредительной работы»[247]. В Ярославле князь Д. И. Шаховской в 1903 г. организовывал сельскохозяйственный съезд и выставку по народному образованию, используя эти площадки для организации «Союза освобождения», ставшего предшественником Партии народной свободы. В 1905 г. Дмитрий Иванович стал одним из организаторов кадетской партии и вошел в ее ЦК.

Еще одним способом приобретения доверия и популярности среди избирателей была судебная и адвокатская служба. В этом близкими являются личности костромского избранника Николая Александровича Огородникова и ярославского депутата Дмитрия Аркадьевича Скульского. Оба окончили Ярославскую мужскую гимназию. Затем получили высшее юридическое образование: Д. А. Скульский учился на «юридическом факультете Санкт-

[245] РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 103. Л. 6.
[246] Миловидов В. Л. Оправдавший доверие народа. // Губернский дом. 2007. № 1–2. С. 44–45.
[247] РГИА. Ф. 1284. Оп. 238. Д. 94. Л. 37.

Петербургского университета, а Н. А. Огородников – на юридическом факультете Московского университета. После завершения обучения Скульский вернулся в родной Ярославль, а уроженец Владимирской губернии Огородников приехал в Кострому. Далее вновь проявляется общее между будущими депутатами: оба работают в окружном суде (Огородников – помощником секретаря, Скульский – судебным следователем).

Однако занимавший более скромную должность в сравнении со Скульским Н. А. Огородников стремительно приобретает широкую известность не только в Костромской, но и в соседней Ярославской и других губерниях Поволжья. Это объяснялось прежде всего его энциклопедическими знаниями в сфере юриспруденции и накоплении большой и успешной адвокатской практики. Известность среди костромичей пришла к Н. А. Огородникову в 1897 г. Тогда за ним закрепилась репутация активного защитника прав трудящихся. Поддержку рабочих Николай Александрович получил, выступив на судебном процессе по делу о забастовке трудящихся фабрики предпринимателей Зотовых. В качестве адвоката он добился оправдания для забастовщиков[248]. Позднее Огородников неоднократно выступал на общероссийских съездах адвокатов, а в Костроме под его началом была создана Консультация присяжных поверенных при окружном суде. Накануне Первой русской революции адвокат выигрывал уголовные и политические судебные процессы в Костромской, Ярославской и Нижегородской губерниях. В 1905 г. Н. А. Огородников сблизился с Френкелем, стал его другом и соратником по кадетской партии. Как и Френкель, по своим общественно-политическим взглядам Огородников являлся либералом. Являясь представителем интеллигенции, Николай Александрович наиболее остро ощущал необходимость решительных перемен в России. По его мнению, именно кадетская программа выражала линию развития российского национального прогресса и должна была вывести страну из кризиса без кровавых потрясений, создать условия для

[248] Государственная Дума России: энциклопедия в 2-х т. Т.1. Государственная Дума Российской империи (1906–1917). Москва: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 442.

ускоренного развития России[249]. В своих предвыборных речах он убеждал избирателей не бояться Учредительного собрания, которое все равно выскажется за монархию, ибо «царь и народ – излюбленный девиз русского народа»[250]. При избрании выборщиков по городу Костроме адвокат получил наибольшее число голосов, что говорит о его авторитете среди горожан. В губернском избирательном собрании Н. А. Огородникова выбрали депутатом Думы 61 избирательным и 38 неизбирательными шарами. При этом Огородников уступил лишь А. И. Смирнову (80 шаров) и П. А. Сафонову (63 шара). Отправляясь в Петербург, Н. А. Огородников подписал расписку в получении 184 руб. 75 коп. прогонных денег от Канцелярии костромского губернатора[251].

В то же время об общественно-политической деятельности ярославского избранника Д. А. Скульского известно меньше. Министр юстиции С. С. Манухин «очень высоко отзывался о его профессиональных качествах. Кроме того, Д. А. Скульский стал одним из основателей Рыбинского отдела кадетской партии»[252]. О степени доверия к нему ярославских избирателей говорит то, что в губернском избирательном собрании 26 марта 1906 г. по числу голосов он набрал второе место, уступив только князю Д. И. Шаховскому. Таким образом, на примере Н. А. Огородникова и Д. А. Скульского можно говорить о судебной и адвокатской службе, позволяющей завоевать безупречную репутацию и уважение власти и общественности.

Коллегой Д. А. Скульского по работе в Рыбинском уездном комитете кадетской партии был Василий Егорович Строганов, избранный в депутаты I Думы от Ярославской губернии. Строганова сближали с костромским депутатом З. Г. Френкелем медицинское образование в Московском университете, где Василий Егорович получил ученую степень доктора медицины. В Ярославской губернии,

---

[249] Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911. / под ред. Д. Павлова. М., 1994. С. 5–7.
[250] РГИА. Ф. 1284. Оп. 238. Д. 94. Л. 24.
[251] ГАКО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 22. Л. 99.
[252] РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 141. Л. 119.

прежде всего в Рыбинске, он работал врачом, «нередко бесплатно принимая бедных и неимущих земляков»[253].

Уместным представляется сопоставить жизненный путь до избрания в депутаты костромского депутата Петра Алексеевича Сафонова и ярославца Константина Федоровича Некрасова. Примечательно, что Сафонов был выдвинут в выборщики от города Макарьев, и Некрасова избрали депутатом от съезда именно городских избирателей. Однако происхождение депутатов было различным. П. А. Сафонов родился в семье сапожника города Макарьев, а К. Ф. Некрасов был потомственным дворянином, а также приходился племянником известному поэту Н. А. Некрасову. Если Сафонов учился в Казанском земледельческом училище и Петровской сельскохозяйственной академии, то Некрасов получил среднее образование в Московском кадетском корпусе. П. А. Сафонов поступил на службу управляющим крупного имения в Саратовской губернии, а Некрасов не смог пойти на военную службу ввиду проблем со здоровьем. Сближает судьбы депутатов их возвращение на малую родину: П. А. Сафонов приехал в Кострому и стал почетным мировым судьей по Макарьевскому уезду. Там П. А. Сафонов принимал деятельное участие в реализации научных агрономических опытов, а также сотрудничал по своей специальности с журналами «Хозяин» и «Труды саратовского сельскохозяйственного общества», что по активной публицистической работе сближает его с З. Г. Френкелем и Д. И. Шаховским. В свою очередь К. Ф. Некрасов по приезде в Ярославль служил земским начальником Ярославского уезда. Оба избранника в Департаменте полиции имели репутацию неблагонадежных. О Сафонове было известно, что «в 1905 г. его избрали председателем Саратовского общества сельского хозяйства. Защищая основы земского самоуправления, он внес предложение о переизбрании гласных на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. Губернское земское собрание это предложение отклонило, и тогда Сафонов вышел из состава гласных саратовской губернии»[254]. Ярославец К. Ф. Некрасов был вынужден оставить должность земского начальника «по

[253] РГИА. Ф. 1278. Оп.1. Д. 103. Л. 8.
[254] РГИА. Ф. 1284. Оп. 238. Д. 94. Л. 35.

распоряжению министра внутренних дел ввиду своей неблагонадежности»[255]. И Сафонов, и Некрасов стали членами конституционно-демократической партии, начав в ходе предвыборной кампании агитацию, особенно в крестьянской среде. Первый обладал репутацией талантливого оратора и человека с широким общественно-политическим кругозором, а известность приобрел своими выступлениями в должности уездного и земского гласного среди сельских избирателей[256]. В свою очередь К. Ф. Некрасова исполняющий должность пристава первой части города Ярославля характеризовал так: «По политическим убеждениям революционер, агитировавший среди крестьян Ярославского уезда за неплатеж государственных повинностей»[257].

Избранный в Думу первого созыва от Костромской губернии рабочий Александр Иванович Смирнов трудился на фабрике братьев Разореновых в селе Вичуга Кинешемского уезда. Примечательно, что в ходе избирательной кампании он позиционировал себя как кадет, активно участвуя в работе местного отдела партии, однако в Думе примкнул к социал-демократам. Кандидатура А. И. Смирнова была выставлена самими рабочими и поддержана всеми партиями, заранее согласившимися одно место отдать представителю от рабочих. В губернском избирательном собрании Смирнов получил 80 голосов против 19[258].

Наконец, интересно определить мотивы избрания крестьянскими депутатами от Костромской губернии Павла Дмитриевича Горохова и Ивана Васильевича Замыслова, а от Ярославской – Андрея Михайловича Кострова. И. В. Замыслову на момент избрания было 32 года, П. Д. Горохову – 49, А. М. Кострову – 63 года, что говорит о доверии крестьянских избирателей к лицам, имевшим жизненный опыт. Как личности, депутаты формировались уже в пореформенную эпоху в условиях новых общественных отношений. Избранники от хлебопашцев имели следующее

[255] РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 120. Л. 21.
[256] РГИА. Ф. 1284. Оп. 238. Д. 94. Л. 36.
[257] РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 120. Л. 21.
[258] РГИА. Ф. 1284. Оп. 238. Д. 94. Л. 37.

образование: Горохов обучался дома, а Замыслов окончил земское училище[259]. Костров получил начальное образование. Избирателям, хорошо их знавшим, импонировали сознательность и начитанность своих кандидатов[260]. На выборах депутаты смогли заручиться поддержкой не только односельчан, но и всей округи. Замыслова уважали за доброту и честность, а его прогрессивные взгляды обеспечили ему голоса избирателей. А. М. Костров, уроженец с. Угодичь Ростовского уезда Ярославской губернии, занимался семенной торговлей и заведовал ростовским сельскохозяйственным складом.

П. Д. Горохов и И. В. Замыслов к началу выборов обладали опытом работы в земском и волостном правлении. Первый служил волостным старшиной и членом уездной земской управы, второй был председателем совета ссудо-сберегательного товарищества и церковным старостой[261]. Это позволило будущим депутатам получить опыт управленческой деятельности. А. М. Костров пользовался уважением односельчан и был избран волостным старшиной. На этой должности он служил 11 лет. Затем два года Костров был членом уездной земской управы. В то же время крестьянские выдвиженцы начали общаться с левой интеллигенцией, повлиявшей на их политические взгляды. Ярославское земство, в отличие от Костромского, отличалось более умеренными взглядами, что повлияло на политические взгляды будущего депутата. И. В. Замыслов в конце 1905 г. сблизился с кадетами[262]. В свою очередь П. Д. Горохова односельчане в декабре 1905 г. на общем сходе определили «ходоком к Царю» просить «прирезки земли». П. Д. Горохов пользовался уважением и авторитетом у односельчан и являлся «горячим защитником крестьянских интересов, твердо отстаивал их от посягательств всевозможных деревенских кулаков – мироедов и всегда находился в оппозиции к сельским и волостным властям»[263].

---

[259] Государственная дума первого созыва: портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. М., 1906. С. 36.
[260] Первая российская Государственная дума. Литературно-художественное издание. СПб., 1906. С. 134.
[261] Большая энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1909. С. 193.
[262] Костромич. 1907. 6 января.
[263] Речь. 1906. 28 июня.

Когда Замыслова избрали в губернские выборщики, он скрывался от полиции до самых выборов, опасаясь ареста. На предвыборных собраниях проявил себя ярким и незаурядным оратором. В губернском избирательном собрании он получил 59 избирательных и 40 неизбирательных шаров[264]. Горохова же власти арестовали в феврале 1906 г. за распространение воззваний Партии народной свободы. Узнав об аресте своего избранника, крестьяне Кандауровской волости прислали в газету «Костромская речь» письмо под названием «Горохов и грохало» следующего содержания: «По услышании отрадных манифестов об участии в Государственной Думе бедно-крестьянского населения, что можно говорить правду, мы сделали сход 4 декабря 1905 г. С общего согласия в присутствии всей волости выбрали мы ходатая, которого считали лучшим из нас, а именно крестьянина деревни Дубнова Павла Дмитриевича Горохова. Но злые и недоброжелательные люди просеяли нас сквозь частое решето, и по их злому наущению выборного нашего забрали. На что? Куда? Мы этого не знаем. Господи! Что же нам остается делать? Мы ждем лучшего, а делается худшее. Плохая наша доля!»[265]. Перед выборами П. Д. Горохов был освобожден из тюрьмы и избран в Государственную Думу большинством голосов 16 против 13. Арест способствовал росту популярности Горохова, который послал юрьевецкому исправнику телеграмму, благодаря за рекламу. Таким образом, со своими избранниками П. Д. Гороховым и И. В. Замысловым крестьяне связывали надежды на перемены. В свою очередь А. М. Костров был избран депутатом Государственной Думы от съезда уполномоченных волостей. Когда выборы закончились, А. М. Кострову «пришло приглашение от депутата А. Ф. Аладьина вступить в Трудовую группу. Несмотря на свое происхождение, Костров отказался»[266]. Государственная Дума второго созыва «по своему политическому составу была значительно левее первой. Кадеты уже не могли рассчитывать на ту руководящую роль, которая принадлежала им в первой Думе. Тем не менее роль им предстояла значительная»[267].

---

[264] РГИА. Ф. 1284. Оп. 238. Д. 94. Л. 24.
[265] РГИА. Ф. 1284. Оп. 238. Д. 94. Л. 23.
[266] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 9. Д. 281. Л. 91.
[267] Кизеветтер А. А. На рубеже столетий: Воспоминания: 1881–1914. М., 1996. С. 305.

Министерство внутренних дел проявляло пристальное внимание к избранным членам Думы и собирало о них сведения. 26 февраля 1907 г. Департамент полиции направил телеграмму в Государственную Думу: «Имеем честь просить Особое Делопроизводство не отказать в доставлении полного списка членов Государственной Думы»[268]. Информацию о депутатах в Петербурге получали и из провинции. 9 февраля Ярославское отделение МВД направило телеграмму в Особое делопроизводство по выборам в Государственную Думу: «Имеем честь препроводить сведения об избранных губернским и городским избирательными собраниями членах Государственной Думы от города Ярославля и губернии. К сему считаем долгом присовокупить, что характеристика пяти членов Думы будет сообщена дополнительно»[269]. 6 марта 1907 г. Департамент полиции возвратил в Особое делопроизводство Государственной Думы бланки со сведениями о ряде депутатов II Думы (среди них был и костромич А. В. Перелешин), заметив, «что о прочих лицах в означенном отношении сведений в делах департамента не имеется»[270]. Следовательно, прослеживается стремление правительственных чиновников иметь полные, всеобъемлющие данные о депутатах II Думы.

Отделение МВД Ярославского губернатора характеризовало избранных во II Думу депутатов следующим образом. Прежде всего отмечалось хорошее образование избранников: «Приват-доцент Демидовского Юридического Лицея Михаил Павлович Бобин окончил курс на юридическом факультете Харьковского университета с дипломом первой степени и был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре римского права. Затем был послан за границу и слушал лекции в институте римского права в Берлине»[271]. О депутате Н. Н. Тучкове прежде всего сообщался его богатый послужной список: «получил воспитание в 1-ом Санкт-Петербургском кадетском корпусе, затем был прикомандирован к Николаевскому кавалерийскому училищу, в 1891 г. произведен

[268] РГИА. Ф. 1284. Оп. 238. Д. 96. Л. 26.
[269] РГИА. Ф. 1327. Оп. 120. Д. 104. Л. 15.
[270] РГИА. Ф. 1284. Оп. 238. Д. 95. Л. 34.
[271] РГИА. Ф. 1327. Оп.2. Д. 145. Л. 21.

в корнеты 28-го Драгунского Новгородского полка и в 1892 г. был переведен в Лейб-гвардии конногренадерский полк. По увольнении в запас назначен в 1893 г. на должность земского начальника 3-го участка Мышкинского уезда Ярославской губернии. В 1895 г. избран на должность председателя Угличской уездной земской управы. В этой должности он пробыл до 1899 г, когда был избран на должность Угличского уездного предводителя дворянства»[272]. В то же время было известно о проявлениях левых, оппозиционных взглядов депутатов. Так, относительно М. П. Бобина отмечались его приверженность либеральным взглядам и подверженность чужому влиянию. Обеспокоенность полиции вызывала решительная критика Бобиным высшего чиновничества и дворянства в ходе предвыборных выступлений: «Вы скушали крестьянскую землю, вы скушали крестьянский хлеб, своими привилегиями вы кушаете русскую промышленность, вы скушали русский флот. И все эти кушанья вы запивали кровью народа. Жадною толпою стоя у трона, вы готовы уже скушать могущество русской державы»[273]. Эти слова кандидата были прерваны помощником полицмейстера. Исходя из п. 6 ст. 129 Уголовного уложения, начальник Ярославского губернского жандармского управления привлек М. П. Бобина к судебной ответственности. К справке на депутата прилагалась копия постановления начальника губернского жандармского управления от 5 февраля 1907 г. Политические взгляды депутата Н. Е. Ваулина власти определяли левыми и близкими к социал-демократам: «Окончил курс в учительской семинарии, состоит учителем железнодорожного начального училища при станции Ярославль-город. В политическом отношении представляет личность неблагонадежную»[274]. В то же время личность Н. Н. Тучкова характеризовалась как весьма бесцветная. МВД также прогнозировало присоединение депутата от рабочих Д. П. Пуговишникова к Трудовой группе, однако в Думе он вошел в состав кадетской фракции. На фотографии в анкете Пуговишников, относивший себя к образованным слоям общества, одет весьма интеллигентно, что не было характерно

[272] РГИА. Ф. 1327. Оп.2. Д. 145. Л. 24.
[273] Там же.
[274] РГИА. Ф. 1327. Оп.2. Д. 145. Л. 29.

для депутатов-рабочих[275]. В свою очередь крестьянин И. Г. Лавров, по данным Ярославского МВД, представлял собой «рядового хлебопашца, по политическим воззрениям близкого к составу правых партий, монархистов»[276].

Таким образом, всего в Государственной Думе первого и второго созывов Костромскую и Ярославскую губернии представляли 22 депутата. В I Думе интересы Костромской земли выражали два крестьянина, два представителя интеллигенции, один мещанин и один рабочий, из них четверо были членами кадетской партии, один – беспартийный, один – социал-демократ. Депутаты от крестьян зачастую не доверяли политическим партиям, а депутаты от рабочих вполне закономерно поддерживали РСДРП. Ярославская губерния была представлена тремя дворянами, одним крестьянином и одним мещанином, все пятеро депутатов были кадетами. Во II Думе интересы избирателей Костромской губернии выражали два дворянина, два крестьянина, один мещанин, один рабочий, из них пятеро были кадетами, один рабочий был большевиком. От Ярославской губернии были избраны два мещанина, один дворянин, один крестьянин, один рабочий, все депутаты были кадетами. При запоздалом вступлении в борьбу за голоса избирателей левых и растерянности монархистов на обоих выборах кадеты добились уверенного успеха. Сословно-социальное происхождение депутатов демонстрирует, что они должны были представлять и защищать в парламенте интересы различных категорий населения: стремившихся получить землю и потерпевших от столыпинских реформ крестьян, фабрично-заводских рабочих и испытывавших экономические трудности средних городских слоев населения. В депутаты проходили, как правило, люди зрелого возраста, обладавшие жизненным и профессиональным опытом. Избиратели, особенно из крестьянской среды, отдавали свои голоса тем, кто, по их мнению, обладал репутацией борца за народные интересы, был честным и порядочным человеком, а также обладал опытом эффективной работы в земском и волостном правлении. Многие депутаты обладали значительной врачебной, судебной и адвокатской практикой, также

[275] РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 351. Л. 2.
[276] РГИА. Ф. 1327. Оп.2. Д. 145. Л. 28.

позволявшими проявить себя на ниве общественной работы. Ряд народных избранников активно публиковался в различных периодических изданиях, что прокладывало путь к известности среди избирателей. Сословное происхождение депутатов было разным и накладывало отпечаток на их образование, общественно-политическую деятельность и партийное самоопределение.

Глава 2. Выборы в III и IV Государственные Думы

§ 2.1. Новый избирательный закон 1907 г. и отношение избирателей к выборам в Костромской и Ярославской губерниях

3 июня 1907 г. император Николай II утвердил новый избирательный закон, который содержал серьезные изменения порядка выборов членов Государственной Думы. С одной стороны, остались в силе все ограничения и отрицательные условия участия в выборах, установленные прежним законодательством. В то же время власти ограничили избирательные права народа на выборах и расширили квоту для имущих слоев населения[277]. По курии землевладельцев отныне не могли голосовать арендаторы и управляющие имениями. Городскую курию новый избирательный закон разделил на разряды. Первый разряд составляли представители крупной буржуазии, а второй – прочие городские жители. Хотя количество избирателей второго разряда было больше, они выбирали меньшее количество выборщиков. Кроме того, было значительно увеличено количество выборщиков от землевладельческой курии одновременно с уменьшением их по куриям крестьянской и рабочей. Если ранее крестьянам было предоставлено право самим выбирать депутата из своей среды, то теперь представитель от каждой курии выбирался на общем губернском собрании, состоявшем в основном из капиталистов и крупных землевладельцев. Следовательно, согласно Положению 3 июня 1907 г. значительная часть населения лишалась права участия в выборах. Избирательная кампания в III Государственную Думу характеризовалась «организованностью нового типа, ни справа и ни слева, но сверху: бюрократия, приглядевшись к новому орудию, научилась владеть им и приспособила его к своим нуждам»[278]. Правительство, изменив избирательный закон, стремилось обеспечить нужный ему исход выборов.

---

[277] Полное собрание законов Российской империи. Т. 25. СПб., 1908. С. 406–407.
[278] Булгаков С. На выборах: (из дневника) // Русская мысль. 1912. № 11. С. 186.

В предвыборной кампании в Думу третьего созыва серьезной политической силой стали костромские и ярославские представители Союза 17 октября. В I и II Государственных Думах октябристы имели незначительное представительство и не оказывали серьезного влияния на принимаемые решения. Все изменилось после утверждения нового положения о выборах, позволившего октябристам увеличить число своих представителей в парламенте. Повлияло это и на их представительство от Костромской и Ярославской губерний. Данная партия занимала видное место на шкале политического спектра дореволюционной России и «представляла собой правый фланг российского либерального лагеря, занимая промежуточное положение между кадетами и крайне правыми»[279]. Воззвание «Союза 17 октября» содержало идею «объединения всех, кто искренне желает мирного обновления страны и торжества в ней порядка и законности, кто отвергает одинаково и застой, и революционные потрясения»[280]. Как правило, к октябристам присоединялись люди зрелого возраста и высокого образовательного уровня, со вполне определившимся и весьма солидным общественным и имущественным положением.

Сознавая актуальность рабочего вопроса, провинциальные октябристы предпринимали попытки заручиться поддержкой трудящихся. На практике ярославские октябристы стали создавать различные общества взаимопомощи среди рабочих, например, Общество печатников с приходом 1924 руб. и выдачей пособий на 1251 руб. Трудящиеся «активно записывались в эти общества»[281]. Закон о страховании рабочих, вступивший в силу 25 июня 1912 г., октябристы одобряли, так же как и кадеты: «Все здоровые силы в России сделают все возможное, чтобы параллельно росту нашей промышленности возрастало и благосостояние рабочих и все их разряды получали справедливую и достаточную помощь на случай болезни и увечий, лишающих их возможности работать»[282]. Следовательно, в предвыборной программе провинциальных октябристов особое внимание

[279] Шелохаев В. В. Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 108.
[280] Черкашин Г. А. Первый штурм М., 1990. С. 456.
[281] Ярославец. 1912. 19 декабря.
[282] Ярославец. 1912. 3 июля.

уделялось рабочему вопросу и предпринимались конкретные шаги по улучшению положения трудящихся масс.

Роспуск Думы второго созыва и принятие нового избирательного закона было встречено октябристами с удовлетворением. Поддержали они и преобразования П. А. Столыпина: «Прежде всего, мы желаем зажиточного, хозяйственного крестьянства. Зажиточность и хозяйственность достигаются путем приобретения и отмежевания ему отдельного отрубного участка земли. Владеть этим участком крестьянин должен на правах полной собственности. Таков будет первый прочный камень в обновляемый фундамент Российского государства»[283]. В целом местные представители Союза 17 октября организованно подошли к участию в предвыборной кампании, критикуя кадетов и левых за демагогию и всячески подчеркивая успешные результаты уже начатой Столыпиным аграрной реформы.

В Костроме отделение партии октябристов осуществляло свою деятельность с 1 декабря 1905 г. Бюро Костромского отдела партии насчитывало 15 человек, представлявших местных капиталистов и имевших представительство в городском и земском самоуправлении. Опорой Союза 17 октября на Костромской земле были губернские власти в лице губернатора А. П. Веретенникова, состоявшего в данной партии и потому благоволившего местным октябристам[284]. После изменения избирательного закона власти продолжали контролировать по мере возможности избирательный процесс[285]. Губернатор пытался не допускать к участию в выборах видных левых общественных деятелей. Создавались всяческие препятствия деятельности левых партий и любой противоправительственной агитации. В то же время царская администрация согласовывала свои действия с лояльными ей политическими силами и оказывала финансовую поддержку правым организациям

[283] Львов В. Н. Программные речи и статьи в Самарском отделе «Союза 17 Октября». М., 1907. С. 23.
[284] Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК. 1905–1915 гг. / сост. Д. Б. Павлов, В. В. Шелохаев. М., 1996. С. 296.
[285] Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 311.

и печатным изданиям. В целом в 1907 г. правительство ассигновало 3 млн руб. на агитационные расходы[286].

Для получения нужного количества голосов местные власти практиковали разделение предварительных съездов. Во-первых, эта мера способствовала формированию более правого состава землевладельческой курии. Во-вторых, ставка на духовенство обеспечивала результативный исход самих предварительных съездов[287]. Губернатором зачастую переносились сроки проведения съездов. 1 октября 1907 г. А. П. Веретенников объявил, что «согласно ст. 96 и 113 Положения о выборах от 3 июня 1907 г. им назначен новый срок на 5 октября 1907 г. созыва второго съезда избирателей города Макарьева для выборов выборщиков на Губернское Избирательное Собрание взамен признанных Уездной Комиссией несостоявшимися выборов 26 сентября»[288]. Аналогично губернатор назначил новый срок на 6 октября 1907 г. созыва второго съезда городских избирателей города Галича для избрания выборщика на губернское избирательное собрание взамен отмененных Уездной комиссией выборов 26 сентября по этому съезду. Выборы в Буе были также перенесены с 24 сентября на 4 октября 1907 г., в Нерехте – с 26 сентября на 6 октября.

Губернатор Веретенников винил в беспорядках во вверенном ему регионе внешних врагов России и представителей еврейского населения: «Уже наводнены деревни скверными книжонками, прокламациями и ядовитыми газетами, в большинстве руководимыми и издаваемыми на средства тех же врагов и лицемеров. По России во всех углах засели или бродят недоучки, платные агитаторы в виде учителей, фельдшеров, врачей, агрономов, земцев и других благодетелей»[289]. Усилия Веретенникова по борьбе с оппозицией отмечал в письме бывший член Государственной Думы З. Г. Френкель: «Веретенников с бешеной и

---

[286] Крыжановский С. Е. Воспоминания: из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 154.
[287] Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты. 1906–1917. Пермь, 1995. С. 62–73.
[288] РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 18. Л. 27.
[289] Поволжский вестник. 1907. 27 июня.

неукротимой энергией принялся за тех, кто есть или кого он считает кадетами»[290]. Десять видных общественных деятелей города Костромы были отстранены от должностей и отданы под суд. Кадетские печатные издания облагались большими штрафами и под давлением властей были вынуждены прекращать свою работу: «Местная газета за 7 месяцев существования должна уплатить более 4 тысяч рублей»[291]. Несмотря на тяжелые условия работы, костромским кадетам удавалось удерживать свое влияние среди населения Костромской губернии. Их активность проявлялась в работе различных общественных организаций, просветительских и научных обществ. Так, стараниями кадетов И. В. Шулепникова и А. В. Перелешина было создано Костромское общество образования[292].

24 июня 1907 г. Костромской губернатор получил разъяснения от товарища министра внутренних дел С. Е. Крыжановского. Последний, ссылаясь на ст. 62 Положения о выборах в Государственную Думу от 3 июня 1907 г., телеграфировал, что «лица, принадлежащие к составу сельских и волостных обществ уезда, не подлежат внесению в списки землевладельцев и городских избирателей сего уезда, хотя бы и владели установленным для того цензом в пределах сего уезда»[293]. При этом не имели значения владение недвижимостью в своей волости и принятие личного участия в волостном сходе. Следовательно, мы видим стремление властей не допустить влияния сельских избирателей на ход выборов по другим куриям. Так, заведующий делопроизводством по выборам в Государственную Думу А. Чернов 28 июня просил Веретенникова объявить крестьянину, землевладельцу Нерехтского уезда Николаю Ковыряеву, что он как лицо, принадлежащее к волости Нерехтского уезда и владеющее частной земельной собственностью в том же уезде, «по съезду землевладельцев не может принимать участия в выборах, а, следовательно, не может подлежать к занесению в избирательный список

[290] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 231. Л. 49.
[291] ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 222. Л. 1.
[292] Баранов А. Н. Интеллигенция и конституционно-демократическая партия накануне и в годы первой российской революции: опыт взаимоотношений: автореф. дис. … канд. ист. наук. Кострома, 2000. С. 105.
[293] РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 115. Л. 40.

землевладельцев Нерехтского уезда»[294]. В то же время Чернов пояснял, что не следует исключать из списков лиц, внесенных в избирательные списки двух или нескольких съездов в соответствии с цензами, которыми они владеют, чтобы не лишать их возможности избрать для осуществления своего права тот или иной съезд по их усмотрению. Но принять участие в выборах согласно ст. 12 Положения о выборах они могли только в одном избирательном съезде, а те, которые примут участие в нескольких съездах, «должны были подлежать наказанию на основании ст. 5 Высочайшего указа от 8 марта 1906 г»[295].

Крестьянство проявляло стремление к участию в выборах членов Государственной Думы. В ходе избирательной кампании двое костромских крестьян обратились в Министерство юстиции с просьбой о восстановлении их в правах. Эти крестьяне 19 октября 1905 г. приняли участие в беспорядках на Сусанинской площади в Костроме. Приговором Московской судебной палаты они были осуждены к лишению политических прав и заключению в тюрьму на один год: «Крестьяне, вследствие вражды к учащимся местных учебных заведений, вытекавшей частью из политических взглядов, частью из экономических отношений, которых они считали устроителями забастовок в Костроме, причинили тяжкие побои двум лицам и нанесли легкие раны многим. Всего пострадало около 60 человек»[296]. 13 мая 1907 г. осужденные получили Высочайшее повеление об их помиловании. Министерство юстиции сделало запрос министру внутренних дел, «не встречается ли с вашей стороны препятствий к удовлетворению, в путях монаршего милосердия, изложенного ходатайства просителей»[297]. Товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский 26 сентября 1907 г. ответил, что препятствий к удовлетворению ходатайства не имеется.

В процессе выборов в канцелярию губернатора Веретенникова нередко поступали общественные приговоры и ходатайства отдельных крестьян, адресованные в Государственную Думу, но не относящиеся к предмету ее ведения.

---

[294] РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 115. Л. 35.
[295] РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 115. Л. 44.
[296] РГИА. Ф. 1284. Оп. 238. Д. 96. Л. 23.
[297] РГИА. Ф. 1284. Оп. 238. Д. 96. Л. 24.

Ввиду этого Веретенников 2 июля обратился в Департамент полиции, спрашивая, «надлежит ли подобные ходатайства направлять непосредственно по адресу или предоставлять на благоусмотрение Министра внутренних дел или оставлять без всякого последствия»[298]. Чиновники Департамента полиции перенаправили его запрос министру внутренних дел, поясняя, что «генерал-майор Веретенников испрашивает указаний, как ему надлежит поступать с различного рода ходатайствами и общественными приговорами, адресованными в Государственную Думу и не относящимися по своему содержанию к предмету ведения сего учреждения»[299]. В свою очередь министр распорядился дать соответствующие указания. 28 июля 1907 г. заведующий делопроизводством по выборам в Государственную Думу А. Чернов прислал костромскому губернатору необходимые пояснения. Ходатайства и общественные приговоры, адресованные в Государственную Думу и не относящиеся к ее компетенции, губернатору следовало возвратить отправителям. Основанием для этого служила статья 61 Учреждения Государственной Думы, согласно которой «в Государственную Думу воспрещается являться депутациям, а также представлять словесные и письменные заявления и просьбы»[300].

18 августа 1907 г. Костромской губернатор вновь обратился в Особое Делопроизводство по выборам в Государственную Думу за разъяснениями. Епископ Костромской и Галичский Тихон спрашивал у Веретенникова, могут ли принимать участие в предварительных съездах для выборов уполномоченных от духовенства в случае болезни настоятеля его представители – другой священник, диакон или псаломщик. Костромской губернатор отмечал, что в Положении 3 июня 1907 г. пояснения по этому вопросу отсутствуют. Товарищ министра внутренних дел ответил губернатору, что «закон, предоставляя настоятелям право участия в предварительных съездах на основании владения землей, не упоминает об их праве

[298] РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 18. Л. 56.
[299] РГИА. Ф. 1284. Оп. 238. Д. 95. Л. 7.
[300] РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 115. Л. 61.

уполномочивать вместо себя для участия в выборах других лиц, хотя бы и принадлежащих к причту»[301].

Таким образом, Положение о выборах 3 июня 1907 г. серьезно изменило соотношение сил при избрании членов Государственной Думы третьего созыва. Законодательными и административными мерами власти сумели усилить влияние выборщиков от имущих слоев населения, прежде всего крупных землевладельцев и торгово-промышленных слоев. В то же время было уменьшено влияние крестьянских выборщиков. Избранию более правого состава депутатов способствовала практика разделения избирательных съездов на отделения, затронувшая предварительные съезды по землевладельческой курии, некоторые съезды уполномоченных от волостей и городские съезды. Кандидатам от Союза 17 октября было легче осуществлять свою агитацию в процессе избирательной кампании, поскольку правительственный запрет чиновникам вступать в партии левее октябристов, поддержка губернатором костромских октябристов, разработка данной партией конкретных мер по решению рабочего вопроса, а также одобрение курса столыпинских реформ способствовали укреплению позиций данной партии в провинции.

Осенью 1912 г. в Костромской и Ярославской губерниях проходили выборы в Государственную Думу IV созыва на основе избирательного закона 3 июня 1907 г. К июлю 1912 г. уже были выдвинуты кандидаты в депутаты. Так, костромичам стало известно, что от местных кадетов баллотироваться будет Петр Васильевич Герасимов, имевший опыт работы в III Думе.

Власти заблаговременно готовились к организации избирательной кампании. 26 июня 1912 г. товарищ министра внутренних дел А. Л. Харузин адресовал телеграмму губернаторам и градоначальникам, в которой предписывал принять все необходимые меры для своевременного составления и опубликования избирательных списков. Харузин предвидел возможные трудности, связанные с нехваткой времени, а также наличием рабочей силы, условиями типографской

[301] РГИА.Ф. 1327. Оп. 1. Д. 18. Л. 68.

работы и оборудованием губернских типографий. В случае задержки на местах предлагалось следующее: «Благоволите часть работ по печатанию списков сдать частным типографиям. Прошу озаботиться, чтобы при печатании избирательных списков всемерно соблюдалась экономия на шрифтах, формате и качестве бумаги»[302]. Министерство внутренних дел также уведомило губернаторов о разъяснениях Правительствующего Сената о том, следует ли признать право участия в выборах за всеми евреями, удовлетворяющими условиям избирательного ценза, или только за теми, которые в месте обладания цензом имеют право постоянного жительства: «Смысл статей избирательного закона не оставляет сомнений в том, что выборные права предоставляются по закону лишь тем лицам, кои, удовлетворяя требованиям особого избирательного ценза, обладают притом всей полнотой общих для русских подданных гражданских и политических прав»[303]. Петербург указывал, что объем предоставленных еврейскому населению прав находится в тесной связи с правом их на жительство.

Провинциальное духовенство в преддверии выборов было обеспокоено назначением избирательных собраний на праздничные дни, что затрудняло участие в них представителей церкви. Вот почему Ведомство православного исповедания Костромского епархиального архиерея 18 июня 1912 г. обратилось к Костромскому губернатору П. П. Стремоухову с просьбой содействовать назначению избирательных собраний в уездные собрания и для избрания выборщиков в губернское избирательное собрание «не на воскресные и праздничные дни»[304].

В свою очередь рабочие Костромской и Ярославской губерний стремились провести в Думу четвертого созыва своих представителей. Так, трудящиеся станции Шарья Северной железной дороги, имеющей крупное центральное паровозное депо, имели право избирать своего выборщика в губернское избирательное собрание. В 1906–1907 гг. шарьинцы не принимали участия в выборах, поскольку депо еще только строилось, и на станции не было постоянных

[302] ГАКО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 18. Л. 21.
[303] ГАКО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 18. Л. 85.
[304] ГАКО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 18. Л. 57.

рабочих. В ходе избирательной капании в III Думу у них вновь была возможность послать своего выборщика в губернское собрание, однако этого не произошло вследствие решения шарьинских трудящихся бойкотировать выборы. В 1912 г. рабочие были готовы принять участие в выборах. Во-первых, среди них уже не было активистов, призывавших к бойкоту, во-вторых, рабочие осознали бесперспективность прежней тактики. Шарьинские токари призывали своих товарищей даже в условиях реакционного избирательного закона «провести своего представителя»[305]. Следовательно, отношение части провинциальных рабочих к выборам менялось на протяжении 1906–1912 гг.

В Костроме левые предпринимали попытки дискредитировать своих политических противников, в частности, октябристского выдвиженца Г. Н. Ботникова. В сытинской газете «Русское слово» была опубликована статья, в которой депутатская деятельность Ботникова в Таврическом дворце характеризовалась как вялая и безынициативная. Сам Ботников категорически отрицал как критику в свой адрес, так и всякие намерения костромских октябристов вступить в предвыборный блок с правыми или левыми партиями. Геннадий Николаевич не соглашался с обвинениями его в бездеятельности, указывая на работу в комиссиях по народному образованию, по городским делам и о путях сообщения. Он предлагал редакции «Русского слова» проверить свою активность по стенографическим отчетам: «Я выступал докладчиком не менее 3–4 раз за сессию. В общих собраниях Думы я выступал при решении вопросов, связанных с интересами Костромы и Костромского края. Нелепому сообщению о том, что мою работу в комиссиях заканчивал другой депутат – костромич Герасимов, я думаю, никто не поверит»[306]. Ботников указал, что с Герасимовым они работали в различных комиссиях, и надеялся, что тот подтвердит его слова. Стремление со стороны левых преуменьшить в глазах общественного мнения работу членов Государственной Думы прослеживалось и в Ярославской губернии. Так, в сентябре 1912 г. ярославские левые в прессе развернули кампанию против

[305] Костромские новости. 1912. № 20. 3 сентября.
[306] Поволжский вестник. 1912.№ 1855. 30 сентября.

депутата III Думы от Ярославской губернии октябриста Ф. Д. Андреева. Депутат якобы пользовался своим статусом и скупал за бесценок земли под Ярославлем, а также выстроил себе новый большой дом. В то же время земская школа, попечителем которой состоял Ф. Д. Андреев, осталась без ремонта. Ярославские избиратели обсуждали эти обвинения и выражали к ним свое отношение: «Кулак Андреев с горя заболел: не удалось пройти в IV Думу. Написал в свое оправдание объяснительную записку, которую распространял среди знакомых, но в печати выступить не хватило храбрости»[307].

Конкурентная борьба в процессе избирательной кампании велась, как и на выборах в предшествующие Думы, на предвыборных собраниях партийных выдвиженцев с избирателями. В ходе одного из таких собраний лидер костромских кадетов П. В. Герасимов указал на ошибки беспартийного оратора Цветкова, говоря о его неизвестности среди избирателей, путаности и неясности речи, а также отсутствии у Цветкова в случае успеха четкого плана думской работы. Герасимов заявил о сходстве взглядов Цветкова с октябристскими лозунгами: «Мы знаем, что Цветков только 3 года живет в Костроме, а ранее был заведующим санитарным бюро в губернском земстве. Пусть он нам скажет, что он собирается делать в Государственной Думе. Это можно сделать на критике деятельности лиц, уже работавших в Государственной Думе»[308]. Кадет призвал ораторов говорить не столько об общих моментах партийных программ, сколько о собственных конкретных проектах и планах работы. Однако и сам Герасимов подвергся острой критике справа и слева: «В. А. Висконт заметил, что кадеты не подпишутся ни за 8-часовой рабочий день, ни за передачу земли крестьянам без выкупа. Доктор Цветаев заявил, что кадеты поправками в законопроекты только способствуют укреплению позиций самодержавия»[309]. Беспартийный Цветков убеждал избирателей не отдавать свои голоса за лиц, работавших в предшествующих Думах и не показавших эффективной работы. В то же время он отдавал должное заслугам

[307] ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 420. Л. 115.
[308] Поволжский вестник. 1912. № 1855. 30 сентября.
[309] Там же.

покойного депутата Василия Семеновича Соколова: «Нужно выставить в Думу бойцов, которые все отдадут работе. Если бы был жив В. С. Соколов, то хотя он был не левее мирнообновленцев, то все равно прошел бы и в IV Думу»[310].

Губернскому избирательному собранию предшествовали съезды уполномоченных по куриям для избрания выборщиков. Согласно телеграмме, присланной в редакцию «Поволжского вестника», на съезде крупных землевладельцев по Галичскому уезду избранными выборщиками оказались: гласный губернского земства Николай Львович Владимиров, купец Сотников и священник Сперанский[311]. В Костромской уездной земской управе под председательством уездного предводителя дворянства состоялся съезд всех землевладельцев и уполномоченных от духовенства для избрания выборщиков в губернское избирательное собрание. На съезде присутствовали 21 землевладелец и 17 священников. Избранными оказались председатель губернской земской управы Б. Н. Зузин, уездный предводитель дворянства В. А. Кравков, священник Синайский, а также председатель уездной земской управы Н. А. Прохоров. Все избранные по политическим убеждениям прогрессивного направления. Съезд продолжался с 12 до 3 часов дня. Открытие и закрытие съезда происходило пением молитв[312].

По крестьянской курии 27 сентября в Костромском уездном земстве состоялся съезд уполномоченных от волостей для избрания выборщиков на губернское избирательное собрание. На съезд явился 31 уполномоченный. Выборная процедура продолжалась очень долго, кандидатов баллотировали 6 раз. Избраны были Н. Д. Ваулин и А. А. Комиссаров – волостные старшины, позиционировавшие себя как беспартийные. В то же время губернской администрации стало известно о нарушениях в ходе выбора крестьянских уполномоченных. 28 сентября крестьянин Иван Михайлов, проживающий в Ильинско-Введенской волости Нерехтского уезда, направил письмо на имя

[310] Поволжский вестник. 1912. № 1855. 30 сентября.
[311] Там же.
[312] Поволжский вестник. 1912. № 1855. 30 сентября.

Костромского губернатора. Он сетовал, что 14 сентября на волостном сходе, вопреки желанию односельчан, волостной старшина Овчинников стремился добиться избрания себя в уполномоченные: «Зная, что выбран не будет, он употребил хитрость. А именно не допустил баллотировать себя и своего сотоварища закрытой баллотировкой, а далее сделал подлог: сход был неполный, меньше 2/3, и он недостающее число голосов пополнил подписями за неграмотных и объявил избранным себя единогласно»[313]. И. Михайлов просил власти не утверждать результат выборов и привлечь Овчинникова к ответственности. Губернатор П. П. Стремоухов поручил подчиненным провести тщательную проверку.

В свою очередь представители трудящихся 29 сентября 1912 г. собрались в помещении городского общественного управления под председательством Г. Н. Ботникова. Съезд уполномоченных от рабочих фабрично-заводских предприятий Костромской губернии должен был избрать выборщиков в губернское избирательное собрание. Из общего числа уполномоченных 68 прибыло 64 человека. Результат выборов оказался следующий: избраны были И. П. Седов от ткацкой фабрики Константинова, Д. В. Студнев от ткацкой фабрики Товарищества И. И. Скворцова, П. И. Одинцев от прядильной фабрики Горбуновых, Н. Р. Шагов от бумагопрядильной фабрики Красильщиковой, М. М. Коршунов от прядильной фабрики Товарищества Мануфактур Ивана Коновалова с сыном. По своим политическим взглядам все выборщики был левыми. Съезд закончился в третьем часу дня. Прибывшим на съезд уполномоченным полагалась выплата прогонных денег в размере 1033 руб. 70 коп. По Ярославской губернии агитация левых среди местного пролетариата была затруднена. Во многом позиция рабочих зависела от активности местных большевиков. В 1911 г. ярославская охранка разгромила местную организацию РСДРП. Все члены комитета РСДРП и большинство активных партийных работников были арестованы или высланы из Ярославля, были нарушены связи с рабочими местных предприятий. Преследования властей

[313] ГАКО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 13. Л. 127.

привели к таким тяжелым последствиям для местной организации большевиков, что оставшимся на свободе членам пришлось восстанавливать ее практически заново. К началу выборов в IV Государственную Думу в Ярославле и Рыбинске существовали лишь немногочисленные большевистские кружки. Состоявшие в этих кружках агенты охранки снабжали Ярославское отделение МВД ценными сведениями, и на все попытки местных большевиков принять участие в борьбе за голоса избирателей власти отвечали новыми репрессиями[314].

Таким образом, избирательные кампании в Государственную Думу третьего и четвертого созывов проводились на основе нового избирательного закона 3 июня 1907 г., ограничившего избирательные права народа и предоставившего инициативу имущим слоям населения. Самодержавие, имея за плечами опыт выборов в I и II Думы и вынужденное терпеть существование парламента, стремилось приспособить законодательство и реализацию выборов на практике к избранию максимально лояльной для себя Думы. Опираясь на накопленный опыт организации выборов, губернская администрация, применяя различные избирательные технологии и открыто преследуя левые оппозиционные силы, могла добиваться выбора благоприятного состава депутатского корпуса. Избирательные кампании показали, что депутаты-октябристы не пользовались такой широкой поддержкой различных слоев населения, как их предшественники-кадеты в Думах первого и второго созывов.

§ 2.2. Изменения в депутатском корпусе. Партийно-политическая характеристика депутатов

Измененное самодержавием избирательное законодательство привело к переменам в составе депутатского корпуса, в результате чего избранное в III Государственную Думу представительство Костромской и Ярославской губерний оказалось гораздо умереннее своих предшественников. Не последнюю роль

[314] ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1 Д. 420. Л. 115.

сыграло и влияние административного ресурса: губернская администрация на основе опыта предшествующих избирательных кампаний приспосабливалась к проведению процедуры выборов членов Думы.

От Костромской губернии в Думу третьего созыва прошли три октябриста: Василий Семенович Соколов, Геннадий Николаевич Ботников и Александр Петрович Александровский (см.: приложение 2).

В. С. Соколова, происходившего из семьи православного священника, выбрали по землевладельческой курии. Образование депутат получил последовательно в Саратовской губернской гимназии и Юридическом факультете Московского университета. Василию Семеновичу была присвоена ученая степень кандидата права. В Костромскую губернию власти его выслали на год. Все последующие годы деятельность Соколова была связана с Костромской землей. С 1876 г. он служил в Костроме частным и присяжным поверенным Костромского окружного суда. В 1886 г. В. С. Соколов стал гласным Костромской городской Думы. Одновременно в 1902–1912 гг. занимал должность почетного мирового судьи[315]. Депутатом Государственной Думы стал в 61 год. В этот период он занимался активной общественной деятельностью, публиковался в газете «Санкт-Петербургские ведомости» и ряде костромских газет. В. С. Соколов имел дом в Костроме и был землевладельцем в Костромском уезде, имея 600 десятин земли.

В свою очередь Г. Н. Ботников прошел в Думу от съезда городских избирателей. В личном деле депутата указано: «Возраст – 47 лет, звание – потомственный почетный гражданин, вероисповедание – православный, степень образования – среднее, род занятия – Костромской городской голова»[316]. Г. Н. Ботников постоянно проживал в Костроме и состоял выборщиком по городу от 1-го избирательного съезда. Ботников участвовал в выборах на основе ценза в виде недвижимого имущества в размере 20 тысяч рублей. Его избрание членом

[315] Государственная дума России. Энциклопедия в 2 т. М., 2006. Т. 1. / редкол.: Б. Ю. Иванов, А. А. Комзолова, И. С. Ряховская. М, 2006. С. 442–443.
[316] РГИА.Ф. 1278. Оп. 9. Д. 99. Л. 2.

Государственной Думы произошло жеребьевкой с получением 44 избирательных голосов и 41 неизбирательного.

Октябрист А. П. Александровский был избран в депутаты съездом землевладельцев. Депутат получил образование во Владимирской духовной семинарии, после чего служил священником. Работал корреспондентом газеты «Костромские епархиальные ведомости». Незадолго до избрания в Думу его возвели в протоиереи[317].

Единственным представителем Партии народной свободы, прошедшим в Думу третьего созыва от Костромской губернии, был Петр Васильевич Герасимов. Образование он получил в Костромской гимназии, в 1898–1900 гг. учился в Московском университете на юридическом факультете, но был отчислен и выслан за участие в студенческих беспорядках. Затем Герасимов с успехом окончил Демидовский юридический лицей и занялся адвокатской практикой в Костроме, занимая должность присяжного поверенного. Его талант проявлялся в публицистической деятельности: П. В. Герасимов был редактором газет «Костромская жизнь» и «Костромич» и активно писал статьи для местных газет. Накануне выборов в III Думу он являлся товарищем председателя Костромского отделения кадетской партии[318].

В III Государственную Думу были избраны большевик рабочий-ткач фабрики Красильщикова в селе Родники Петр Ильич Сурков, а также крестьянин Иван Егорович Ананьев, избранный съездом уполномоченных от волостей и представляющий умеренно правых. Таким образом, итоги выборов по Костромской губернии отражали новую расстановку политических сил, обусловленную действием Положения 3 июня 1907 г. и свидетельствовали об усилении позиций правых партий. В Думу третьего созыва от Костромской губернии выбрали трех октябристов, одного умеренно правого, одного кадета и одного большевика.

---

[317] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 9. Л. 5.
[318] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 179. Л. 4.

Ярославское губернское избирательное собрание работало в воскресенье, 14 октября 1907 г. в здании губернской земской управы. С 12 часов дня в зале собраний проходили выборы депутатов. Предварительно записками были намечены кандидаты, а затем производилась баллотировка шарами. Избранными большинством голосов оказались: от крупных землевладельцев князь Иван Анатольевич Куракин, губернский предводитель дворянства, член Союза 17 октября – получил 38 избирательных и 32 неизбирательных голоса[319]. Крестьянин Александр Петрович Кожевников, беспартийный умеренный – получил 39 избирательных и 31 неизбирательный голос[320].

От городских избирателей прошел Сергей Кузьмич Эльтеков, помощник присяжного поверенного в Рыбинске, кадет, получивший 38 избирательных и 32 неизбирательных голоса[321]. Он происходил из семьи Рыбинского купца первой гильдии, после чего проживал в Рыбинске. Цензом, обеспечившим Эльтекову право участия в выборах, было недвижимое имущество и торговые предприятия на 200 тысяч рублей.

Указанные депутаты были избраны в период времени с 12 часов дня до 16 часов. После перерыва с 18 часов вечера выборы продолжились. При баллотировке в члены Государственной Думы мологского помещика, фабриканта и инженера Николая Николаевича Глебова, придерживавшегося левых взглядов, два избирательных шара оказались вне ящика, и когда председатель выдвинул его, чтобы сосчитать поданные голоса, шары выкатились и упали на пол. Участники потребовали повторной баллотировки, при которой Глебов получил только 35 избирательных шаров. Затем был избран депутатом холмовский волостной старшина, беспартийный умеренный Федор Дмитриевич Андреев, получивший 38 избирательных голосов[322]. В Думу прошел и священник с. Воскресенского в Поречье Угличского уезда Александр Серапионович Соколов, беспартийный правый. Он обладал избирательным цензом в 178 десятин земли. Соколова выбрали

[319] РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 229. Л. 4.
[320] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 373. Л. 3.
[321] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 916. Л. 4.
[322] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 21. Л. 5.

от общего состава избирательного собрания 37 избирательными и 33 неизбирательными голосами[323]. Выборы закончились в 11 часов вечера. Их результаты не стали неожиданностью для избирателей и прогнозировались с учетом состава выборщиков и их настроений.

Таким образом, состав III Государственной Думы от Ярославской губернии включал одного октябриста, одного беспартийного правого, двоих беспартийных умеренных и одного кадета. Избрание кадета наряду с умеренными явилось результатом борьбы блока умеренных и правых против представителей левых при полном равенстве сил, что подтверждалось несколькими баллотировками с результатом 35 шаров направо и 35 налево. Избранные депутаты обладали большим жизненным и профессиональным опытом, имея за плечами долгие годы службы. В то же время мало было известно про общественно-политическую деятельность кадетского избранника С.К. Эльтекова, поскольку прежде он не занимался ни земскими, ни городскими делами. В условиях досрочного роспуска предшествующих Дум и связанного с этим определенного падения престижа народного представительства депутатам предстояли вполне закономерные трудности в парламентской работе.

Результаты выборов членов IV Государственной Думы сложились следующим образом. Костромское губернское избирательное собрание состоялось 20 октября 1912 г. Накануне выборов в 8 часов вечера в зале дворянского собрания состоялось предвыборное совещание выборщиков, затянувшееся до 2 часов ночи. На совещании выяснилось, что блок кадетов и сторонников Прогрессивной партии вместе с левыми располагал 47 голосами и стремился провести список кандидатов от блока. В списке значились по городской курии – П. В. Герасимов, от землевладельцев – И. В. Шулепников, от общего состава избирателей – Б. Н. Зузин и бывший член II Государственной Думы Б. Л. Петерсон, а также по одному представителю от рабочих и крестьян. Выборам предшествовал молебен в

[323] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 735. Л. 17.

Успенском кафедральном соборе, отслуженный епископом Арсением в присутствии всех выборщиков.

Губернское избирательное собрание открылось в 12 часов дня в зале дворянского собрания. На собрании присутствовало 89 человек. Первым выбирался депутат от крестьян. Баллотировалось 5 человек: А. Н. Мухин, В. А. Ляпунов, Н. Д. Ваулин, А. А. Овчинников и А. Н. Смирнов. Избран был Александр Николаевич Мухин, получивший 49 избирательных шаров и 40 неизбирательных. Мухин был хлебопашцем Галичского уезда, в свое время бывший вольнослушателем Академии Художеств, по своим убеждениям – прогрессист. В Думе А. Н. Мухин вошел в состав кадетской фракции.

От землевладельческой курии избрали Ивана Васильевича Шулепникова 58 избирательными и 31 неизбирательным шарами. Кадет Шулепников был потомственным дворянином и получил образование в реальном училище. От городской курии прошел большинством 52 голосов против 37 бывший член Третьей Думы, помощник присяжного поверенного кадет Петр Васильевич Герасимов. От рабочих был избран представитель фабрики Товарищества Анны Красильщиковой большевик Николай Романович Шагов.

В свою очередь от общего состава губернского избирательного собрания в Думу прошли выдвиженцы Прогрессивной партии: председатель губернской земской управы Борис Николаевич Зузин и Александр Иванович Коновалов. Первый был потомственным дворянином и статским советником, окончившим Санкт-Петербургский университет. Б. Н. Зузин получил 55 избирательных и 34 неизбирательных голоса. В свою очередь потомственный почетный гражданин, мануфактур советник А. И. Коновалов получил 47 избирательных и 42 неизбирательных голоса[324].

В перерыве между выборами собравшиеся обсуждали отказ выборщиков от духовенства поддержать кандидатуру бывшего члена III Государственной Думы священника Александровского. Выборы закончились к 4 часам дня[325]. Таким

[324] Поволжский вестник. 1912. № 1872. 23 октября.
[325] Там же.

образом, в Государственную Думу четвертого созыва от Костромской губернии прошли шесть депутатов, из них три кадета, два члена Прогрессивной партии и один социал-демократ (см.: приложение 2).

Предпочтения ярославских избирателей были выражены следующим образом: два члена Прогрессивной партии – князь Дмитрий Дмитриевич Урусов, Александр Тимофеевич Беляев, два октябриста – Николай Николаевич Тучков, Александр Михайлович Черносвитов, а также член фракции центра Александр Геннадьевич Ратьков-Рожнов[326]. Интересна реакция на такой исход выборов левой газеты «Правда», тесно связанной с большевистской фракцией IV Государственной Думы. Трудящиеся ярославских промышленных предприятий не были удовлетворены таким исходом выборов. Считая выразителями своих интересов в Думе депутатов-большевиков, рабочие направили приветствие социал-демократической фракции в Думу четвертого созыва: «Товарищи депутаты! В конечном итоге "делания" выборов в IV Государственную думу избранными от населения Ярославской губернии оказались представители кучки помещиков и капиталистов. Мы признать их своими представителями в Думе не можем, защиту наших интересов просим принять на себя»[327]. В заключении рабочие слали социал-демократам привет и выражали поддержку в их тяжелой политической борьбе.

Как и на выборах в предшествующие Думы, в 1912 г. власти в Костроме стремились противодействовать выдвиженцам Партии народной свободы. Костромской губернатор П. П. Стремоухов 21 октября 1912 г. опротестовал включение кадетского выдвиженца П. В. Герасимова в список избирателей по платежу им квартирного налога. 29 октября Костромская губернская по делам о выборах в Государственную Думу комиссия разбирала обстоятельства дела. В состав комиссии входили председатель окружного суда Я. Я. Чемодуров, уездный предводитель дворянства В. А. Кравков, председатель губернской земской управы Б. Н. Зузин, городской голова П. М. Москвин и непременный член губернского по

---

[326] Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. СПб: Государственная типография, 1913. С. 19.
[327] Правда. 1913. 8 января.

земским и городским делам присутствия князь В. А. Друцкой-Соколинский. Для разбирательства костромским полицеймейстером были предоставлены копия удостоверения от 29 мая 1912 г., выданная присяжному поверенному П. В. Герасимову, а также протокол опроса крестьянина Данилова, который занимал квартиру в доме наследников Акатовых после выезда из нее 19 января 1911 г. М. С. Юдина[328]. Комиссия выяснила, что Герасимов более года снимал на свое имя квартиру в доме Акатовых в 1911 г. и в доме Висконта в 1912 г. до опубликования в Костроме списка избирателей 4 августа 1912 г. То, что Герасимов уплатил квартирный налог только за одну квартиру, по мнению уездной комиссии не умаляло прав Герасимова, поскольку по разъяснениям Сената (Указ № 400 и 401 за 1907 г. и № 791 за 1911 г.) лицо, в течение года занимающее квартиру, оплачиваемую квартирным налогом, признавалось обладающим цензом. Обладание Герасимова квартирами было установлено квартирными книжками и удостоверением Костромского полицеймейстера. В итоге уездная комиссия признала, что Герасимов не подлежит исключению из списка избирателей по г. Костроме. Однако губернатор не согласился с данным решением и подал протест, в котором изложил, что произвел через местную полицию расследование достоверности документов: «Выяснилось, что квартира в доме Акатовых была занята гласным Костромской Думы Трофимовым, который пользовался квартирной книжкой Герасимова, что Герасимов в этой квартире не проживал, не имея ни мебели, ни кровати. Плата за квартиру производилась Трофимовым, а Герасимов во время кратковременных приездов в Кострому останавливался в другой квартире у своих знакомых»[329]. По мнению губернатора, Герасимов использовал фиктивный ценз. В свою очередь комиссия заявила, что выяснение подробностей не имеет значения и по закону не требуется постоянного проживания в квартире: «Герасимов, состоя членом Третьей Думы, был обязан иметь жилье в Петербурге и мог бывать в костромской квартире лишь наездами. Следует признать, что имеющейся в деле документацией право Герасимова быть

[328] ГАКО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 13. Л. 36.
[329] Там же.

избирателем по Костроме достаточно установлено»[330]. Члены комиссии пояснили, что показания свидетелей не могут приниматься в качестве доказательства для наличия или лишения избирательных прав. Кроме того, в условиях предвыборной кампании и острой конкурентной борьбы «свидетели намеренно могли давать недостоверные данные»[331]. Губернатор П. П. Стремоухов обратился в Сенат за разъяснениями. Правительствующий Сенат ответил: «Закон (ст. 57 Положения о выборах) устанавливает два разных порядка занесения избирателей в списки: 1. Обладателя квартир, по коим не уплачивается квартирный налог 2. Все прочие избиратели включаются указанными учреждениями без особого о том заявления»[332]. Сенат постановил отменить опротестованное Костромским губернатором решение комиссии и рассмотреть дело вновь. Таким образом, мы видим попытки губернской администрации добиться нужного результата выборов путем намеренной дискредитации кандидатов в депутаты.

У Костромской губернской администрации непростые отношения складывались и с другими избранными депутатами. Так, 29 апреля 1908 г. Московская судебная палата признала виновным в превышении полномочий весь состав Костромской губернской земской управы, председатель которой И. В. Шулепников и сотрудник А. В. Перелешин в ноябре 1905 г. привели в исполнение отмененное костромским губернатором постановление о необходимости распространения среди местного населения политической литературы с целью ознакомить людей с новыми порядками. Земляков поддержал депутат I Государственной Думы Н. А. Огородников, подавший апелляционную жалобу и ходатайствовавший об оправдании. Тем не менее Сенат приговорил подсудимых к отрешению от должности[333].

Таким образом, новый избирательный закон 3 июня 1907 г. привел к изменению состава народного представительства от провинции и избранию более умеренных по своим взглядам депутатов. В составе депутатского корпуса от

---

[330] ГАКО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 13. Л. 36.
[331] Там же.
[332] Там же.
[333] Северный вестник. 1908. № 95. 2 мая.

Костромской и Ярославской губерний в Государственных Думах третьего и четвертого созывов всего работали 22 депутата. Членами III Думы от Костромской земли были два выходца из духовного сословия, два мещанина, один крестьянин и один рабочий, из них три октябриста, один кадет, один большевик и один умеренно правый. От Ярославской губернии в парламент прошли один дворянин, один купец, один представитель духовенства, два выходца из крестьянского сословия, из них один октябрист, один беспартийный правый, один кадет, два беспартийных умеренных.

В составе депутатского корпуса от изучаемых губерний в Думе четвертого созыва преобладали видные общественные деятели, представлявшие земское и городское самоуправление, а также представители торгово-промышленных слоев. Предвыборная борьба была сопряжена с конкуренцией партийных выдвиженцев и их взглядов, выражаемых в ходе предвыборных собраний и иных форм общения с избирателями. Власти с учетом предшествующего опыта продолжали влиять на процедуру выборов. В Думе четвертого созыва интересы избирателей Костромской губернии выражали два дворянина, два мещанина, один крестьянин, один рабочий, из них три кадета, два члена Прогрессивной партии, один большевик. Ярославская губерния была представлена четырьмя дворянами и одним крестьянином, из них двое были членами Прогрессивной партии, двое – октябристами и один – членом фракции центра. В то же время по сравнению с выборами в III Думу в 1912 г. уменьшилось представительство октябристов. От Костромской губернии в Думу четвертого созыва не прошел ни один октябрист.

Глава 3. Депутаты в Государственной Думе России (апрель 1906 – февраль 1917 гг.)

§ 3.1. Деятельность депутатов I и II Государственных Дум

Деятельность народных избранников проходила по двум основным направлениям. Прежде всего это была работа в Санкт-Петербурге и конкретно в Таврическом дворце, которая включала в себя участие в общих заседаниях Думы и заседаниях фракций, обсуждение и принятие законопроектов, голосование, работу в думских комиссиях. Другим направлением депутатской деятельности была работа в провинции, заключающаяся в переписке с земляками, участии в губернских земских собраниях, написании статей и отчетов для местных газет, а также встречах с избирателями.

Весной 1906 г. избранные от изучаемых губерний депутаты вырабатывали основные линии своей парламентской работы. ЦК кадетской партии признавал хорошую организацию и сплоченность местных кадетов, констатируя, что «из северных губерний России Вятская и Олонецкая в организационном отношении могут быть представлены местным силам при содействии избранных от этих губерний членов Государственной Думы; точно также обойдутся своими силами губернии Тверская, Костромская и Ярославская»[334]. Таким образом, руководством конституционных демократов подчеркивалась определенная сила и авторитет этих организаций в провинции.

Перед отъездом в Санкт-Петербург избранники получили напутствия и пожелания от избирателей. Н. А. Огородников и З. Г. Френкель получили письменное обращение костромичей: «Твердо надеясь, что удостоенные доверия костромичей, уполномоченные будут высоко держать знамя свободы и приложат все старания к борьбе с бюрократией, граждане Костромы напутствуют членов Думы пожеланием успеха в достижении свобод, указанных в манифесте 17 октября

[334] Протоколы центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии / сост. Д. Б. Павлов, Н. И. Канищева. М., 1994. С. 150.

и развитии их»[335]. Следовательно, особое место в предстоящей парламентской работе должны были занимать защита революционных достижений и противостояние давлению правительства. Депутаты понимали различие имеющихся средств между царскими министрами и парламентариями: первые располагали военной и полицейской силой, а вторые – народным мнением и доверием. Избиратель А. Г. Мягков, обращаясь к депутатам, выражал надежду на поддержку намечавшегося противостояния Думы правительству всеобщей политической забастовкой. Крестьяне в своих наказах жаловались на малоземелье и свое неравноправие в сравнении с привилегированными сословиями. Хлебопашцы требовали от депутатов немедленного разрешения аграрного вопроса, а также уравнения их в правах с другими категориями населения[336].

Обсуждая наказы, напутствия и пожелания своих избирателей, депутаты выражали понимание проблем и трудностей земляков. Рассчитывая на законодательное решение аграрного вопроса в парламенте, З. Г. Френкель указывал на трудности наделения крестьян землей: «В некоторых местах на душу приходится по 12–15 десятин, а в других по половине десятины, а при общей разверстке некоторые общины не пожелают уступить свой избыток»[337]. В свою очередь Н. А. Огородников предвидел недовольство радикальной части общества мирной, законодательной деятельностью в Думе: «Не надо бросать грязью в людей, ставших в оппозицию бюрократии, если они медленно поведут дело, нужно поддерживать их»[338]. Как видно, депутаты осознавали неопределенность перспектив и возможные трудности. Был очевидным предстоящий конфликт Думы и правительства. Для депутатов апрель 1906 г. был «большой непривычной политической работой и временем томительной тревоги, вызванной слухами, что

[335] Поволжский вестник. 1906. № 29. 18 апреля.
[336] Там же.
[337] Там же.
[338] Там же.

ввиду результатов выборов Дума вовсе не будет созвана и во всяком случае не соберется в ближайшие месяцы»[339].

По словам З. Г. Френкеля, сразу после своего избрания «по инициативе Николая Александровича Огородникова костромские члены Думы, обратились по телеграфу к графу Витте, бывшему главой правительства, с требованием вернуть из ссылок и выпустить из тюрем всех тех, кто оказались выбранными в члены Думы»[340]. Понимая отсутствие опыта и недостаточность своих знаний, депутаты-костромичи 20 апреля обратились к специалистам по парламентскому праву с просьбой прочесть им несколько лекций о представительных органах Западной Европы, а также разъяснить, как на практике работает неприкосновенность личности членов Думы. Приглашенные лекторы в максимально доступной форме и с опорой на исторический опыт удовлетворили заинтересованность народных избранников. Особый интерес к лекциям проявили крестьянские депутаты, стремившиеся быть не хуже других и готовые приспособиться к столичной жизни среди титулованных, образованных и красноречивых людей[341].

Членам Государственной Думы предстояло принять участие в торжественном открытии первого русского парламента. Корреспонденты московского издателя И. Д. Сытина сообщали, что «по придворным слухам, тронная речь Думе будет прочитана в Георгиевском зале Зимнего дворца, Государь и обе Императрицы прибудут по Неве на императорской яхте, а Император сидя прочтет тронную речь Думе»[342]. Обязательной частью церемонии было приведение думцев к присяге. После молебна должны были состояться выборы председателя Думы, должного в тот же день отправиться в Царское Село с докладом об открытии Думы. 27 апреля 1906 г. император Николай II произнес речь в Зимнем дворце по случаю открытия Государственной думы. Государь говорил, что решил «призвать к содействию в законодательной работе выборных от народа, лучших людей»,

---

[339] К 10-летию Первой Государственной Думы 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916: Сборник статей перводумцев. Петроград, 1916. С. 59.
[340] Френкель З. Г. Записки о жизненном пути. СПб., 2009. С. 195–196.
[341] Поволжский вестник. 1906. № 33. 23 апреля.
[342] Русское слово. 1906. № 109. 20 апреля.

выражал надежду, что избранники отдадут «все свои силы на самоотверженное служение Отечеству для выяснения нужд столь близкого Моему сердцу крестьянства, просвещения народа и развития его благосостояния»[343]. Присутствовавшие отмечали резкий контраст мундирной публики по правую сторону трона с пестрой толпой депутатов в рабочих, крестьянских и национальных одеждах по левую сторону[344]. Власти определили Таврический дворец в Санкт-Петербурге как место работы Государственной Думы. В преддверие ее открытия «проводились работы по организации помещения для заседаний»[345].

Депутатам было очевидно неоднозначное отношение общества к открытию первого русского парламента. В 1916 г., десять лет спустя, кадет Н. А. Огородников вспоминал о первом дне думской работы. С одной стороны, миллионы подданных Российской империи с энтузиазмом поддерживали парламентариев, возлагая на их работу большие надежды. Наблюдательный Огородников писал, что «ни в ком не было предчувствия, что слишком коротка будет жизнь Первой Думы, что скоро лучшие люди будут осуждены, как преступники, коронным судом»[346]. На набережной Невы народ радостными криками встречал вышедших из дворца депутатов. В то же время Огородников испытал тревогу, когда увидел на берегу Невы тюрьму «Кресты», из зарешеченных окон которой узники кричали народным избранникам и махали белыми платками. Подводя итог первым дням думской работы, Н.А. Огородников привел стихотворные строки:

Как мало прожито, как много пережито,
Надежды светлые и юность, и любовь…
И все оплакано, осмеяно, забыто,
Погребено, но возвратится вновь[347].

---

[343] Поволжский вестник. 1906. № 37. 28 апреля.
[344] Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. Париж, 1935. С. 120.
[345] XX век. 1906. № 31. 7 апреля.
[346] К 10-летию Первой Государственной Думы 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916: Сборник статей перводумцев. Петроград, 1916. С. 59.
[347] Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. Воспоминания современников. Материалы и документы / под ред. А. В. Иванченко. М., 2008. С. 631.

Иначе восприняли открытие I Думы правые. Ярославские консерваторы, издававшие газету «Русский народ», опубликовали отправленную в Петербург телеграмму. Выражая приветствие членам Государственной Думы, правые в то же время воспринимали парламентариев как революционеров и были недовольны таким исходом выборов. Кадеты сравнивались с «отвратительной революционной гидрой, чудовищем, от которого умирают люди». «Многие из отравившихся этим ядом на беззаконных сборищах, митингах поднимались на трибуну и говорили сатанинские вещи! Это духовная смерть от яда освободительного движения»[348]. Победу конституционно-демократической партии на выборах в Государственную Думу ярославские правые объясняли «отравлением большинства русских людей сатанинским революционным ядом»[349]. Они писали о заблуждении избирателей, поверивших «искушениям» кадетов, предложивших русским людям хлеб, славу, власть. Мотивы вступления людей в Партию народной свободы черносотенцы трактовали так: «Приказчик пошел в эту партию из-за 8-часового рабочего дня; рабочий пошел из-за небольшого прибытка; крестьянин пошел из-за клочка земли»[350].

В свою очередь, приветствуя начало работы парламента, Костромская городская дума выделила «10 тысяч рублей, из которых 5 тысяч отпускались на организацию летнего отдыха детей, на завтраки нуждающимся детям и на лечение костромских учителей. 3 тысячи предполагалось передать костромским студентам на оплату обучения. Еще 2 тысячи отдавались в распоряжение благотворительных обществ при городских больницах»[351]. Что касается настроений избирателей, то костромичи были воодушевлены и видели в предстоящей работе русского парламента залог культурного движения вперед всего русского народа, надеялись на активную и плодотворную работу Думы. В Костроме в день открытия I Государственной Думы не работали многие магазины, а их служащие были освобождены от работы. Учащиеся в этот день не посещали занятия. В храмах и

[348] Русский народ. 1906. № 7. 30 апреля.
[349] Там же.
[350] Там же.
[351] Костромские губернские ведомости. 1906. № 39. 15 апреля.

церквах Костромы были совершены молебны. В то же время некоторые костромичи «без дозволения властей не стали праздновать открытие Думы, а другие просто не пожелали»[352].

Конец апреля – начало мая 1906 г. были временем решения организационных вопросов в Думе. Необходимо было избрать председателя Думы, его товарищей и секретарей. Депутат от Ярославской земли кадет Д. И. Шаховской был избран секретарем Думы. Одновременно с должностью думского секретаря Шаховской занял и должность секретаря кадетской фракции. Не имея перед собой опыта предшественников, князь проявил себя эффективным организатором, наладив четкую работу канцелярии Государственной Думы и «создал для следующих Дум деловую рамку»[353]. В свою очередь депутат от Костромской губернии кадет Н. А. Огородников на первых организационных заседаниях Думы говорил о необходимости выработать формы и методы мирного взаимодействия с правительством, что усложнялось неоднородностью партийного и социального состава парламента. Признавая политическую отвагу левых, Огородников считал недостаточной только храбрость и предвидел необходимость для депутатов формировать в себе ситуативное чутье, выдержку и терпение: «Нам предстоит с большой осторожностью и осмотрительностью решить не только, какие требования нужно ставить в интересах народа, но и в какой форме, в какой момент можно их выставить с наибольшими шансами на успех. В народе еще не развиты сознательные стремления к политической свободе и готовность к боевым выступлениям»[354]. Другого мнения придерживался Д. И. Шаховской. Шаховской в числе прочих членов Президиума был принят Николаем II. По словам самого депутата, «Государь уверял, что в высших сферах течение взглядов в пользу Думы и что это большой козырь для ее успешной деятельности»[355]. После встречи с

[352] Поволжский вестник. 1906. № 37. 28 апреля.
[353] Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия / под ред. В. В. Шелохаева. М., 1996. С. 693.
[354] Костромская речь. 1906. № 31. 30 апреля.
[355] Поволжский вестник. 1906. № 40. 5 мая.

императором Шаховской убедился в правильности выбора умеренной тактики парламентской работы.

В то же время первые занятия Думы способствовали консолидации парламентариев, их личному знакомству и лучшему ориентированию в спектре думских фракций. Наблюдая за коллегами-депутатами, кадет Н. А. Огородников обратил внимание на значительное количество крестьянских депутатов в русских национальных костюмах, а также «исключительное богатство собравшихся людей, выдающихся умом, знаниями, талантом и преданностью народному делу»[356]. Депутат справедливо заметил, что многим из собравшихся народных представителей, особенно из крестьянской среды, впервые пришлось видеть такие роскошь и богатство.

Костромские и ярославские депутаты включались в состав различных думских комиссий. Депутат от Костромской губернии кадет П. А. Сафонов вошел в состав комиссий о всеподданнейшем адресе, аграрной комиссии, по исполнению государственной росписи доходов и расходов, для приема помещения Государственной Думой и распорядительной комиссии. Н. А. Огородников был членом комиссий по расследованию незакономерных действий должностных лиц, по исполнению государственной росписи доходов и расходов. З. Г. Френкель трудился в комиссии для составления проекта всеподданнейшего адреса, библиотечной, бюджетной комиссиях и в комиссии о собраниях. В свою очередь представлявшие Ярославскую губернию депутаты также работали в думских комиссиях. Кадет Д. А. Скульский был членом комиссии для разбора корреспонденции. В. Е. Строганова, избранного председателем распорядительной комиссии, включили и в состав комиссии для приема помещений Государственной Думы. Д. И. Шаховской был членом комиссии по подсчету записок по выбору председателя Государственной Думы[357]. Другие костромские и ярославские депутаты в работе думских комиссий не участвовали. Таким образом, участие

[356] К 10-летию Первой Государственной Думы 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916: Сборник статей перводумцев. Петроград, 1916. С. 59.
[357] Боиович М. М. Члены Государственной Думы (Портреты и биографии). Первый созыв. М., 1906. С. 145.

избранников в работе комиссий было неодинаковым. Это могло объясняться коротким сроком работы Думы первого созыва, партийным самоопределением, образованием и предшествующим опытом работы парламентариев. Костромские депутаты наиболее активно проявили себя в работе различных думских комиссий.

Ключевой проблемой, находившейся в центре внимания Думы первого созыва, был аграрный вопрос. Собственный корреспондент в Думе газеты «Поволжский вестник» информировал костромичей о бурных дебатах думцев по разрешению земельной проблемы в стране. Остроту противоречий подтверждает то, что прения по аграрному вопросу затянулись на три недели, и за это время с трибуны выступило более 150 ораторов. Желающие выступить с речью были ограничены по времени 10 минутами. Ораторы от крестьян озвучивали наказы избирателей, «данные им насчет добывания земли и воли»[358]. Зачастую крестьянские депутаты брали слово при обсуждении аграрного вопроса лишь для того, «чтобы рассказать о земельной нужде в соответствии с наказами избирателей»[359]. Крестьянам-депутатам в Таврическом дворце пришлось работать в качественно новых для них условиях. От них требовалось высказывать свои политические взгляды, а также принимать участие в парламентских дебатах и дискуссиях.

В ходе думской работы мая–июня 1906 г. костромские избранники П. Д. Горохов и И. В. Замыслов присоединились к Трудовой группе[360]. В данном случае такое политическое самоопределение депутатов объяснялось их сословно-профессиональной принадлежностью. Ярославский депутат-крестьянин А. М. Костров отказался поддержать Трудовую группу, войдя в состав кадетской фракции[361].

---

[358] Поволжский вестник. 1906. № 66. 6 июня.
[359] Государственная Дума. Периодические обзоры ее работы. СПб., 1907. С. 9.
[360] Состав Трудовой группы в I и II Государственной думе. Сводная таблица членов фракции / сост. Д. А. Колесниченко. М., 1988. С. 18.
[361] Государственная дума Российской империи. 1906-1917 гг. Энциклопедия / под ред. В. В. Шелохаева. М., 2006. С. 307.

Прежде всего требовалось выработать проект урегулирования земельных отношений. Правительство заблаговременно направило думцам сообщение о недопустимости его разрешения за счет принудительного отчуждения частновладельческих земель. В ответ депутаты приняли декларацию, в которой провозглашалось стремление добиться передачи помещичьих земель в пользу малоземельных крестьян. Следовательно, точки зрения правительства и представительного органа по данному исключительно важному вопросу были диаметрально противоположными. За время работы I Думы парламентариями были рассмотрены три основных предложения: «проект 42-х», «записка 104-х» и «записка 33-х». Первые два проекта предполагали создание Государственного земельного фонда. Поддержанный костромскими и ярославскими депутатами-кадетами «проект 42-х» сохранял существование частной земельной собственности, вводя частичную национализацию земли, забирая безвозмездно удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли, а частновладельческие за справедливое вознаграждение. Все нуждающиеся должны были получать землю в аренду и за плату. Однако проект встретил резкую критику даже среди однопартийцев. Так, по мнению кадета профессора Л. И. Петражицкого правильное решение аграрного вопроса заключалось не в Думе, а на местах: «Следует скорее назначить в каждом уезде аграрные комитеты с привлечением в них местных крестьян и земских людей. Они точно выяснят суть вопроса применительно к каждой местности, а на основе этих сведений Дума уже может вывести общий аграрный законопроект и указать детали, применимые только к данным районам. Работы комитетов дадут опрос массы крестьян, успокоят их, и из этих опросов видны будут действительные нужды и желания крестьян»[362]. Петражицкий называл проект спонтанным, непродуманным, плохо проработанным.

Другое предложение – проект 104-х депутатов Трудовой группы – был составлен в духе лозунга «вся земля всему народу» и предлагал наделение крестьян землей по трудовой норме, а вопросы об оплате за отчуждение земли и размеров

[362] Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906. Сессия первая. СПб., 1906. С. 121; Поволжский вестник. 1906. № 55. 24 мая.

участков отдавал на разрешение самому народу на местах. В свою очередь выдвинутый левыми «проект 33-х» полностью отменял частную собственность на землю. Против «проекта 33-х» активно выступали правые и кадеты, в их числе ярославский депутат Д. И. Шаховской, а также костромичи З. Г. Френкель и Н. А. Огородников, стремившиеся не допустить его передачу в комиссию. В качестве аргументов они приводили недостаточную проработку законопроекта. В итоге «кадеты и правые 140 голосами против 78 заблокировали проект левых»[363].

Костромские и ярославские депутаты принимали активное участие в дискуссиях по аграрному вопросу. Так, крестьянин И. В. Замыслов поддержал кадетский «проект 42-х», поставив 8 мая 1906 г. свою подпись под документом. В данном вопросе депутат-трудовик разделял взгляды кадетов[364]. В то же время с проектом «104-х», составленным однопартийцами, Замыслов не соглашался, что говорит о неполном отражении трудовиками его политических взглядов. В свою очередь депутат-крестьянин от Ярославской губернии А. М. Костров по аграрному вопросу 2 июля 1906 г. высказался за отчуждение помещичьих земель за справедливый выкуп. Крестьянин П. Д. Горохов от Костромской губернии в Думе вместе с другими депутатами-трудовиками стремился участвовать в решении проблемы малоземелья[365]. Костромич Н. А. Огородников с думской трибуны 6 раз выступал по аграрному вопросу. В своих речах он критически оценивал предложения правительства. По мнению кадета З. Г. Френкеля, «Дума стремилась к подлинному и справедливому решению земельной проблемы, а правящая верхушка рассчитывала обойтись только видимостью ее решения»[366]. Как члену аграрной комиссии, Захарию Григорьевичу не раз приходилось выступать с трибуны Таврического дворца с критикой предлагаемых законопроектов. Так, 28 июня на общем заседании Думы он указал на несогласованность работы аграрной

[363] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 16. М., 1974. С. 358–359.
[364] Государственная дума. Указатель к стенографическим отчётам 1906 г. Сессия первая. СПб., 1907. С. 57.
[365] Государственная дума. Указатель к стенографическим отчётам 1906 г. Сессия первая. СПб., 1907. С. 56.
[366] Френкель З. Г. Записки о жизненном пути. СПб, 2009. С. 204.

комиссии и общего собрания Думы, а также выразил недоумение, почему результаты работы комиссии не доложены Государственной Думе, и он лишь случайно ознакомлен с некоторыми из них. Френкель утверждал также о «специфике аграрного вопроса в разных губерниях, в частности, в Царстве Польском и центральных губерниях»[367]. В целом, несмотря на деятельное участие депутатов в решении аграрного вопроса и выработку конкретных мер, согласовать и принять одобренный всеми думскими фракциями законопроект не удалось.

Много внимания парламентарии уделяли законопроектам, связанным с правовыми аспектами обеспечения прав и свобод человека, а также защиты подданных от произвола властей. Долгие прения вызвал вопрос об отмене смертной казни в России. Депутатами был внимательно изучен зарубежный опыт. В ходе дебатов приводились прецеденты, имевшие место в прошлом. Представлявший Костромскую губернию кадет Н. А. Огородников с думской трибуны обратился к коллегам-депутатам с предложением ходатайствовать перед императором о приостановке исполнения вынесенных смертных приговоров. На примерах подавления революционных выступлений в армии и на флоте депутат «обличал факты незаконных действий властей и продолжения репрессий в стране»[368]. Ярославский депутат Д. И. Шаховской напомнил парламентариям о всеобщем требовании амнистии в ходе избирательной кампании и о 99 приведенных в исполнение смертных казней за апрель 1906 г., высказавшись за ее отмену: «Казни и расправы – вот, что рождает преступление. Амнистия должна быть всеобщая, без всяких ограничений, за все преступления, мотивом которых служило заблуждение. Против людей, которые жертвуют своей жизнью за идеи, не должно быть казни. Наказать их можно только прощением»[369]. В выступлении Шаховского содержалось возмущение систематическими неправомерными

[367] Государственная Дума. Созыв I. Стенографические отчеты. СПб., 1906. С. 1145–1146.
[368] Смирнов И. М. Практика применения избирательного законодательства России на выборах в I Государственную Думу на примере Костромской губернии – историко-правовой аспект // История государства и права. 2014. № 7. С. 78.
[369] Поволжский вестник.1906. № 40. 5 мая.

действиями полиции, подрывающими доверие общества к власти[370]. 29 мая в Государственную Думу был внесен окончательно одобренный комиссией под председательством графа П. А. Гейдена законопроект об отмене смертной казни с пояснительной запиской к нему. Статья 1 гласила, что смертная казнь отменяется, а статья 2 провозглашала, что во всех случаях, в которых действующими законами установлена смертная казнь, она заменяется следующим по тяжести наказанием.

Среди предложений, внесенных в Думу первого созыва, был и законопроект о неприкосновенности личности. По данному вопросу высказался с трибуны Таврического дворца представитель Костромской губернии П. А. Сафонов, который «заявил о необходимости разработать особое положение о независимости и закреплении права на труд»[371]. Сафонов говорил о важности принятия законодательных мер по обеспечению реальной независимости личности от произвола властей. Депутат предлагал отменить все ограничения для представителей крестьянского сословия и ограничения в правах по национальности и вероисповеданию, а также упразднить все привилегии дворянства и ограничения в правах женского пола. Выступление Сафонова поддержал костромской депутат-крестьянин П. Д. Горохов, который рассмотрел ущемление в правах отдельных категорий населения и произвол властей на примере «убийства полицейскими трех крестьян в селе Китов Нижегородской губернии и содержания заключённых в Лохвицкой и Переяславской тюрьмах»[372]. На общем собрании Думы было принято решение образовать для рассмотрения этих предложений особую комиссию. Депутаты разработали специальный законопроект «О гражданском равенстве», подписанный костромским депутатом И. В. Замысловым и ярославскими избранниками А. М. Костровым и Д. А. Скульским.

Народные избранники от Костромской и Ярославской губерний участвовали в подписании различных заявлений, запросов и законопроектов. Так, И. В.

---

[370] Северная речь. 1906. № 6. 25 июня.
[371] Государственная дума. Указатель к стенографическим отчётам. 1906. Сессия первая. СПб., 1906. С. 67.
[372] Государственная дума. Указатель к стенографическим отчётам 1906 г. Сессия первая. СПб., 1907. С. 46.

Замыслов в Думе подписал 15 заявлений[373]. К. Ф. Некрасов подписал законопроекты «О неприкосновенности членов Государственной Думы», «О собраниях». Д. А. Скульский поставил свою подпись под законопроектами «О неприкосновенности членов Государственной Думы», «Об изменении статей 55–57 Учреждения Государственной Думы 20 февраля 1906 г»[374]. Следуя линии Партии народной свободы, ярославский депутат-крестьянин Костров поддержал семь кадетских заявлений, выражая тем самым следование партийной дисциплине и солидарность с однопартийцами. Активность П. Д. Горохова в Думе выразилась в подписании 12 заявлений на запросы Думы. Таким образом, в течение мая–июня 1906 г. происходило политическое самоопределение костромских и ярославских избранников, формировались очертания их политических убеждений и взгляды по ключевым вопросам, находящимся в центре внимания парламента. Имели место дискуссии и дебаты, особенно по аграрному вопросу и отмене смертной казни. Депутаты приобретали бесценный опыт парламентской работы и стремились внести свой вклад в решение острых политических и социально-экономических проблем российской действительности.

Народные избранники должны были отчитываться перед своими земляками и работать с избирателями на местах. Депутатам направлялись письма и телеграммы, а от сельского населения – приговоры и наказы. Так, от крестьян Костромской губернии они получили 46 приговоров и наказов, в их числе 2 прошения, 24 приговора, одно заявление, 8 резолюций, 4 телеграммы, 2 наказа, 2 письма, 1 обращение, 1 приветственный адрес и 1 покорнейшее прошение[375]. Приговоры и наказы в традиционном мировоззрении крестьянина были «гораздо большим, чем резолюция, заветом, повелительным мандатом, неисполнение которого он считает величайшим преступлением»[376]. Таким образом, депутат, получивший приговор или наказ, обязан был его исполнить. В свою очередь

---

[373] Государственная дума. Указатель к стенографическим отчётам 1906 г. Сессия первая. СПб., 1907. С. 67.
[374] Северная речь. 1906. № 6. 25 июня.
[375] ГАКО. Ф. 120. Оп. 2. Д. 645. Л. 24-30.
[376] Народный вестник. 1906. 28 июня.

хлебопашцы Ярославской губернии направили свои избранникам в Думу пять приговоров и одно заявление[377].

1 мая 1906 г. на собрании съезда учителей Костромской губернии была принята резолюция, направленная в парламентскую Трудовую группу. Съезд народных учителей Костромского союза в количестве 200 человек доводил до сведения Трудовой группы Государственной Думы следующую информацию. Четверо политических заключенных местной тюрьмы, доведенные до полного отчаяния произволом администрации, не предъявляющей им в течение нескольких месяцев никаких обвинений, прибегли к голодовке как к последнему средству добиться выхода из создавшегося положения. Костромская общественность протестовала против насилия правительства и «требовала немедленного освобождения невинных жертв»[378]. Депутаты П. Д. Горохов и И. В. Замыслов донесли это требование до представителей власти и сумели добиться принятия мер по облегчению содержания арестованных.

Передать свои нужды и чаяния избиратели могли и через своих земляков, приезжавших в Петербург. Большую роль в заработках костромичей в изучаемый период играл отхожий промысел[379]. Депутаты от Костромской губернии приняли решение устроить 6 июня встречу с земляками-отходниками в Петербурге в подобранной З. Г. Френкелем квартире[380]. Пришли штукатуры из Костромского и Солигаличского уездов, паркетчики Чухломского уезда, маляры, заводские рабочие, содержатель чайной на Петербургской стороне из крестьян Кологривского уезда. Кадеты Френкель и Огородников выслушали наказы своих избирателей: «Стойте крепко, а если вас тронут, то будут иметь дело с народом, который сумеет постоять за себя»[381]. С энтузиазмом отходники говорили о скором отчуждении помещичьих земель. Один кологривский крестьянин-отходник

---

[377] Приговоры и наказы крестьян Центральной России 1905–1907 гг. / сост. Л. Т. Сенчакова. М., 2000. С. 316.
[378] Поволжский вестник. 1906. № 55. 24 мая.
[379] Губернский дом. 2005. № 5–6. С. 121.
[380] Реформа. 1906. № 36. 7 июня.
[381] Поволжский вестник. 1906. № 33. 23 апреля.

сетовал: «Как же без принудительного отчуждения, когда вся наша земля лежит от деревни, так что до нее можно добраться только через четыре помещичьих владения, и каждый из помещиков берет по несколько сот рублей дани в год только за проезд через его землю»[382]. Когда речь зашла о чересполосице, из всех углов комнаты послышались примеры и подтверждения ее разорительного значения для крестьянства. Затем звучали указания на отсутствие выгонов и сенокосов, которые все остались у помещиков, как рычаг воздействия на крестьян. Очень подробно кологривские крестьяне рассказывали о полном произволе, среди которого приходится жить в деревне под властью земского начальника. В понимании избирателей Государственная Дума должна была положить конец все этим бедам. З. Г. Френкель разъяснил избирателям текущую думскую работу, а также тактические приемы депутатов на заседаниях, сделав пояснения по предложенному крестьянами проекту упразднения института земских начальников. Отходники согласились, что для претворения в жизнь вышеуказанных изменений необходимо правительство, ответственное перед Думой. Придать силу действующей Думе, по мнению собравшихся, могла широкая и деятельная поддержка широких слоев населения. Все согласились с мыслью о неизбежности революции в том случае, если правительство осмелится распустить Думу. В пожилых и семейных крестьянах, пришедших на встречу, не было сомнения и страха перед надвигавшейся революцией. Избиратели были удовлетворены сделанными З. Г. Френкелем разъяснениями об условиях законодательной работы Думы и значении ее постановлений. Один из заводских рабочих поднял очень важный вопрос о необходимости костромичам во время летних заработков в Петербурге устроить кружки самообразования. По его словам, поддержку этому начинанию должны оказать столичные интеллигенты с целью расширить кругозор отходников, обогатить их знаниями и повысить их способность разбираться в вопросах общественно-политической жизни страны. Собрание завершилось крепким рукопожатием костромских депутатов и отходников с договоренностью провести

[382] Реформа. 1906. № 36. 7 июня.

подобную встречу через неделю. В то же время собравшиеся обратили внимание, что костромские депутаты на этот раз «оказались скромнее в своих обещаниях и уверениях, чем были на предвыборных собраниях и митингах»[383]. Следовательно, за прошедшие недели думской работы депутаты сделали для себя вывод о невозможности реализовать все свои предвыборные обещания. Поддерживал связь с земляками-отходниками и И. В. Замыслов, устроивший 7 июня 1906 г. на своей столичной квартире собрание[384].

Для встреч с избирателями депутатам приходилось выезжать в представляемые ими губернии. В июне И. В. Замыслов совершил поездку по Костромской губернии, в ходе которой провел 7 крупных встреч с избирателями[385]. Перед сельским населением депутат сделал требуемые разъяснения по кадетской программе решения аграрного вопроса. Одновременно Замыслов оповещал костромичей о своей деятельности и в письменной форме. Крестьянам с. Урень Варнавинского уезда он направил письмо с отчетом о проделанной в Думе работе[386]. Текущие расходы и дорогу депутатам оплачивали местные власти. Так, Костромской вице-губернатор 6 июля 1906 г. отправил в Канцелярию Государственной Думы записку, к которой приложил пять расписок членов Государственной Думы от Костромской губернии в получении прогонных денег на сумму 184 рубля 27 копеек. Однако не была получена расписка от Ивана Васильевича Замыслова на сумму 36 рублей 95 копеек, «коему эти деньги отправлены через Канцелярию Санкт-Петербургского градоначальника по отъезде уже Замыслова в Санкт-Петербург»[387].

По словам З. Г. Френкеля, костромские депутаты уведомили своих избирателей через газеты, что в Петербурге по указанному адресу каждое воскресенье с 16 ч до 18 ч вечера они давали отчет о текущих делах в Думе перед избирателями. Отмечались и конкретные факты борьбы за народные права. Так,

---

[383] Поволжский вестник. 1906. № 33. 23 апреля.
[384] Речь. 1906. 7 июня.
[385] Речь. 1906. 28 июня.
[386] Костромской край. 1906. 1 июля.
[387] ГАКО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 6. Л. 99.

получив 6 июля 1906 г. телеграмму от кинешемских избирателей о готовящемся в городе черносотенном погроме, З. Г. Френкель, Н. А. Огородников, И. В. Замыслов и П. А. Сафонов срочно известили об этом министра внутренних дел П. А. Столыпина, который потребовал от костромского губернатора принять энергичные меры по недопущению беспорядков[388].

Столичные, костромские и ярославские газеты информировали население провинции о текущей парламентской деятельности. По словам местных корреспондентов, многие обыватели были читателями весьма «легковерными», воспринимая все написанное в газетах как полную правду: «Хотя и не раз случалось им узнавать, что они обмануты, поверив газетным сказаниям, они все равно продолжали верить написанному как святыне»[389]. Отмечался интерес к прессе у даже малограмотных читателей в сельской местности: «За чтением газет и телеграмм можно было встретить иногда таких старых людей, в которых никак нельзя было угадать умения читать»[390]. К 1906 г. в Костроме было до 100 адресов крестьян, желавших получить газеты, хотя бы и не свежие, по прочтении их подписчиками[391].

Левые газеты подчеркивали оппозиционность Думы правительственной политике. В них открыто выражались недоверие царским министрам, чиновники назывались «врагами народа», отличавшимися «тугостью соображения, характерной для наших министров, не понимающих, что только исполнительная власть остается в их руках»[392]. Особо выделялось общее заседание Думы, на котором социал-демократы, трудовики и левые кадеты криками прогнали с думской трибуны члена Военного Совета, главного военного прокурора России генерала В. П. Павлова. При этом ярославец князь Д. Д. Урусов назвал царских

[388] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 550. Д. 34.
[389] Телеграммы «Поволжского вестника». 1906. 14 мая.
[390] Бердова О. В. Газетный мир старой Костромы // Костромская старина. 2001. № 15. С. 34.
[391] Негорюхин Б. Н. Первый костромской книгопродавец // Губернский дом. № 2. 1996. С. 37.
[392] Северная речь.1906. № 6. 25 июня.

министров «вахмистрами по воспитанию и погромщиками по убеждению, вызвав продолжительные аплодисменты левой стороны зала заседаний»[393].

Представляется интересным выявить политику губернской администрации в Ярославле по отношению к левой печати. По инициативе губернатора А. А. Римского-Корсакова 18 декабря 1906 г. в особом присутствии Московской Судебной палаты с участием сословных представителей рассматривалось дело редактора-издателя ярославской газеты «Северная речь» Михаила Евгеньевича Ливанова, личного почетного гражданина. Ливанова обвиняли в распространении заведомо ложных сведений, касающихся свержения существовавшего государственного строя. В № 11 от 2 июля 1906 г. правительство усмотрело преступное содержание передовой редакционной статьи «Вожделения погромщиков», «Настроение армии», «Иваново-Вознесенская хроника» и «По Волге. Путевые заметки». В статьях подвергались критике черносотенные погромы, неспособность правительства положить конец анархии, говорилось о повсеместных избиениях казаками и полицией рабочих, публиковались сочувственные революционному движению письма рабочих, солдат и матросов, а также содержались призывы к неповиновению властям[394]. Защитник А. С. Протасьев отрицал факт продажи конфискованного номера газеты, предлагая «направить дело на доследование»[395]. Сам обвиняемый М. Е. Ливанов заявил, что печать резолюций он преступной не считает, а так как все экземпляры номера были конфискованы, то распространить их он не мог. В итоге 18 декабря 1906 г. палата признала М. Е. Ливанова виновным и приговорила его к заключению в крепость на 4 месяца с закрытием навсегда газеты «Северная речь».

Накануне роспуска Государственной Думы в ярославских газетах давалась оценка текущему положению парламента: «Первый российский парламент – стоит на рубеже двух крайностей: реакции, думающей запугать страну террором черносотенных погромов, и революционно настроенной армии пролетариата и

[393] Северная речь.1906. № 6. 25 июня.
[394] ГАЯО. Ф. 347. Оп 1. Д. 666. Л. 14.
[395] Северная речь. 1906. № 119. 20 декабря.

крестьянства. Между ними в качестве смягчающего буфера стоит Дума, своим авторитетом сдерживающая взрыв народного негодования»[396]. Корреспондент призывал Думу к более решительным действиям вплоть до издания манифеста народу и объявления Думы Учредительным собранием.

Общественность Ярославской губернии пристально следила за работой Государственной Думы, возлагая на нее большие надежды. Обыватели интересовались: «Какой законопроект разбирается в настоящее время? По поводу чего сделан запрос министерству? Что говорят кадеты? Что говорят трудовики, социал-демократы и т. д.»[397]. Однако в целом результативность работы Думы оценивалась как слабая: «Вот уже скоро будет два месяца, как собралась Государственная Дума. Два месяца бесконечных словопрений, бесчисленных запросов, на которые министры отвечают со свойственной бюрократам нестеснительностью, два месяца недоверия этим самым министрам – а между тем положение нашей внутренней жизни нисколько не изменилось»[398].

Государственная Дума первого созыва работала всего 72 дня и была распущена императорским манифестом 9 июля 1906 г. 11 июля в газете «Поволжский вестник» был опубликован текст Высочайшего манифеста. В нем говорилось о том, что депутаты не оправдали надежд государя, о вмешательстве Думы в прерогативы императорской власти, об «уклонении на непринадлежащую им область, расследование действий поставленных нами местных властей»[399].

Собственный корреспондент газеты «Поволжский вестник» недоумевал, что «вчера еще была Государственная Дума – и нет ее! В понедельник было назначено собрание, и явились члены, но входы во дворец закрыты и везде подписано, что Дума распущена до следующего года»[400]. В кулуарах Думы корреспондент встретил только приставов, сообщающих о роспуске русского парламента.

---

[396] Северная речь.1906. № 6. 25 июня.
[397] Северная речь. 1906. № 2. 21 июня.
[398] Поволжский вестник. 1906. № 95. 11 июля.
[399] Там же.
[400] Поволжский вестник. 1906. № 102. 20 июля.

Интересно проследить реакцию населения провинции на роспуск I Думы. Так, в Костроме над «одним из учебных были вывешены плакаты с начертанием на них «Долой Думу!»[401]. Левые считали недостаточной защиту их интересов в Думе представителями Партии народной свободы. Ряд избирателей был неудовлетворен работой своих представителей: «Да с такими депутатами Дума не довела бы ни до чего хорошего. Только возбуждала революционные действия. Била только на популярность. Теперь видно, что большинство кадетов были на стороне революционеров и хотели заполучить власть»[402]. В то же время значительная часть населения полагала, что «нет никаких оснований отрицать значение Государственной Думы, а день 27 апреля будет отмечен в русской истории крупным шрифтом, так как с этого дня началась новая эра государственной и общественной жизни России»[403].

Крестьянское население также неоднозначно отреагировало на досрочный роспуск народного представительства. Так, хлебопашцы Костромского уезда, читая купленные у разносчиков газеты с известиями о роспуске Думы, в большинстве случаев реагировали равнодушно: «на смену пылкому и непосредственному чувству пришёл холодный и трезвый рассудок»[404]. Во многом это объяснялось агитацией политических партий, подготовивших местных крестьян к восприятию роспуска Думы. Хлебопашцы Ярославской губернии по-другому отреагировали на это событие. В селе Шуморово Мологского уезда сначала не поверили известию о роспуске Думы. Разгон народного представительства для местных крестьян явился неожиданностью[405]. Крестьяне Балабановской волости Рыбинского уезда видели в разгоне Думы предстоящие беды и трудности[406].

---

[401] Телеграммы «Поволжского вестника». 1906. 14 мая.
[402] Поволжский вестник. 1906. № 102. 20 июля.
[403] Там же.
[404] Костромич. 1906. 28 ноября.
[405] Рыбинский листок. 1906. 12 июля.
[406] Северная речь. 1906. 27 октября.

Особенности крестьянского менталитета ярко проявились в разговоре корреспондента газеты «Ярославские отголоски» с депутатом-крестьянином А. М. Костровым. По словам журналиста, «с тех пор, как Костров приехал в Петербург – сильно в лице изменился, похудел и взгляд стал скучный-прескучный»[407]. Сам народный избранник объяснял причины перемены настроения следующим образом: «Какая там работа. От безделья умаялся. Одна пустая трата времени и больше ничего. Со стыда горю. Только болтовней и занимаемся»[408]. Таким образом, крестьянскому депутату А. М. Кострову была свойственна совестливость, а также понимание того, что он не выполнил требования крестьянских наказов по защите интересов земледельцев. Зачастую решения принимали за крестьянских депутатов, в том числе ответ царю, который так и не позволили обсудить. Костров сетовал, что в кадетской фракции не столько убеждали, сколько заставляли одобрять подготовленные решения. На вопрос, кто же заставлял, Костров ответил: «Нам во всей сумятице трудно было что-нибудь понять. Только чувствовали мы, что нас ведут не туда»[409]. Крестьянин признал свое бессилие в Думе. В то же время дельное на заседаниях парламента в представлении депутата говорил товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко, который в патриотическом восприятии крестьян был сыном героя русско-турецкой войны. Таким образом, в сознании крестьянского депутата видны издержки партийного принуждения и полного бессилия заявить свое мнение.

Знаковым в деятельности и последующей судьбе членов Государственной Думы от Костромской и Ярославской губерний стало их участие в подписании Выборгского воззвания. 10 июля 1906 г. в Выборге состоялось нелегальное совещание депутатского состава I Думы. Возмущенные разгоном парламента народные избранники приняли решение составить воззвание к народу. Костромские депутаты Н. А. Огородников, П. А. Сафронов, З. Г. Френкель, И. В. Замыслов, А. И. Смирнов и все ярославские избранники (К. Ф. Некрасов, Д. А.

[407] Ярославские отголоски. 1906. № 1. 6 августа.
[408] Там же.
[409] Там же.

Скульский, В. Е. Строганов, Д. И. Шаховской, А. М. Костров) подписали воззвание «Народу от народных представителей»[410]. Слушание судебного дела о Выборгском воззвании проходило в Санкт-Петербургской Судебной палате 12–18 декабря 1907 г. К мотивам составления воззвания подсудимые относили недружественное отношение к Думе правительства и акт роспуска Думы, когда страна не была осведомлена о времени созыва следующей сессии: «Роспуск Думы нарушил права народного представительства, и необходимо было на этот акт реагировать»[411]. Подписавшие воззвание депутаты были приговорены к 3-месячному лишению свободы. К. Ф. Некрасов летом 1908 г. отбывал наказание в Ярославской тюрьме в Коровниках (Ярославский каторжный централ). Д. А. Скульский также отсидел положенный срок в 1908 г. в Любимской тюрьме. А. М. Костров, отбывая наказание в Ярославле, написал письмо бывшим коллегам-депутатам, в котором рассказывал об «удовольствии получить выговор от губернатора за свое ведение думского дела, за то, что мы делали аплодисменты ораторам, позорившим правительство»[412]. Проживая в Ярославской губернии, А. М. Костров выражал уверенность в установлении за ним как бывшим депутатом полицейского надзора.

Спустя полгода после роспуска Думы, 17 декабря 1906 г., в Ярославле в зале губернского земства состоялось предвыборное собрание городских избирателей. Докладчики анализировали опыт Первой Думы. Выступал уже бывший депутат кадет Д. И. Шаховской. Как только он поднялся на трибуну, зал оживился бурными, долго не смолкающими аплодисментами. Так ярославцы выражали благодарность князю за его работу в Думе первого созыва. Д. И. Шаховской подытожил результаты работы парламента: «В Думу был внесен целый ряд законопроектов: о свободе печати, о свободе собраний, о свободе союзов, об основаниях аграрной реформы, об изменении порядка рассмотрения законопроектов в Думе, о неприкосновенности личности, о равноправии и многие другие, что вы можете найти в стенографических отчетах. А закон об ассигновании 15 млн был принят

[410] Ярославские отголоски. 1906. № 1. 6 августа.
[411] Ярославские отголоски. 1907. № 279. 15 декабря.
[412] Выборгский процесс. Иллюстрированное издание. СПб., 1908. С. 178.

Государственным Советом и утвержден верховной властью»[413]. Д. И. Шаховской осуждал разгон народного представительства. Он указал на нарушение властью закона, поскольку в указе о роспуске Думы не был указан срок новых выборов.

Таким образом, члены I Государственной Думы, вошедшей в историю под названием Думы неоправданных надежд, досрочно прекратили исполнение своих депутатских полномочий. Оценивая деятельность костромских и ярославских народных избранников, следует учитывать короткий срок их работы, оппозиционность Думы правительству, необходимость выражения депутатами левых настроений избирателей. Власть пошла на созыв Думы в условиях роста общественного движения, рассматривая народное представительство как вынужденную и временную уступку. Костромские и ярославские депутаты, представленные в Думе первого созыва, выступали, как правило, с левых, оппозиционных позиций. Необходимо отметить отсутствие опыта и прецедентов депутатской работы в предшествующее время. Детальная и глубокая законодательная работа парламентариев ограничивалась нехваткой времени. В то же время членами Государственной Думы были намечены основные линии работы в парламенте и с избирателями на местах. Депутаты активно осуществляли взаимодействие с населением провинции: устраивали встречи, совершали поездки по губерниям, делали публикации в газетах, отвечали на письма и телеграммы. Это были политически активные представители провинции, понимавшие интересы своих избирателей, стремившиеся претворить их в жизнь легальным путем.

Государственная Дума второго созыва начала свою работу 20 февраля 1907 г. Интересен вопрос об отношении к этому событию жителей Костромской и Ярославской губерний. В Ярославле в окнах некоторых домов подняли государственные флаги, а учащиеся были освобождены от занятий. В то же время в 2 часа дня несколько молодых людей подошли к зданию местной тюрьмы и развернули красный революционный флаг. Пришедшие стали петь Марсельезу, к исполнению которой хором присоединились арестанты. До прибытия полиции

[413] Северная речь. 1906. № 119. 20 декабря.

нарушителям удалось скрыться. Таким образом, наряду с патриотическим и верноподданническим восприятием Думы мы видим попытки провокаций и революционных манифестаций. В Костроме в этот день состоялось экстренное заседание городской думы, на котором было принято решение отправить в Таврический дворец телеграмму следующего содержания: «Горячо приветствуя Государственную Думу, Костромская городская дума выражает ей искреннее пожелание полного успеха в трудной задаче обновления нашей дорогой Родины на началах законности и полной конституционной свободы»[414]. Трудящиеся всех костромских фабрично-заводских предприятий 20 февраля не работали.

Приступив к исполнению своих депутатских полномочий, народные представители вошли в состав различных думских комиссий. Депутат от Костромской губернии кадет Ф. И. Галунов вошел в состав комиссии по народному образованию. Кадета П. Е. Юницкого включили в состав Аграрной комиссии и назначили ее секретарем. Народный социалист Б. Л. Петерсон был избран в комиссию по исполнению государственной росписи доходов и расходов, одновременно занимая должность секретаря 9-го отдела Государственной Думы. Среди костромских депутатов по участию в работе различных думских комиссий наиболее активно проявил себя кадет А. В. Перелешин, трудившийся в комиссиях по местному управлению и самоуправлению, финансовой комиссии и комиссии по народному образованию. Распорядительная комиссия выбрала Перелешина председателем[415]. Представлявшие Ярославскую губернию депутаты, входившие в состав кадетской фракции, не уступали костромичам по активности в парламентской работе. М. П. Бобина избрали председателем библиотечной комиссии. Ему предстояла непростая работа по организации использования парламентариями каталогов, книг, газет, журналов и других изданий библиотеки Таврического дворца. Бобину надлежало определить состояние библиотечного дела в Думе, систематизировать библиотеку, создать возможности для скорейшего

[414] Думский листок. 1907. № 4. 28 февраля.
[415] Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907 г. СПб., 1907. С. 35.

ее использования, а также регулярно пополнять фонды новыми изданиями. Бобин также трудился в комиссиях о неприкосновенности личности, по составлению Наказа, о нормальном отдыхе служащих в торговых и ремесленных заведениях. Н. Н. Тучков, работал в составе комиссии по делам православной церкви, В. Е. Ваулин стал членом комиссии по народному образованию[416]. Таким образом, наибольшее участие в различных думских комиссиях приняли костромич А. В. Перелешин и ярославец М. П. Бобин.

Представляется существенным выявить, в какой степени деятельность народных представителей была последовательным отражением левых настроений населения изучаемых губерний. Особую остроту в 1907 г. в парламентских дебатах вызывал аграрный вопрос, отчетливо продемонстрировавший левые взгляды крестьянских избирателей.

К этому времени в России уже начали осуществляться столыпинские преобразования, в их числе – аграрная реформа. Народные представители должны были высказывать свое к ним отношение. В ходе думской работы костромские депутаты получили письмо-наказ от крестьян сел Бурдово и Глебово Кологривского уезда. Адресанты ставили перед депутатами задачу добиваться полной политической амнистии, а также полной конфискации без выкупа всех частновладельческих, удельных и монастырских земель с передачей их в собственность всего народа. В письме хлебопашцы настаивали на отмене частной собственности в России. В целом путь решения земельного вопроса им представлялся так: «Землею должен пользоваться только тот, кто своей семьей или в товариществе, но без наемных рабочих будет ее обрабатывать»[417]. Крестьяне жаловались на притеснения со стороны земских начальников и выражали надежду на упразднение любых сословных ограничений, а также введение выборности народом и увольнения народом любых начальников от сельского старосты до министра. Полное неприятие вызывали у отправителей письма Законы от 5 октября

[416] Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907 г. СПб., 1907. С. 35.
[417] Думский листок. 1907. № 15. 8 апреля.

и 9 ноября 1906 года, изданные на основании статьи 87 Основных законов, как совершенно непригодные и вредные для земледельцев. Таким образом, налицо были довольно радикальные требования крестьянства, направленные на коренное изменение положения в деревне.

Аналогичные взгляды выражали ярославские земледельцы. Указ 9 ноября 1906 г., дающий право всякому домохозяину, владеющему надельной землей на общинных началах, закрепить в личную собственность причитающуюся ему землю, вызывал среди них неоднозначное отношение. Так, крестьяне Любимского уезда призывали не торопиться с закреплением за ними земли. По их мнению, укрепление земельного надела в обществе из 5 душ крайне нежелательно и нарушает интересы как укрепителей, так и крестьян, остающихся в обществе[418]. В то же время ряд ярославских крестьян считал, что «сколько на них теперь лежит наделов земли, то и подлежит за ними к укреплению, и что за это не нужно никаких доплат, а только скорее нужно ходатайствовать об укреплении, пока не наступил передел мирской земли, при котором с них при равномерном для всех расчете сложат часть наделов»[419]. Ярославским депутатам было известно, что большинство сельских избирателей, по словам самих землеустроителей, относится к указу отрицательно (таких было 77 %); еще 3 % выражали индифферентное отношение и только 20 % выражали одобрение столыпинским указам[420].

Негативное отношение крестьян к указу 9 ноября 1906 г. было обусловлено разными причинами. Прежде всего сами земледельцы отмечали разнородность почв и неравномерное их качество. Хлебопашцы предвидели проблематичность перехода на отрубные участки на надельной земле, а прочие способы уравнения качества земли, по их мнению, были чреваты бесконечными спорами. Однако там, где земля была одинакового качества, местные общинники были готовы переходить на хуторское хозяйство. Об этом, в частности, сообщал земский начальник 1-го участка Пошехонского уезда[421].

---

[418] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Т. 3. Д. 7358. Л. 2.
[419] Там же.
[420] ГАЯО. Ф. 477. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
[421] ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Т. 3. Д. 7446. Л. 1.

По мнению крестьян, надельная земля должна принадлежать всему сельскому обществу: «По окончании выкупа хозяевами земли являлись мы и могли обложить в пользу общества необременительным налогом тех крестьян, которым давали вновь наделы. Выкупалась земля всем обществом и должна была быть общественной собственностью»[422]. Данная точка зрения объяснялась ярославскими крестьянами и религиозными мотивами. Опасения желающих стать владельцами надела вызывало возможное сопротивление общинников. Так, по Рыбинскому уезду сообщалось, что «крестьяне добровольно выдела не допустят, и начнется резня да поджоги»[423]. Таким образом, несмотря на желание отдельных крестьян выйти из общины, в целом ярославские крестьяне не поддержали указ 9 ноября 1906 г.

Схожую ситуацию по Костромской губернии обрисовал коллегам с думской трибуны кадет Н. Е. Антонов. Высказываясь по эффективности преобразований П. А. Столыпина, он ссылался на отношение к ним своих крестьян-земляков. И здесь земледельцы в письме Антонову признавали привычным и правильным для себя общинное владение. Письмо своих избирателей депутат озвучил на общем заседании Думы: «Указ министров от 9 ноября 1906 года предписывает разрушение общины, натравливает нас друг на друга, порождает в будущем полнейшее безземелье, кулачество, кровопролитие, тяжбу, ссору и не дает нам ничего лучшего, а только худшее и несправедливое»[424]. Как видим, костромские и ярославские хлебопашцы отмечали схожие трудности в наделении землей. Завершая выступление, Н. Е. Антонов высказал сомнения в положительных результатах данного закона, подрывающего самостоятельность сельской общественности и способствующего усилению бедствий и междоусобиц среди крестьянства.

Выступление Антонова было поддержано кадетом П. Е. Юницким, который также располагал мнениями крестьянских избирателей представляемой им

---

[422] ГАЯО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1. Л. 2-3.
[423] Там же.
[424] Думский листок. 1907. № 5. 28 марта.

губернии, изложенными в письмах, приговорах и наказах. С думской трибуны депутат говорил о слабой организации реализации закона 9 ноября 1906 г. на местах и непрофессиональных действиях властей: «Мы, крестьяне, не получаем от правительства своевременной помощи в виде продовольственных и семенных ссуд; ходатайства и хлопоты наши разбиваются о чиновничье равнодушие и неподвижность»[425]. В доказательство своих слов он прочитал с трибуны письмо от крестьян Юрьевецкого уезда: «Голод растет, и средств никаких нет. Раньше хоть скотину продавали и хлеба покупали, все-таки кормились. А теперь надеяться не на что. Заработков нет. Начальство сделалось чуждым, никакой помощи не дает»[426]. Костромич кадет А. В. Перелешин тогда же выступил за создание комиссии для оказания помощи голодающим. По его представлению продовольственная комиссия обсудила ходатайство министерства внутренних дел об ассигновании 22 млн руб. на помощь голодающим и признала невозможным сразу удовлетворить данное требование до тех пор, пока министерство не предоставит сведения и отчеты о ходе продовольственной кампании на местах. В то же время комиссия распорядилась выделить 6 млн руб. для оказания населению врачебно-питательной помощи.

Работая над проектами урегулирования аграрного вопроса, депутаты не обходили своим вниманием и другие проблемы. Осуждение правительственной политики выражала речь 13 марта 1907 г. ярославского депутата кадета М. П. Бобина. В нем народный представитель с думской трибуны показал негативные проявления политики П. А. Столыпина по борьбе с революционным движением и призвал коллег в 24 часа принять закон об отмене военно-полевых судов, «не осложняя себя возможными поправками, а затем и к отмене других явлений, позорящих нашу жизнь»[427]. В свою очередь костромской депутат кадет Н. Е. Антонов раскритиковал издание правительством Столыпина закона о военно-полевых судах, принятого на основании статьи 87 Основных законов, «но без

[425] Думский листок. 1907. № 15. 8 апреля.
[426] Там же.
[427] Северная речь. 1907. № 50. 14 марта.

одобрения его народным представительством»[428]. В результате думская комиссия о военно-полевых судах подготовила законопроект об их отмене, принятый депутатами на заседании 17 апреля.

Стремление к выражению левых настроений избирателей было характерно и для парламентской работы народного социалиста Б. Л. Петерсона, обличавшего с трибуны Таврического дворца конкретные факты противодействия бюрократии народному представительству и стремления чиновников свести на нет достижения манифеста 17 октября: «Манифестом Государя Императора была дарована полная свобода слова и свобода печати, и в это самое время министерство внутренних дел увеличило оклад начальника главного управления по делам печати и его помощника»[429]. Б. Л. Петерсон полагал, что Дума должна добиваться расширения прав по рассмотрению и утверждению росписи государственных доходов и расходов[430]. На общем заседании депутаты приняли решение исключить ассигнования высшим государственным учреждениям на содержание чиновников за обер-прокурорским столом (8,5 тысяч рублей) и на содержание чертежной при судебном департаменте Сената (3,4 тысячи рублей), на содержание дворянских опек (11,7 тысяч рублей). Думцы полагали, что большие затраты на обеспечение функционирования высших органов власти и содержание привилегированных слоев общества нецелесообразны. Тогда же депутаты признали желательным сокращение штатов центрального и местных акцизных управлений. В целом усилиями Думы расходы были сокращены на 8,5 млн.

Оппозиционные взгляды выражались и ярославскими представителями. Так, кадет Н. Н. Тучков в составе комиссии по делам православной церкви рассуждал о кризисе РПЦ, о низком моральном облике многих представителей духовенства, о стяжательстве и прочих пороках, не добавляющих авторитета церковным иерархам. Кроме того, на первом заседании Думы Тучков не встал во время исполнения государственного гимна, за что был лишен придворного звания камер-

[428] Думский листок. 1907. № 5. 28 марта.
[429] Рабочий. 1907. № 2. 25 марта.
[430] Думский листок. 1907. № 15. 8 апреля.

юнкера. В Ярославле Дворянское собрание выразило сожаление по поводу такого поступка своего представителя. На этом же собрании ярославские дворяне с пониманием отнеслись к предложению Пошехонского уездного предводителя дворянства об исключении из числа дворян губернии депутатов I Думы Д. И. Шаховского, К. Ф. Некрасова и Д. А. Скульского за подписание ими Выборгского воззвания.

В свою очередь кадет В. Е. Ваулин, ранее служивший учителем, выступил с думской трибуны по вопросу развития народного образования. Ярославский депутат охарактеризовал правительственную политику в этом вопросе как непоследовательную и неэффективную, заявив о недостаточности выделяемых на образование средств. Депутат настаивал на принятии мер, способствующих доступности образования широким слоям населения, на введении всеобщего образования и повсеместном строительстве школ в России.

Дума второго созыва продолжала политику своей предшественницы в деле законодательной защиты подданных от произвола властей и обеспечения прав и свобод личности. В апреле 1907 г. думская комиссия о неприкосновенности личности с участием ярославского депутата М. П. Бобина приняла статью 3 правительственного законопроекта в следующей редакции: «Никто не может быть задержан, заключен под стражу, подвергнут личному обыску, полицейскому надзору или иному ограничению свободы иначе, как в случаях, определенных законом, и притом лишь при предъявлении постановления судебной власти. Постановление это должно содержать точное обозначение лица, которому оно предъявляется, изложение обстоятельств дела и ссылку на соответствующие статьи закона»[431]. В этот же законопроект депутаты внесли поправку, допускающую возможность апелляции со стороны обвиняемого в случае лишения его каких-либо прав. В ходе прений высказался депутат от Костромской губернии П. Е. Юницкий, располагавший конкретными фактами незаконных действий властей. С трибуны он озвучил жалобу своих земляков, служивших в саперном батальоне: «Из-за истории,

[431] Думский листок. 1907. № 25. 20 апреля.

несоответственно ее серьезности носящей громкое название «восстание саперов», в количестве 95 человек – 7 приговорены к смерти, 16 – на каторгу на 11–12 лет, остальные – в арестантские роты до 4 лет»[432]. Депутат предлагал коллегам обратиться с запросом по этому делу к министру внутренних дел.

Ярославская газета «Северная речь» имела в Таврическом дворце собственного корреспондента. В газете рассказывался курьезный случай, когда в зале, где совещались депутаты, во время получасовой беседы думцев с журналистом у окна стоял агент охранки в штатском и слушал разговор. Ни у кого не вызывала сомнений его принадлежность к полиции, но «агент все то время делал вид, что пришел выпить воды из графина, хотя вода не убавлялась»[433]. Ярославским читателям газеты сообщалось, что социал-демократы держатся обособленно от других думских фракций, особенно от кадетов. Со стороны кадетов отмечалось неприятие уровня партийной дисциплины социал-демократов, утопичность и радикализм их речей с думской трибуны. Наиболее оживленные дискуссии велись среди трудовиков, которые, не обладая навыками парламентских дебатов, не стеснялись в выражениях и кричали. В то же время дискуссии у кадетов велись культурно и организованно: доклады комиссий у кадетов следовали друг за другом, и им удалось выработать законопроекты практически по все важнейшим вопросам.

Кроме работы в Таврическом дворце, народные избранники работали и за его пределами в Петербурге, а также с избирателями в провинции. Так, костромич П. Е. Юницкий оказывал большую помощь редактору ежедневной столичной газеты «Думский листок» А. А. Стаховичу в деле ее издания, а также активно публиковался на страницах данной газеты. Ранее в издании «Думского листка» принимали участие депутаты Думы первого созыва З. Г. Френкель и Д. И. Шаховской. Думская фракция Партии народной свободы 20 апреля 1907 г. при участии костромских и ярославских депутатов, сформулировала ближайшие тактические задачи партии: 1. Вербовка новых членов. 2. Оповещение населения о местных районных бюро. 3. Устройство подрайонов. 4. Устройство чтений. 5.

[432] Думский листок. 1907. № 15. 8 апреля.
[433] Северная речь. 1907. № 50. 14 марта.

Рассылка партийной литературы. 6. Временные профессиональные организации. 7. Пропаганда среди фабрично-заводских рабочих. 8. Устройство чайных, столовых, библиотек. 9. Организация юридических консультаций. 10. Бесплатная врачебная помощь. Таким образом, кадетами были обозначены основные линии работы в центре и с избирателями на местах.

Для поддержания связи с земляками народные избранники использовали переписку и обмен телеграммами. Так, депутат от Ярославской губернии М. П. Бобин переписывался с корреспондентами газеты «Северная речь». В своих письмах он подробно анализировал текущее положение дел в Государственной Думе, отвечал на вопросы и обосновывал принятые в Таврическом дворце решения. В то же время публикуемая в газетах переписка депутатов с избирателями отражала неудовлетворенность ярославцев результатами работы своих избранников. Отвечая Бобину, представители ярославских социал-демократов осуждали депутата за неприятие справедливой критики: «Раз вы вышли на общественную арену, вошли в толпу, не воображайте себя неприкосновенной святыней»[434]. Депутата упрекали в намеренном искажении программы левых: «На предвыборном собрании Вы говорили о том, как в настоящее время русские социал-демократы смотрят на профессиональные союзы. Мы нашли, что ваша формулировка о взглядах социал-демократов не отвечает действительности.»[435]. Адресанты писали о бессилии Второй Думы и ошибочности позиции Бобина в этом вопросе: «Вы ответили, что Государственная Дума есть величайшая общественная сила. Это истинно кадетский винегрет туманной либеральной фразеологии»[436].

Переписывались с избирателями и другие депутаты. Кадет П. Е. Юницкий регулярно получал письма поддержки, например, от костромских женщин-мещанок, предлагавших для безопасности работы Думы перенести заседания в какой-либо провинциальный город. Большевик А. В. Калинин вел переписку с костромичами, слал им печатные листовки и газеты. Представлявший ярославских

[434] Северная речь. 1907. № 41. 12 июня.
[435] Там же.
[436] Там же.

рабочих Д. П. Пуговишников в переписке получал информацию о текущих нуждах и проблемах ярославцев и старался их решить. Так, избранник получил письмо от местного кружка самообразования с просьбой организовать регулярную посылку прогрессивных газет и журналов в Ярославль для ликвидации газетного голода. Из запроса следовало, что приказчики, учащиеся и рабочие хотели получать полную и достоверную информацию о положении дел в стране. Депутат выполнил просьбу земляков.

Еще одним направлением деятельности членов Государственной Думы в провинции было их участие в заседаниях губернского земского собрания. Среди костромских избранников наиболее активно в этом отметились А. В. Перелешин и Б. Л. Петерсон. В их выступлениях и докладах особое внимание уделялось состоянию сельского хозяйства в Костромской губернии. Избранники обсуждали последние постановления Костромского губернского земства. Они поставили вопрос о нецелевом расходовании средств Костромским уездным земством и соседним с ним земствами. По словам участников собрания, эти земства пользовались от губернского склада семенами на огромные суммы (до 12 тысяч рублей в год) и не отдавали в расходовании средств никакого отчета. В итоге было решено создать особую комиссию для более тщательной проработки данного вопроса. Из Ярославских депутатов активно участвовал в заседаниях губернского земского собрания Н. Н. Тучков.

На встречах с населением костромские депутаты выдвинули идею организовать издание земской газеты. Б. Л. Петерсон и А. В. Перелешин полагали особо важным выпуск подобной газеты, тем более что «крестьяне проснулись и прежние газеты его не удовлетворяют»[437]. Они предложили направить правительству ходатайство об отмене постановления, по которому редактором должен быть председатель управы и пригласить осторожного, либерального редактора. В итоге было решено создать комиссию по вопросу издания в Костроме новой газеты.

[437] Думский листок. 1907. № 15. 8 апреля.

Следует отметить конкретные факты обращения депутатов к власти для разрешения проблем своих избирателей. Ярославский депутат В. Е. Ваулин, прежде работавший учителем, получил от своих коллег из Рыбинска телеграмму. Педагоги жаловались на нового директора Рыбинского технического училища В. Ф. Ланковича. По их словам, директор не стал защищать своих учеников от произвола полиции, устроившей в училище повальные обыски. Наиболее способный и мыслящий ученик Марков был арестован, а еще двадцать учащихся, вызвавших подозрения стражей порядка, Ланкович отчислил из училища без права восстановления. Пострадавшие ученики просили депутата о содействии в этом деле, а именно сделать соответствующий запрос министерству народного просвещения. Ваулин, зная о бюрократической волоките и желая как можно скорее помочь землякам, вместо письменного запроса обратился к министру напрямую. Депутата принял товарищ министра О. П. Герасимов. Чиновник сочувственно выслушал Ваулина, заявив об отсутствии у министерства полной информации по этому делу. Герасимов пообещал затребовать справку о всех обстоятельствах дела и разобраться в нем, а ответ дать в течение двух недель. Товарищ министра обнадежил Ваулина заверением лично позаботиться об облегчении положения исключенных учеников. Удовлетворенный депутат немедленно сообщил землякам о результатах беседы с О. П. Герасимовым.

Члены Государственной Думы предчувствовали близкий роспуск народного представительства. Для кадета А. В. Перелешина кризис взаимоотношений парламента с правительством и предстоящий разгон Думы казались очевидными: «Когда слушаешь эти ожесточенные споры людей в цветных рубашках и поношенных армяках, невольно кажется, что из углов громадной залы раздается злой, иронический смех. Если они думают о том, как бы подольше сохранить Думу, то только для того, чтобы иметь возможность организовать народные массы. Другие думают о том, чтобы организовать массы для поднятия их на защиту Думы. Это заколдованный круг»[438]. Перелешин не видел перспектив в дальнейшей работе

[438] Думский листок. 1907. № 15. 8 апреля.

Думы второго созыва в таком составе: «Дальнейшее существование Думы является пустой тратой времени, если сама Дума не верит в возможность проводить законы, т. е. в свое прямое назначение. Это убеждение разделяется многими депутатами – разногласия только в вопросе о сроках роспуска Думы»[439]. Кадет П. Е. Юницкий в газетной статье анализировал сложившееся положение. Он считал, что царские министры отводят Думе роль органа одобрения правительственных предложений и присылаемых в Думу смет расходов и доходов. По мнению депутата, это доказывало отношение министров к работе двух наиболее важных думских комиссий – контрольной и бюджетной. Контрольная комиссия занималась проверкой правильности и соответствия смет государственных расходов и доходов, а бюджетная комиссия рассматривала намечаемые доходы и расходы. П. Е. Юницкий писал о конкретных фактах создания препятствий работе комиссий со стороны правительства: «Для контрольной комиссии понадобился всеподданнейший отчет генерального контролера, и в его доставлении отказал Государственный контролер П. Х. Шванебах. Для бюджетной комиссии понадобились журналы межведомственного совещания по составлению сметы, доступные всем ведомствам. Совет министров отказался предоставить их Думе: «Это данные внутреннего делопроизводства, и до него вам, господа депутаты, нет никакого дела»[440]. В то же время костромской депутат не сомневался в безоговорочной поддержке народного представительства подавляющим большинством избирателей провинции: «Власти распускают Думу во имя своих собственных групповых интересов, опираясь исключительно на военную силу»[441].

В провинции губернская администрация последовательно продолжала борьбу с кадетскими и более левыми выдвиженцами. В Костроме в печатных изданиях, которым оказывал поддержку губернатор А. П. Веретенников, предпринимались попытки показать нежизнеспособность Думы второго созыва, а также дискредитировалась работа костромских представителей. В достаточно

---

[439] Там же.
[440] Там же.
[441] Думский листок. 1907. № 15. 8 апреля.

резкой форме II Дума саркастически именовалась «Думой народного невежества», а народные избранники в ней – «безголовыми печальниками печальницы о горе народном – Думы»[442]. Читателей убеждали не рассчитывать на защиту их интересов членами Государственной Думы: «Юницкий, Перелешин и другие…ох, надоели, голубчики! Пусть трещат потолки от речей десятирублевых думских зоологических индивидов, пусть обыватели изнывают от стыда за своих представителей от речей таврических попугаев. В недалеком будущем слово «депутат» заработает себе такую же печальную известность, как слово «брехунец»[443]. В то же время левые печатные издания подвергались давлению властей. Так, в мае 1907 г. была закрыта кадетская газета «Костромич», что было с горечью воспринято не только представителями Партии народной свободы, но и большевиками. Возражая прогубернаторским журналистам, левые заверяли читателей в значительности функций и ответственности народного представительства: «Депутаты призваны воспитать в народе истинное понятие о свободе и уважение к свободе и законным действиям других людей. Чем больше право – тем громаднее ответственность, кому много дано – много и спросится»[444].

Вторая Государственная Дума работала 102 дня и была досрочно распущена 3 июня 1907 г. Избиратели в провинции узнали о ее роспуске из газет 6 июня. В «Костромских губернских ведомостях» был опубликован текст манифеста Николая II о прекращении работы Думы второго созыва. Костромичам сообщалось о стремлении правительства установить порядок и законность в стране с момента роспуска Думы первого созыва. Обозначалась основная задача, поставленная царем перед вновь избранными депутатами: «Созданная Нами Вторая Государственная Дума призвана была содействовать успокоению России, прежде всего работой законодательной, затем составлением росписи доходов и расходов и разумным осуществлением права запросов Правительству»[445]. Однако деятельность народных представителей вступила с противоречие с поставленной

[442] Рабочий. 1907. № 5. 15 апреля.
[443] Там же.
[444] Рабочий. 1907. № 11. 27 мая.
[445] Костромские губернские ведомости. 1907. № 89. 6 июня.

задачей и была сопряжена с «явным стремлением увеличить смуту и способствовать разложению Государства»[446]. В то же время работа части депутатского корпуса, прежде всего фракции правых, в манифесте характеризовалась позитивно. Власти осудили слишком низкие, по их мнению, темпы принятия решений, особенно в вопросе рассмотрения государственной росписи доходов и расходов. В практике парламентских запросов министрам самодержавие усмотрело стремление укрепить недоверие к правительству среди подданных империи. Начало работы Думы третьего созыва назначалось на ноябрь 1907 г.

Таким образом, во II Государственной Думе представительство от Костромской и Ярославской губерний состояло из кадетов, народных социалистов и социал-демократов. В условиях противодействия со стороны властей избранные депутаты должны были выражать левые настроения избирателей обеих губерний. В целом члены Государственной Думы продолжали основные направления работы своих предшественников в Таврическом дворце, в Петербурге за пределами Думы и в провинции. Преемственность депутатской деятельности проявилась и в работе думских комиссий. В Думе второго созыва наибольшее участие в работе различных думских комиссий проявили депутат от Костромской губернии А. В. Перелешин и ярославский избранник М. П. Бобин.

Основными направлениями деятельности членов Государственной Думы были обсуждение и утверждение государственного бюджета, запросы представителям правительства и законодательные инициативы. В центре внимания народных избранников в I и II Думах были попытки предложить приемлемое решение земельного вопроса, а также добиться от самодержавия неукоснительного соблюдения манифеста 17 октября. Речи депутатов, выражавшие их взгляды и конкретные предложения, носили оппозиционный правительству характер. Противостояние царского правительства и народных избранников проявилось в досрочном роспуске Дум первого и второго созывов. Депутатам зачастую

[446] Там же.

недоставало времени на тщательную проработку законопроектов и детальное их рассмотрение и обсуждение. Население провинции рассчитывало на выражение депутатами их интересов, о чем свидетельствуют конкретные обращения избирателей к своим представителям. В то же время в 1906–1907 гг. не удалось выработать приемлемую и для самодержавия, и для парламентариев форму сотрудничества. Все это повлияло на позиции властей, которые после роспуска II Думы приняли новый избирательный закон, ограничив избирательные права народа.

§ 3.2. Народные представители в III Государственной Думе

III Государственная Дума отработала весь положенный срок с 1 ноября 1907 по 9 июня 1912 гг. Власть попыталась качественно изменить состав депутатского корпуса, обеспечив в то же время известную лояльность парламента. Союз 17 октября, опираясь на поддержку председателя Совета министров П. А. Столыпина, был в Думе партией власти.

Закономерным было включение народных представителей в состав думских комиссий. Г. Н. Ботников работал в комиссии по народному образованию, о путях сообщения, по городским делам, а также в бюджетной комиссии. В. С. Соколов стал членом комиссий по местному самоуправлению, по делам православной церкви, о неприкосновенности личности, а также комиссии об уставе и штатах императорских российских университетов[447]. Одновременно В. С. Соколов занимал должность товарища секретаря Государственной Думы (с 1-ой сессии).

Фракция октябристов с участием депутатов И. А. Куракина, Г. Н. Ботникова и В. С. Соколова выработала общую линию деятельности парламента, поддержанную практически всеми фракциями. На первый план выдвигались следующие вопросы: 1. Законопроекты о реформах местного самоуправления – о волостном и поселковом управлении, об изменении земского избирательного

[447] Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. СПб., 1908. С. 227.

закона, законопроект о введении земства в Сибири, Донской области, Архангельской и Астраханской губерниях, о введении самоуправления в городах Царства Польского. 2. Законопроекты, касающиеся крестьянского землевладения и правового положения крестьян. О назначении свободных казенных земель Европейской России для обеспечения нуждающихся крестьян. О выдаче крестьянским банком ссуд под залог надельных земель. 3. Социальное законодательство. Об обеспечении нормального отдыха служащим в торговых и ремесленных заведениях. Об обеспечении рабочих на случай болезни. О страховании рабочих от несчастных случаев. 4. Законопроекты в области народного образования. Вопрос о всеобщем обучении, вопрос об университетском уставе. Как видно, парламентарии предполагали выработку и принятие законопроектов по широкому спектру вопросов политической и общественно-экономической жизни России. В обсуждении законопроектов, проблематикой которых не исчерпывался октябристский план работы, принимали активное участие костромские и ярославские представители. Так, 10 февраля 1910 г. депутат от Костромской губернии Г. Н. Ботников с думской трибуны предложил перечень мер по урегулированию ценовой политики в деле строительства водных и сухопутных путей сообщения. Все предложения Ботникова были приняты[448].

Депутаты-октябристы поддерживали линию столыпинской аграрной политики. Положения их аграрной программы содержали в основном хозяйственно-правовые аспекты проблемы. Фракция Союза 17 октября выступала за уравнивание крестьян в правах с остальными подданными, разрушение общины и улучшение экономического положения крестьян. Последнее должно было осуществляться за счет развития сельскохозяйственного кредита, широкого внедрения агрономических знаний и распространения кустарных промыслов. Расчет октябристов строился на создании в короткий срок широкого слоя зажиточного крестьянства, которое и должно было стать массовой опорой

[448] Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1910. Третья сессия. СПб., 1910. С. 986; Поволжский вестник. 1910. № 822. 12 февраля.

конституционного режима[449]. В. С. Соколов и Г. Н. Ботников не только выступали с думской трибуны по аграрному вопросу, но и предпринимали конкретные шаги в этом направлении в Костромской губернии. В октябре 1910 г. избранники совместно с костромскими земцами выработали и утвердили обязательные нормы по содержанию ветеринарных пунктов и расширению зданий скотолечебниц в регионе. Депутаты добились удовлетворения ходатайства крестьян Черной Заводи об открытии в их селе постоянного фельдшерского пункта. Народные представители полагали, что необходимо расширять материальную поддержку служащих костромских земств. В результате было решено открыть ссудную кассу Костромского губернского земства. 15 декабря 1911 г. в Костромском губернском земском собрании слушались доклады комиссии по кустарному отделению о ремесленных учебных мастерских. Выступающие предлагали выделить пособие в 750 рублей на содержание работной мастерской в селе Красном, а также характеризовали кустарный склад губернского земства и состояние кустарного дела в регионе. Поддержав все предлагаемые решения, В. С. Соколов добился выделения средств для снабжения сельского населения кровельным железом. В целях развития ветеринарного, медицинского и агрономического движения в Костромской губернии депутат призвал активизировать работу уездных земств в деле организации съездов специалистов этих отраслей, а также упорядочить сроки работы съездов на предстоящий период. На первое место Соколов выдвигал популяризацию агрономического дела в регионе, подчеркивая значение подобных съездов для обмена опытом, внедрения новой техники и передовых методов ведения сельского хозяйства[450]. Депутатом была высказана мысль о совместной закупке земствами для уездов пожарных машин и портландского цемента, с чем участники собрания единодушно согласились.

Костромские земские деятели совместно с депутатами-октябристами участвовали в прениях о центральных сельскохозяйственных курсах для крестьян

---

[449] Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. / сост. В. В. Кривенький, Н. Н. Тарасова. М., 1995. С. 340.
[450] Поволжский вестник. 1911. № 1633. 18 декабря.

и мелких хозяев. По мнению земцев, уездные сельскохозяйственные чтения и лекции, проведенные, в частности, в Ветлуге, хотя и пробудили в селянах желание приобретать агрономические знания, все же были не в полной мере организованы. В. С. Соколов пояснил, что Костромскому уезду устроить центральные курсы легче, поскольку здесь имеется большая материально-техническая база, помещения и даже кинематограф. Большинством «28 против 26 было принято предложение о создании центральных сельскохозяйственных курсов»[451]. Следовательно, в работе костромских депутатов-октябристов прослеживается стремление реализовывать положения столыпинских реформ, в данном случае повышать агрономические знания крестьян и внедрять передовые методы ведения сельского хозяйства.

В Думе столыпинскую аграрную политику проводили не только октябристы. Депутат от Костромской губернии крестьянин И. Е. Ананьев, выступая от состава думской аграрной комиссии, с трибуны Таврического дворца высказался за скорейшее разрушение сельской общины: «Закон 9 ноября для нас, крестьян, вполне подходящий и справедливый»[452]. В то же время он требовал проведения реформы местного самоуправления. 29 мая 1908 г. Ананьев говорил на общем заседании Думы, что в течение сорока лет содержание волостных правлений, выполняющих общегосударственные задачи, оплачивают исключительно крестьяне. По мнению депутата, непосильное обложение волостей мирскими сборами способствует дальнейшему ухудшению благосостояния сельских жителей. Фракция умеренно правых, к которой принадлежал И. Е. Ананьев, разработала законопроект, по которому в местном самоуправлении все повинности и все функции, исполняемые прежде сословными крестьянскими учреждениями, должны были исполняться учреждениями всесословными. В то же время Ананьев находил данный законопроект недостаточно продуманным и предлагал передать

[451] Северный вестник. 1911. № 41. 12 декабря.
[452] Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 363.

его на доработку в особую комиссию[453]. В свою очередь октябрист князь И. А. Куракин не согласился с доводами костромского коллеги и призвал не допускать сословной розни, указывая на заслуги дворянства в деле развития общественной жизни. Таким образом, сословно-социальное происхождение депутатов оказывало определенное влияние на позицию избранников по различным думским вопросам и требовало от народного представителя защиты интересов прежде всего своего сословия[454].

Внимание Думы третьего созыва к состоянию сельского хозяйства выразилось в законодательной работе по вопросам свободного выхода крестьян из общины и переселении крестьян. В предшествующие годы наблюдался рост переселенческого движения: в 1905 г. было 38 700 переселенцев и 5269 ходоков, в 1906 г. – 188 401 переселенец и 75 485 ходоков. В то же время вследствие непродуманности переселенческой политики и отсутствии поддержки на местах за неимением заготовленных земель 28 тысяч ходоков вернулись обратно[455]. В данных обстоятельствах уже на четвертом заседании Думы фракция октябристов внесла предложение об учреждении особой комиссии из 66 человек по переселенческому вопросу, что и было одобрено парламентариями. Созданная комиссия постановила «положить начало установлению солидарности взглядов на переселенческое дело между исполнительной властью и законодательным учреждением» и призвала Думу «взять под свое покровительство великое народное дело переселения и вооружить исполнительную власть необходимыми средствами и законами»[456]. На эти цели депутаты постепенно увеличивали ассигнования: в 1908 г. – 19 млн, в 1909 г. – 23 млн, в 1910 г. – 25 млн, в 1911 г. – 27 млн, в 1912 г. – 27 млн. Помимо финансирования перед парламентариями стояла задача законодательного обеспечения переселенческой политики. Думцам регулярно

---

[453] Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия 1. СПб., 1908. С. 934; Ярославские отголоски. 1908. № 120. 31 мая.

[454] Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия 1. СПб., 1908. С. 936.

[455] Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте –Столыпина. СПб., 2016. С. 771.

[456] Ярославские отголоски. 1908. № 120. 31 мая.

поступала информация о непредвиденных трудностях и проблемах на местах переселения. По инициативе переселенческой комиссии было внесено предложение о привлечении местных органов самоуправления к организации этого дела. Фракция октябристов дополнила это предложением о том, чтобы земства приходили на помощь правительству не только в местах выселения, но и в пути, и на новых местах проживания переселенцев. Еще одна важная поправка Союза 17 октября предполагала возможность для переселенцев на местах приобретать землю в личную собственность. Октябрист князь Куракин находил безосновательным запрос министру внутренних дел и главноуправляющему землеустройством и земледелием по поводу распространения эпидемии тифа среди прибывающих в Сибирь переселенцев: «Находя общую постановку врачебного дела в Сибири как среди старожилого населения, как и среди переселенцев, крайне неудовлетворительной и признавая необходимость для упорядочения врачебного дела скорейшее введение в Сибири земского самоуправления, Дума должна перейти к текущим делам»[457]. В законодательном обеспечении столыпинской аграрной реформы особо следует отметить принятие Государственной Думой закона о крестьянском землевладении 14 июня 1910 г. и дополнившего его закона о крестьянском землепользовании 29 мая 1911 г. За принятие первого закона проголосовали депутаты-костромичи – И. Н. Ананьев, А. П. Александровский, В. С. Соколов – и депутаты-ярославцы – И. А. Куракин, А. С. Соколов и Ф. Д. Андреев. Они же поддержали и принятие второго закона[458].

Депутаты III Думы продолжали совершенствовать правовую основу обеспечения неприкосновенности личности и защиты подданных от произвола властей. В целом позиции правых и октябристов по вопросу правительственных мер по наведению порядка в стране совпадали, однако обнаружилось расхождение взглядов по вопросу организации работы Департамента полиции. На общем заседании Думы 13 ноября 1909 г. видный представитель правых В. В. Шульгин

[457] Поволжский вестник. 1909. № 1195. 5 июня.
[458] Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. 1910–1911 гг. СПб., 1911. С. 333.

обозначил несовершенство системы наказаний в России и предлагал прежде реформировать полицию и судебную власть, и только потом принимать закон о неприкосновенности личности. С ним не соглашался костромской депутат-октябрист В. С. Соколов: «Да каких же вы хотите наказаний? Если вам каторга и ссылка кажутся игрушками, то не думаете ли вы уши резать и языки вырывать? Я укажу Думе истинную причину того, почему уголовные преступники ускользают от репрессий. Просто вся полиция уцепилась за политический сыск, и до воров ли ей, когда надо ловить семинаристов, читающих запрещенные книжки?»[459]. Таким образом, в ходе думских прений проявились разногласия между правыми и парламентским центром по вопросу направленности и результативности работы полиции.

В. С. Соколов выражал неудовлетворенность системой исполнения наказаний и содержания арестантов. Когда 28 декабря 1910 г. думцы адресовали министру юстиции запрос по поводу издания начальником главного тюремного управления распоряжения, запрещающего допускать к арестантам защитников, изобличенных в передаче арестанту каких-либо недозволенных вещей, В. С. Соколов заявил: «Министр сказал, что, какова бы ни была принятая Думой формула, он закон нарушает и будет нарушать. После речи министра юстиции следует его объяснения признать незакономерными»[460]. Эти слова депутата вызвали рукоплескания левой части зала заседаний и сильный ропот справа. Исходя из смелых речей В. С. Соколова становится вполне понятным негативное отношение к нему правой части зала заседаний Таврического дворца. Правые дали В. С. Соколову прозвище «колченогий» за хромоту. Такое отношение могло быть вызвано и переходом октябриста Соколова к фракции мирнообновленцев уже в ходе думской работы. В то же время мнение В. С. Соколова в парламенте было авторитетным. Неоднократно президиум Думы настаивал на его присутствии при обсуждении ряда важных вопросов. Так, 14 июня 1908 г. секретарь

[459] Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия третья. СПб., 1909. С. 1860; Поволжский вестник. 1910. № 1040. 13 января.
[460] Поволжский вестник. 1910. № 1359. 31 декабря.

Государственной Думы адресовал В. С. Соколову письмо: «До окончания настоящей сессии Государственной Думы предстоит еще рассмотрение доходных смет, докладов согласительной комиссии и некоторых спешных законопроектов. Все эти работы представляются неотложными, между тем ввиду отсутствия многих членов Государственной Думы из Петербурга, с трудом собирается требуемый законом наличный состав общих собраний Думы»[461]. Секретарь просил костромского представителя в ближайшее время прибыть в Петербург для личного присутствия при обсуждении вышеуказанных вопросов.

Близкие В. С. Соколову взгляды выражали представители Партии народной свободы – П. В. Герасимов от Костромской губернии и С. К. Эльтеков от Ярославской губернии. Когда на общем заседании Думы 28 октября 1909 г. обсуждались преследования властями профессиональных обществ, Герасимов призвал коллег встать «не на партийную, а на государственную точку зрения, и признать, что разрушительные эксперименты правительства в области профессионального движения ведут к экономическому разложению страны и влекут нарастание оппозиционности рабочих масс»[462]. По вопросу организации системы исполнения наказаний и содержания арестантов Герасимов разделял взгляды своего земляка В.С. Соколова. На заседании 1 марта 1910 г., когда парламентариями рассматривалась смета по тюремной части, депутат констатировал антисанитарное состояние тюрем, тяжелый режим содержания и отсутствие разумной политики в деятельности главного тюремного управления. Герасимов согласился с предложением думской комиссии сократить смету министерства юстиции в 31 731 940 рублей на 1 234 923 рубля. Вместо новых тюрем депутат предлагал построить сеть новых школ. П. В. Герасимов в своих выступлениях опирался на конкретные примеры произвола властей. Когда социал-демократы предложили сделать запрос о насилии полиции в университетах и запрете петербургским газетам писать об этом, костромич поддержал своих коллег слева. 20 апреля 1911 г. он подробно разобрал с точки зрения закона действия

[461] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 735. Л. 14.
[462] Поволжский вестник. 1909. № 1026. 18 ноября.

столичных властей: «Петербургский градоначальник, запрещая печати касаться университетских событий, совершил три тяжких служебных преступления. Он игнорировал Высочайший указ от 18 декабря о прекращении административного воздействия на печать, присвоил себе не принадлежащие ему права генерал-губернатора, и взял на себя функции законодателя, восстанавливая свои распоряжением действие ст. 140 служебного устава, отмененной Высочайшей волей»[463]. После речи Герасимова Председатель Думы предложил произвести поименное голосование по вышеуказанному запросу. Однако при проверке состава Думы выяснилось, что в зале присутствует лишь 113 депутатов. За отсутствием кворума заседание было прекращено.

Депутаты-кадеты участвовали в обсуждении различных законодательных вопросов. 19 апреля 1911 г. П. В. Герасимов заявил с думской трибуны, что институт родовых имуществ «пережил себя и вредно отражается на хозяйственной жизни страны и требует упразднения»[464]. Пристальное внимание парламентариев было приковано к реформированию судебной системы. Так, 7 декабря 1909 г. депутаты обсуждали порядок разграничения судебных мировых участков в пределах мировых округов. Это право предоставлялось уездным земским собраниям. Депутат Н. М. Солтуз внес поправку о предоставлении разграничения мировых участков в ведение городских дум во всех городах. В свою очередь ярославец С. К. Эльтеков расширил поправку Н. М. Солтуза в том смысле, что каждый город должен составлять самостоятельный мировой участок. С ним не согласился товарищ министра юстиции А. Н. Веревкин. В результате поправки Солтуза и Эльтекова были отклонены[465].

Продолжительные прения в Думе 19 мая 1912 г. вызвало постатейное обсуждение законопроекта о волостном суде. Предложенные оппозицией поправки были отклонены. В центре внимания парламентариев был вопрос об апелляционной инстанции для волостного суда. По проекту комиссии такой

[463] Поволжский вестник. 1911. № 1446. 24 апреля.
[464] Там же.
[465] Ярославское слово. 1909. № 21. 8 декабря.

инстанцией должен был стать сельский суд, имеющий мирового судью в качестве председателя и двух заседателей – волостных судей. Поправка, внесенная ярославцем К. К. Черносвитовым, предполагала жалобы на решения волостных судов переносить в мировые съезды. В свою очередь костромской депутат П. В. Герасимов, защищая эту поправку, указал, что предложение Государственного Совета не обеспечивает независимость судей апелляционной инстанции. Против данной поправки выступили депутаты-крестьяне. Они не желали иметь дело с мировым съездом, на который приходится ехать за сорок верст и на котором не дают говорить. Крестьяне были не согласны, чтобы их отстранили от участия в суде второй инстанции. Земледельцев поддержали октябристы, и поправки К. К. Черносвитова, поддержанные Герасимовым, были отклонены подавляющим числом голосов[466].

Не последнее место в деятельности Думы третьего созыва занимали вопросы обороны страны. В Таврическом дворце неоднократно обсуждались законопроекты об ассигновании дополнительных средств на укрепление армии и флота. Данная проблема требовала особого внимания депутатского корпуса в силу ряда причин. Во-первых, в ходе неудачной для России русско-японской войны проявились недостатки военной организации русской армии. Катастрофическое поражение при Цусиме, затраты огромного количества боеприпасов, тяжелые людские и материально-технические потери обошлись стране в 2, 3 млрд. руб. золотом. Только потери военно-морского флота, лишившегося на Дальнем Востоке 67 кораблей, составили 255, 9 млн рублей[467]. Во-вторых, произошла дезорганизация управления в военном и морском ведомствах по итогам войны с Японией. Наконец, широкие круги общественности разочаровались в военном могуществе страны и выражали недовольство положением дел в вооруженных силах. Наконец, сам император призвал компетентные органы власти учесть ошибки и «безотлагательно, с горячим рвением приняться за работу над воссозданием тех

[466] Поволжский вестник. 1912. № 1751. 21 мая.
[467] Поволжский вестник. 1912. № 1751. 21 мая.

морских сил, которые нужны России»[468]. Следовательно, депутатский корпус Думы третьего созыва был призван законодательно обеспечить приведение вооруженных сил России в надлежащее состояние. Исходя из этого в 1908 г. народные представители, руководствуясь предложениями комиссии по государственной обороне, единогласно приняли следующие решения: 1. Признать наличие дееспособного флота необходимым для обороны государства. 2. Признать, что планомерное и целесообразное воссоздание флота возможно лишь после коренной реорганизации морского ведомства и при условии предварительного утверждения в законодательном порядке финансовой и судостроительной программ. 3. Кредиты на сооружение линейных кораблей в 1908 г. отклонить. 4. Кредиты на сооружение уже начатых судов утвердить. 5. Кредиты на сооружение миноносцев, плавучей базы и подводных лодок утвердить. 6. Обратить внимание морского министерства на необходимость окончания строящихся судов в кратчайший срок. 7. Обратить внимание морского министерства на необходимость использования всего навигационного времени для плавания всего активного флота, в т.ч. нахождения Черноморского флота в кампании не менее десяти месяцев в году[469]. В свою очередь фракции трудовиков и социал-демократов, в том числе костромской депутат-большевик П. И. Сурков, выступили против ассигнования средств на нужды флота, мотивируя это активным использованием военной силы в подавлении революционных выступлений. Однако октябристам при участии костромского депутата В. С. Соколова удалось провести законопроект в Думе. В. С. Соколов указал, что «неправильно превращать думскую трибуну в ристалище патриотических чувств»[470]. Он раскритиковал левых депутатов, предлагая не допускать оппозицию на заседания комиссии по обороне.

Отдельную группу вопросов в законодательной работе Думы третьего созыва составляли проблемы системы образования в России. Так, парламентариям

---

[468] Гучков А. И. К вопросу о государственной обороне. Речи в Государственной думе III созыва 1908–1912 гг. Петроград, 1915. С. 3.
[469] Дегтярев, А. П. Военные проблемы в деятельности Государственной думы России. М., 2018. С. 139.
[470] Поволжский вестник.1909. № 833. 25 февраля.

неоднократно принимались законопроекты о выделении средств на постройку по всей стране широкой сети школ. На заседании 8 марта 1910 г. при рассмотрении сметы Министерства народного просвещения депутаты постановили выделить 7 млн рублей на нужды начальных народных училищ. Ярославский депутат-октябрист князь И. А. Куракин высказался за «реорганизацию ремесленного образования путем детальной разработки учебных программ, обеспечивающих обучение высококвалифицированных мастеров и учитывающих потребности отдельных местностей»[471]. Он предложил способствовать самому широкому распространению ремесленных знаний в северных губерниях. Дополнения Куракина были приняты. Во многом благодаря усилиям И. А. Куракина думская комиссия по народному образованию одобрила законопроект об отпуске из казны средств на устройство низшей ремесленной школы в городе Молога Ярославской губернии, а также кредита на содержание литейного отделения в низшей ремесленной школе при Рыбинском механико-техническом училище имени Комарова. Народные представители участвовали в обсуждении проблем университетов. Так, 3 июня 1908 г. на общем заседании Думы костромич В. С. Соколов осудил консервативную правку правительства, вводившую ограничения академической свободы, строгий контроль правительства в отношении учебных программ, организации учебной деятельности, а также руководства и преподавательский состав университетов[472].

Членам Государственной Думы приходилась выражать свое отношение к громким политическим делам, в том числе к делу Е. Ф. Азефа, революционера-провокатора, одного из руководителей партии эсеров и одновременно секретного сотрудника департамента полиции. На заседании 19 февраля 1909 г. костромич В. С. Соколов заявил, что депутаты не удовлетворены заявлениями правительства, не дающими гарантий предотвращения подобного в будущем. Соколов обозначил политическую близорукость властей: «У этих деятелей понимания государственных задач и строительного искусства хватает только на ковку цепей,

[471] Ярославские отголоски. 1910. № 27. 10 марта.
[472] Поволжский вестник. 1908. № 626. 5 июня.

постройку тюрем и виселиц, на которых у нас все держится»[473]. После объяснений председателя Совета министров П. А. Столыпина народные представители, считая провокационную деятельность Азефа установленной, потребовали создания парламентской следственной комиссии и гласного суда над виновными.

В центре внимания депутатов был вопрос дальнейшего распространения деятельности органов земского самоуправления на регионы страны. Заседание 7 мая 1910 г. под председательством князя В. М. Волконского открылось прениями по законопроекту, предусматривающему введение земств в шести западных губерниях: Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской. Комиссией по местному самоуправлению, в которую входили костромской депутат В. С. Соколов и ярославский избранник И. А. Куракин, данный законопроект был отвергнут. В Думе выступал председатель Совета министров П. А. Столыпин, заявивший, что законопроект, ограждающий русские государственные начала, нацелен «не на угнетение прав поляков, а на защиту прав русских уроженцев Западного края»[474]. Депутат В. С. Соколов не соглашался с доводами премьера, говоря о перспективе усиления враждебности со стороны лиц, которых законопроект ущемляет в правах: «Не посылайте в земство поляков, хотя бы семи пядей во лбу, а посылайте русского в губернское земское собрание, который и рта не в состоянии разинуть. Разве это забота о земском деле?»[475].

Деятельность Русской Православной Церкви и других конфессий также находилась в поле деятельности Думы третьего созыва. Среди костромских и ярославских депутатов наиболее последовательным критиком РПЦ выступал рабочий-большевик П. И. Сурков. На очередном заседании Думы 14 апреля 1909 г. высказался Обер-прокурор Синода С. М. Лукьянов, призывая депутатов оберегать права православной церкви. Чиновник указал, что бюджетная комиссия предложила исключить лишь один небольшой кредит, на что он выразил согласие, надеясь в будущем доказать необходимость его восстановления. Перейдя к

---

[473] Поволжский вестник. 1909. № 825. 15 февраля.
[474] Поволжский вестник. 1910. № 1174. 10 мая.
[475] Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1910 г. Часть IV. СПб., 1910. С. 844; Поволжский вестник. 1910. № 1174. 10 мая.

выраженным комиссией пожеланиям, обер-прокурор пояснил, что вероисповедное ведомство с готовностью их выполнит. Перечисляя происходящие в настоящее время в ведомстве работы, обер-прокурор указал, что по школьному вопросу выработано положение о пенсионном обеспечении преподавателей, обращено внимание на урегулирование архиерейского содержания, а также организуется страховой отдел. В ответ на доводы обер-прокурора с призывом одобрить пенсионное обеспечение священников-преподавателей, костромич П. И. Сурков указал, что социал-демократы, исповедуя принцип отделения церкви от государства и школы, находят, что «кредиты ведомству идут на прокормление тунеядцев»[476]. Председатель Думы потребовал от Суркова не выступать с оскорбительными речами. Сурков не внял предостережениям председателя и продолжал, рассуждая о том, что «кроме белого духовенства на шее народа сидят 64 240 монахов – черной саранчи»[477]. По словам Суркова, «социал-демократы призывают к борьбе с черной массой клерикализма»[478]. Речь Суркова, опубликованная в прессе, дошла до писателя Л. Н. Толстого, заметившего: «Сильно!»[479]. Как представитель рабочих, П. И. Сурков был призван защищать их интересы в Думе. Весной 1912 г. он получил письмо от земляков, костромских торгово-промышленных служащих. Костромичи сетовали о негативных последствиях постановления комиссии Государственного совета по вопросу о труде приказчиков. Встревоженные трудящиеся решили организовать публичное собрание с целью обсудить вопрос о нормировании условий и времени труда приказчиков. Общественность встретила инициативу сочувственно, и на многолюдное собрание пришли владельцы торгово-промышленных заведений, их служащие и горожане. Встреча была прекращена появлением полиции, разогнавшей собрание под предлогом того, что председателем было избрано лицо, не являвшееся приказчиком. Недовольные костромичи стали собирать подписи под

[476] Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1909 г. II сессия. Часть III. СПб., 1909. С. 2074; Новое время. 1909. № 1185. 15 апреля.
[477] Новое время. 1909. № 1185. 15 апреля.
[478] Там же.
[479] Маковицкий Д. П. Яснополянские записки. М., 1979. С. 396.

выработанным ими текстом протеста на имя председателя Государственного Совета М. Г. Акимова. Всего набралось 406 подписей. Земляки просили депутата Суркова о помощи: «Препровождая Вам, члену Государственной Думы от Костромской губернии, принадлежащему к фракции, ставящей себе задачей защиту интересов труда, просим вас направить его по назначению, приобщить прилагаемую копию к делам социал-демократической фракции Государственной Думы как материал, могущий пролить свет на вопрос приказчиков в Костроме. Примите уверение в совершенном уважении. Кострома. 15 марта 1912 г.»[480]. П. И. Сурков сделал все необходимое для разрешения проблемы своих избирателей.

На завершающем этапе работы Думы третьего созыва парламентарии разбирали события 4 апреля 1912 г., связанные с конфликтом акционеров, забастовкой и расстрелом трехтысячной толпы бастующих правительственными войсками на Ленских приисках, в результате чего было убито 170 человек и более 200 получили ранения. На заседании 10 апреля 1912 г. Государственная Дума сразу перешла к голосованию по запросам о Ленской катастрофе. Без прений была принята спешность всех трех запросов. Депутаты признали одной из причин трагедии отсутствие законодательства по отношению к рабочим, занятым в горном промысле Сибири, и признали необходимым внести законопроект, устанавливающий правила о найме рабочих на золотые и платиновые прииски, нормирующий рабочее время и жилищные условия на приисках, а также о распространении на приисковые районы Сибири законов о страховании рабочих от несчастных случаев, болезней и инвалидности[481]. Не обошли вниманием трагические события на Лене и провинциальную печать. Кадетская газета «Костромская жизнь» дала подробную информацию о происшествии в Бодайбо, а также изложила требования рабочих, состоящие из 10 пунктов, и запросы думских депутатов от кадетской, социал-демократической и октябристской партий правительству по поводу Ленских событий[482]. В газете была опубликована статья

[480] Костромские новости. 1912. № 4. 25 марта.
[481] Поволжский вестник.1912. № 1722. 13 апреля.
[482] Костромская жизнь. 1912. 10 апреля.

журналиста Ф. Челнова «Некультурный прием управления на Бодайбо», в которой автор последовательно описывал развитие событий на Лене: «Сердца большинства русских граждан содрогнулись от ужаса. Убито 250 и ранено 270 рабочих! Ведь это настоящее сражение! Такие телеграммы обычны для того времени, когда идет война с внешним врагом!»[483]. В свою очередь провинциальные октябристы вину за трагедию возложили на левых и кадетов, которые «за спиною измученных трудом и лишениями рабочих, играя их жизнью и благополучием, задумали осуществить свои фантастические, преступно-революционные планы»[484]. Октябристы выдвигали свой путь разрешения вопросов трудящихся: «Чего проще и плодотворнее было бы для рабочих, покончив с политическим провокаторством в их среде революционеров и прекратив все эти митинги и всякие утопические посулы будущего социального рая, пойти прямым путем к улучшению своего положения. Какое сочувствие и содействие встретили бы они в этом случае от правительства и от общества»[485].

Кризис взаимоотношений власти и Союза 17 октября отразился на законодательной работе фракции октябристов в Думе, в том числе по вопросам обороны страны. К 1912 г. представители данной партии, деятельность которой перестала удовлетворять правительство, стали выступать с резкой критикой власти. В июне 1912 г. на общем заседании парламента рассматривался очередной запрос военного и морского ведомств о выделении 502 млн руб. на обновление флота в течение 1912–1917 гг. Думская бюджетная комиссия с участием костромского представителя октябриста Г. Н. Ботникова, проведя необходимые расчеты, прогнозировала указанные расходы не в 502 млн, а в 1 млрд 285 млн рублей. На общем заседании Думы парламентарии признали финансовую ситуацию в стране благоприятной для дополнительного финансирования флота, но все же сократили на 70 млн запрошенную правительством сумму в 502 млн Думская фракция Партии народной свободы, включавшая депутата от

[483] Там же.
[484] Ярославец. 1912. 15 июля.
[485] Ярославец. 1912. 20 августа.

Костромской губернии П. В. Герасимова и ярославского представителя С. К. Эльтекова, выступила против выделения денег, не соглашаясь доводами морского министра: «В настоящий момент состояние внешней торговли России не таково, чтобы побуждало строить для их защиты большой военный флот. Страхи возможного нашествия немцев на Петербург являются результатом расстроенного воображения»[486]. Законопроект был проведен с учетом постановления бюджетной комиссии о сокращении суммы на 70 млн. Изменение октябристского курса по отношению к правительству проявилось и в вопросе о выделении дополнительных средств на укрепление обороны Кавказского края. Костромской депутат В. С. Соколов указал коллегам на «неправильность ассигнования 1 млн 900 тыс. рублей без конкретных обоснований, опираясь лишь на телеграмму кавказского наместника И.И. Воронцова-Дашкова»[487].

Кроме деятельности в стенах парламента, костромские и ярославские депутаты работали в представляемых ими губерниях, где они бывали наездами. Так, октябрист Г. Н. Ботников 8 апреля 1912 г. прибыл в Кострому, а 10 апреля уже отбыл в Петербург. В то же время им приходилось урегулировать и собственные дела. Так, в Ярославле депутат С. К. Эльтеков просил канцелярию Государственной Думы «сообщить подлежащим уездным воинским начальникам о выборе их в члены Государственной Думы»[488]. Следовательно, освобождение от призыва было важной составляющей правового статуса депутатов Государственной Думы.

В провинции народные избранники участвовали в заседаниях органов городского и земского самоуправления. Октябрист Г. Н. Ботников в родном городе в апреле 1912 г. выступал в городской думе. В центре внимания собравшихся было несколько вопросов. Г. Н. Ботникова спросили о переустройстве «Старого двора» в Костроме. Депутату задали вопрос о том, как продвигается электрификация Костромы. Ответы народного избранника не удовлетворили собравшихся. В зале

---

[486] Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть IV. СПб, 1912. С. 3760; Поволжский вестник. 1912. № 1767. 8 июня.
[487] Поволжский вестник. 1908. № 41. 21 февраля.
[488] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 916. Л. 18.

говорили: «Наш депутат в Государственной Думе безгласен»[489]. Костромичи были возмущены, узнав о том, что Г. Н. Ботников в парламенте не выступает в защиту интересов Костромы по вопросу о благоустройстве города. Так, в начале апреля 1912 г. в Таврическом дворце обсуждался вопрос, затрагивающий интересы Костромы, но Г. Н. Ботников молчал. За него выступали другие депутаты. Однако еще 2 июня 1909 г. с думской трибуны Ботников как представитель Костромской губернии горячо отстаивал идею строительства железнодорожного моста в Костроме, аргументируя это наибольшим сокращением направления из Сибири на Москву. Ему парировал депутат от Ярославской губернии князь И. А. Куракин, доказывая «преимущества географического положения Ярославля и необходимость с государственной точки зрения скорейшей постройки железнодорожного моста именно у Ярославля»[490]. Путем баллотировки было решено строить мост возле Ярославля. На заседаниях костромской городской думы Г. Н. Ботников председательствовал как городской голова. 30 января 1910 г. в думе слушались доклады о строительстве здания гимназии на углу Троицкой и Сергиевской улиц и открытии в Костроме второй правительственной гимназии. Ботников ознакомил собравшихся с положением дел, с предлагаемыми решениями, а также раскритиковал многих гласных за неявку на заседание думы[491].

Одним из наиболее важных вопросов, которым занимались костромские депутаты, была подготовка к празднованию 300-летия династии Романовых. Депутат В. С. Соколов в условиях подготовки юбилея династии на собрании костромских губернских земцев, начиная с 1908 г., неоднократно выступал, ратуя за сооружение в Костроме памятника к 300-летию Дома Романовых. Депутат неоднократно обращался к историческим примерам, говоря о заслугах царствующей династии перед Россией. В то же время в Костроме в 1908 г. чрезвычайное дворянское собрание отказалось переизбрать четырех уездных предводителей дворянства и трех кандидатов, не утвержденных за участие в

[489] Костромские новости.1912. № 17. 22 апреля.
[490] Поволжский вестник. 1909. № 906. 3 июня.
[491] Поволжский вестник.1910. № 1815. 1 февраля.

постановлении депутатского собрания в 1906 г. о приеме в свою среду членов Первой Государственной Думы, подписавших Выборгское воззвание, и постановило дело обжаловать в Сенате[492].

В свою очередь среди депутатов от Ярославской губернии наибольшую активность по работе в органах местного самоуправления проявил октябрист князь И. А. Куракин. Он занимал должность председателя губернского земского собрания. Зачастую ему приходилось на время оставлять свою парламентскую работу, чтобы провести собрание с ярославскими земцами. На заседании 9 декабря 1910 г. в центре внимания был вопрос о помощи возникающим в Ярославской губернии хуторским и отрубным хозяйствам. Председатель Куракин предложил обсуждать все доклады по пунктам, заявив: «Данный вопрос является совершенно новым в области экономической и агрономической деятельности Ярославского губернского земства и по размерам возникшего движения, по сложности его и новизне самого явления требует к себе самого внимательного отношения»[493]. Собрание постановило предоставить агрономическую помощь хуторянам в ведение земства. Для организация этой помощи требовалась правительственная поддержка. Собрание постановило ассигновать 10 тысяч рублей, а также запросить правительственную субсидию в размере 22 590 рублей. В целях выяснения наиболее рациональных хозяйственных форм собрание ассигновало 1040 рублей на устройство одного показательного хозяйства. Общий контроль за агрономической помощью населению было решено предоставить агрономическому совету. Земцы также решили открыть ремесленным артелям краткосрочный кредит на создание оборотного капитала из 8 процентов.

Стремясь к выражению и продвижению своих взглядов в местной печати, депутат И. А. Куракин активно давал интервью корреспондентам ярославских газет. В них он доказывал свое стремление оправдать доверие поддержавших его на выборах избирателей. Депутат подчеркивал необходимость тщательного планирования своей деятельности для успеха парламентской работы. В то же время

---

[492] Ярославские отголоски. 1908. № 57. 11 марта.
[493] Ярославское слово. 1910. № 11. 12 декабря.

постановка текущих дел в парламенте представлялась Куракину слабо организованной: «В Думе есть такие депутаты, которые как приехали в Петербург, так и не показывались в Таврическом дворце. Другие жалуются, что они в семи комиссиях состоят, но ведь их туда силком никто не тянул»[494]. Куракин в отличие от многих своих коллег не критиковал работу прессы, освещающей думскую деятельность: «Некоторые депутаты жалуются на печать, обвиняя ее в нападках на Думу. Я с этим совершенно не согласен. Иногда печать сама заставляет себя бояться и сторониться, и тогда я ее не оправдываю. Но нельзя же пенять на нее, когда правда глаза колет»[495].

Помимо мирной организаторской работы депутатами в провинции проводилась и революционная деятельность. Прежде всего это относится к костромскому избраннику П. И. Суркову. Сразу после своего избрания он собрал митинг недовольных своим положением рабочих в селе Яковлевское Нерехтского уезда. Митинг 28 декабря 1907 г. был разогнан полицией, а губернатор направил по этому поводу специальное донесение министру внутренних дел[496]. Бывая в Костроме наездами, Сурков устаивал нелегальные собрания с трудящимися в чайных, где подробно информировал своих избирателей о работе думских социал-демократов, о забастовках по всей России и призывал рабочих вооруженным путем поддержать требования Думы к правительству. На одном из таких собраний депутат узнал в одном из рабочих агента полиции, сообщив землякам, что по доносам этого человека в тюрьмах сидит не один десяток их соратников. Сурков «смог удержать рабочих от расправы над провокатором и тем самым избавил земляков от опасности уголовного преследования»[497]. П. И. Сурков принял активное участие в нелегальных совещаниях социал-демократических организаций Владимирской, Костромской и Ярославской губерний, которые проходили в селе

[494] Ярославские отголоски. 1910. № 13. 15 января.
[495] Там же.
[496] РГИА. Ф. 1629.Оп. 1. Д. 446. Л. 51.
[497] Ковалев А. Д. Ярославские ткачи. Ярославль, 1977. С. 157.

Богоявленье под Кинешмой в сентябре 1910 г. В ходе полицейской облавы 26 сентября он был арестован вместе с другими участниками собрания[498].

10 июля 1911 г. Сурков участвовал в организации забастовки ткачей в селе Яковлевское. Начальник Костромского губернского жандармского управления Бабушкин доносил в департамент полиции: «Производившиеся за последнее время в пределах губернии обыски и аресты членов социал-демократической партии обращают внимание Суркова, и он немедленно является на места действия, производит свою расценку положения дела и обещает ходатайствовать за привлекаемых к ответственности. Не преминул, конечно, Сурков явиться в село Яковлевское, где в настоящее время происходит забастовка рабочих трех местных фабрик»[499].

Таким образом, депутаты III Государственной Думы в своей деятельности в провинции продолжали работу своих предшественников по основным направлениям: участие в заседаниях органов городского и земского самоуправления, встречи с избирателями, интервью местным корреспондентам и др. В центре внимания народных представителей были вопросы образования и здравоохранения, строительство путей сообщения, совершенствование налоговой системы и т. д.

Государственная Дума третьего созыва отработала весь положенный срок с 1907 по 1912 гг. Последний день ее работы проходил оживленно при высокой явке депутатов. На председательской трибуне президиум был в полном составе. Депутаты начали работу с обсуждения текущих дел. При закрытых дверях было принято решение о дополнительном ассигновании с целью расширения военных полигонов. Думцами была признана необходимость ремонта Таврического дворца. Затем парламентарии перешли к голосованию по законопроекту об ассигновании 600 тысяч рублей на улучшение материального положения духовенства: большинство проголосовало «за». После этого председатель М. В. Родзянко торжественно попросил депутатов стоя выслушать Высочайший указ об окончании

[498] ГАКО. Ф. 133. Оп. 36. Д. 34. Л. 17.
[499] ГАКО. Ф. 133. Оп. 36. Д. 34. Л. 19.

работы III Думы. Депутаты потребовали исполнения государственного гимна и дважды его исполнили, после чего разразились долгими аплодисментами президиуму. На молебне в Екатерининском зале присутствовали и министры, а депутаты кричали «ура», обнимались и прощались. Недавние политические противники обменялись дружескими прощальными приветствиями[500].

Окончание работы Думы третьего созыва в Костромской и Ярославской губерниях было воспринято неоднозначно. В провинции выражалась критика бесполезности и слабой результативности деятельности Думы. Подвести итоги своей думской работы и ответить провокаторам и политическим оппонентам взялись сами народные избранники. Так, Г. Н. Ботников 16 сентября 1912 г. выступил с публичным отчетом в здании городского управления Костромы, говоря: «Городская касса только за один 1912 г. получила облегчение на 33 669 рублей 82 коп. Облегчение это произошло вследствие принятия на средства казны ранее обязательных для города расходов. Такая сумма для Костромы очень значительна, и только в слепом озлоблении этого могут не заметить те, кому выгодно говорить о III Думе одно худое»[501].

Видный общественный деятель, профессор В. И. Герье, представлявший Союз 17 октября, принимал участие в организации выборов в Думы первого, второго и третьего созывов. Сопоставляя итоги работы Дум трех созывов, Герье подчеркивал преемственность, но отмечал меньшую самостоятельность в отношениях с властью депутатов III Думы. Профессор характеризовал методы парламентской борьбы 1907–1912 гг. как более умеренные в сравнении с прежними Думами: «Вместо штурма правительственной цитадели они поставили себе задачей правильную осаду крепости. Правительство отнеслось к Думе с доверием, приглашая к совместной работе»[502].

Таким образом, в Государственной Думе третьего созыва депутаты от Костромской и Ярославской губерний активно участвовали в работе различных

---

[500] Иванченко А. В. Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. Воспоминания современников. Материалы и документы. М., 2008. С. 575.
[501] Поволжский вестник. 1912. № 1855. 30 сентября.
[502] Герье В. И. Значение Третьей Думы в истории России. СПб., 1912. С. 23.

думских комиссий, обсуждении и принятии решений по вопросам широкого спектра: обороны, аграрной политики, рабочего вопроса, народного образования, строительства путей сообщения и др. Представители октябристов пользовались поддержкой царского правительства и губернской администрации, однако зачастую критиковали власть и становились в ряды оппозиции. Союз 17 октября поддержал положения столыпинской аграрной реформы. В целом за время работы III Государственной Думы костромские и ярославские депутаты вместе со своими коллегами со всей России внесли 51 законодательное предположение, рассмотрели с учетом работы различных комиссий 204 законопроекта, одобрили и препроводили в Государственный Совет 241 законопроект, отклонили 7 законопроектов. Всего было рассмотрено 620 законопроектов[503]. Таким образом, работу депутатов представляется возможным оценить как довольно результативную. Избранники активно продвигали в парламенте интересы представляемых ими губерний. Народные избранники немало способствовали развитию медицинского, ветеринарного, аграрного дела в Костромской и Ярославской губерниях. В целом октябристы в III Государственной Думе поддерживали правительственный курс на обновление России.

§ 3.3. Депутаты от Костромской и Ярославской губерний накануне и в годы Первой мировой войны (ноябрь 1912 – февраль 1917 гг.)

С ноября 1912 по февраль 1917 гг. работала Государственная Дума четвертого созыва. Степень активности народных избранников раскрывает их работа в думских комиссиях. Кадет П. В. Герасимов трудился в комиссии по запросам. Член Прогрессивной партии С. Ф. Грибунин работал в комиссии по военным и морским делам, комиссии по местному самоуправлению, в продовольственной и бюджетной комиссиях, а также участвовал в выработке законопроекта о печати. Б. Н. Зузин, представляющий Партию прогрессистов, был

[503] Демин В. А. Государственная Дума России: механизм функционирования. М., 1996. С. 160.

секретарем комиссии по местному самоуправлению, проявил активность в работе комиссий по запросам, по судебным реформам. Кадет А. Н. Мухин внес вклад в работу земельной комиссии, комиссии по охоте и сельскохозяйственной комиссии. Известный предприниматель, миллионер А. И. Коновалов, один из основателей Прогрессивной партии, состоял членом комиссии по финансам, по торговле и промышленности, по рабочему вопросу. Кадет И. В. Шулепников входил в состав комиссий по народному образованию, распорядительной и о 300-летии Дома Романовых. Не отставали от костромичей и ярославские избранники: член Прогрессивной партии Д. Д. Урусов работал в комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов, представитель фракции центра А. Г. Ратьков-Рожнов трудился в бюджетной и финансовой комиссиях, член Партии прогрессистов А. Т. Беляев активно участвовал в земельной, по рабочему вопросу, по борьбе с немецким засильем комиссиях[504].

Преемственность с предшествующей Думой проявилась в законодательной работе по вопросам реформирования судебной системы. Несовершенства существовавшей тогда судебной системы наиболее последовательно раскрывал с думской трибуны ярославский депутат А. М. Черносвитов. Он говорил об отсутствии согласия между Думой и членами правительства «вопреки высказанным Думой пожеланиям для восстановления принципов, обусловливающих нормальное отправление власти и правосудия»[505]. Реализация прав и свобод подданными, по мнению депутата, была тесно связана с подлинной независимостью судей, не связанных с конъюнктурами внутренней политики страны. Черносвитов полагал, что парламентариям необходимо обсудить обновление судебных уставов и устранить в них устаревшие принципы. Однако депутату не удалось на заседании 17 мая 1913 г. провести следующую поправку: «Судьями не могут быть избираемы подвергшиеся судебным приговорам за преступные деяния к лишению или ограничению прав состояния, исключению со

[504] Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. СПб., 1913. С. 31.
[505] Ярославское слово. 1913. № 16. 18 декабря.

службы, равно осужденные за кражи, мошенничество, укрывательство похищенного, хотя бы после состоявшегося осуждения они были освобождены за давностью»[506]. Протест А. М. Черносвитова против назначения коронного председателя в апелляционную инстанцию, которого депутат назвал сыщиком в области местного суда, назначенным министерством юстиции, вызвал одобрение левой части зала заседаний Таврического дворца: «В итоге под руководством опытного юриста-председателя подразумевается только нежелательное руководство заседаниями. Нужна полная коллегиальность второй инстанции»[507]. Год спустя, на заседании 9 июня 1914 г. А. М. Черносвитов продолжал развивать свои идеи по вопросу преобразования местного суда. Депутат открыл прения, возражая против внесенного министерством юстиции законопроекта: «Фактически депутаты могли получить текст законопроекта и ознакомиться с ним только после окончания пасхальных вакаций. Министерство заинтересовано в том, чтобы депутаты не успели ознакомиться с материалами в приложении к законопроекту»[508]. В свою очередь кадет П. В. Герасимов отметил положительную сторону правительственного законопроекта, состоявшую в изъятии функций правосудия из ведения земских начальников: «Пусть настоящий местный суд хромает на обе ноги, путь он недостаточно обеспечен в смысле комплектования своего состава в смысле своей независимости. Все же такой выборный суд бесконечно лучше судебной расправы земских начальников, от которых стонала и продолжает стонать земская Россия»[509]. В качестве недостатков законопроекта Герасимов назвал слабую проработку статистических сведений: «Например, предварительные расходы министерства, количество мировых судей, необходимых для правильного отправления правосудия, или количество дел, падающих на одного судью, представляются ошибочными»[510]. Кроме того, Герасимов

[506] Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1913 г. Сессия первая. Часть II. СПБ., 1913. С. 1491; Поволжский вестник. 1913. № 1750. 17 мая.
[507] Ярославское слово. 1913. № 16. 18 декабря.
[508] Поволжский вестник. 1914. № 2331. 11 июня.
[509] Там же.
[510] Там же.

подчеркнул стремление министерства вводить реформу там, где действует вполне исправно старый мировой суд. Несмотря на предложения и поправки Черносвитова, Герасимова и некоторых других депутатов, законопроект министерства юстиции был принят в трех чтениях без изменений.

Пристальное внимание членов Государственной Думы вызывала работа Сената. Депутаты обсуждали законопроект об изменениях в работе этого органа власти. В феврале 1914 г. на общем заседании Думы высказывался А. М. Черносвитов. Согласно статье 72 рассматриваемого законопроекта, сенатору письменно напоминалось о своих обязанностях в случае, если он в течение года по состоянию здоровья не участвовал в работе Сената и не подавал просьбы об освобождении от службы. Затем, если по истечении года просьба не будет подана, департамент вправе был ходатайствовать перед императором об освобождении сенатора от своих обязанностей. Депутаты приняли указанную статью с поправкой прогрессистов о том, что звание сенатора является пожизненным. В свою очередь А. М. Черносвитов выступил по поводу статьи 73 о дисциплинарном производстве в отношении сенаторов. Депутат полагал, что возможностью увольнения сенаторов за поступки, несовместимые с их званием, будут пользоваться с политическими целями: «Общие собрания сената для ведения дисциплинарных дел более предпочтительны, чем дисциплинарные присутствия, которые легко дадут возможность министру воздействовать на присутствующих»[511].

Финансовые вопросы занимали особое место в работе Государственной Думы. На заседании 5 марта 1914 г. Дума рассматривала смету министерства внутренних дел. По предложению бюджетной комиссии депутаты постановили ограничить запрашиваемый министерством народного просвещения кредит в 145 092 рубля до 119 332 рублей. В свою очередь А. М. Черносвитов поддержал позицию комиссии, отказавшей ассигновать 26 500 рублей на статистические курсы: «Ассигнование нецелесообразно, поскольку программа курсов никому не известна, а в число преподавателей входят проживавший в Москве и

[511] Поволжский вестник. 1914. № 2254. 1 марта.

преподававший в Петербурге нынешний товарищ министра народного просвещения Георгиевский и небезызвестный приват-доцент Никольский»[512]. Позиция А. М. Черносвитова была одобрена депутатами, а министерству было отказано в выделении средств.

В 1914 г. поменялся руководящий состав ряда думских комиссий. Так, председателем рабочей комиссии вместо отказавшегося костромского депутата А. И. Коновалова был избран левый октябрист Н. А. Ростовцев. Ранее, на заседании 20 ноября 1913 г. в Думе избирались товарищи председателя. Из общего числа поданных записок 197 получил ярославский депутат князь Д. Д. Урусов, 173 – князь В. М. Волконский и шесть членов Думы получили по нескольку записок. Кроме того, было подано 165 пустых записок. Баллотировался шарами князь Д. Д. Урусов, получивший 217 избирательных и 178 неизбирательных шаров. Костромской депутат кадет П. В. Герасимов стал старшим товарищем секретаря Думы. Умеренные и левые депутаты с удовлетворением встретили указанные перемены.

Избранный от Костромской губернии видный представитель предпринимателей А. И. Коновалов в Таврическом дворце обладал репутацией знатока экономической сферы в целом и рабочего вопроса в частности, поскольку имел немалый опыт руководства фабрично-заводским производством. За 1913–1914 гг. А. И. Коновалов неоднократно делал заявления с думской трибуны с либеральными законопроектами по рабочему вопросу. Депутат предлагал законодательно обеспечить охрану труда женщин и малолетних, строительство жилищ для рабочих, страхование по инвалидности и старости и т. д. В ноябре 1912 г. он изложил свои взгляды в беседе с костромским корреспондентом газеты «Поволжский вестник». Коновалов осознавал тесную взаимосвязь между политической ситуацией в стране и ее экономическим развитием. Для экономического подъема России, по мнению Коновалова, необходимо подлинное обеспечение прав и свобод подданных, строительство государственности на конституционных началах и осуществление политической власти на основе

[512] Голос. 1914. № 100. 7 мая.

законности. В этом взгляды Коновалова были близки взглядам ярославского депутата А. М. Черносвитова. Депутат объяснял причины экономических проблем России следующим образом: «Произвол административной власти, управление страной на основании всякого рода исключительных положений, отсутствие правовых норм у населения, устарелость законодательства, регулирующего торгово-промышленную деятельность, невероятная волокита в промышленных инстанциях, в канцеляриях – все эти отрицательные стороны русской действительности тормозят развитие производительных сил страны»[513]. В то же время он осознавал противоречие интересов развития промышленности и сельского хозяйства, считая недопустимым развивать одну сферу в ущерб другой. В политической сфере Коновалов предлагал создать крупную либеральную внеклассовую партию с участием фабрикантов, земцев и землевладельцев. Сложность образования новой партии он видел в противоречии интересов земледельцев и промышленников.

Полгода спустя, в июне 1913 г. с парламентской трибуны А. И. Коновалов развивал свои взгляды на развитие промышленности, торговли и сельского хозяйства. Эффективность деятельности министерства торговли и промышленности депутат видел в развитии в России различных торгово-промышленных организаций, а также в расширении деятельности профессиональных союзов рабочих, чему препятствовал уклад всего государственного строя и политической жизни страны. Александр Иванович высказывался за продолжение столыпинских реформ, именуя общинные формы землевладения первобытным состоянием. Прежде всего депутат настаивал на реформировании законодательства: «Наше крайне устаревшее акционерное законодательство до сих пор покоится на принципе концессионного порядка, а не на явочном принципе, как в гражданских обществах всех западноевропейских стран. Правительство давно признало неизбежность реформы акционерного дела»[514]. Коновалов полагал, что необходимо систематизировать торговое право в

[513] Поволжский вестник. 1912. № 1897. 20 ноября.
[514] Поволжский вестник. 1913. № 2046. 10 июня.

стране, прежде всего пересмотреть устав о несостоятельности, разработать законопроект о торговой регистрации, выработать новый устав о промышленности. В области рабочего законодательства требовалось во главу угла поставить законопроект об охране труда женщин, подростков и малолетних: «Необходимо выработать законопроект о мерах поощрения со стороны государства к облегчению строительства дешевых квартир и жилищ для рабочих в целях ослабления жилищной нужды в крупных центрах. Нужно провести в жизнь закон об обеспечении рабочих от инвалидности и старости»[515]. Кроме того, А. И. Коновалов развивал мысль о совершенствовании системы коммерческого профессионального образования, и с этой целью предлагал создать специальный съезд. В заключении он резюмировал вышесказанное, озвучив предлагаемые Партией прогрессистов меры: 1. Ускорить подготовительные работы к предстоящему пересмотру наших договоров с иностранными государствами. 2. Изучение причин увеличения ввоза в Россию продуктов иностранного производства и осуществление необходимых мероприятий, способствующих насаждению и развитию в стране соответствующих отраслей народного труда. 3. Систематический и планомерный пересмотр уставов торгового, промышленного и ремесленного. 4. Значительное расширение страхового законодательства путем проведения в жизнь закона об обеспечении рабочих в старости. 5. Реорганизация акционерного законодательства[516]. Следовательно, от лица Партии прогрессистов А. И. Коновалов выступал с либеральными законопроектами реформирования российской экономики.

Серьезную обеспокоенность депутатского корпуса вызывала потенциальная возможность существования синдиката в нефтепромышленной отрасли и связанные с этим трудности в урегулировании цен на нефтяное топливо. Депутаты обратились с соответствующим запросом к министру торговли и промышленности, требуя от него разъяснений. В свою очередь А. И. Коновалов призывал коллег более широко рассматривать ситуацию в нефтепромышленной отрасли. Так, 29 марта 1913 г. он заявил с трибуны Таврического дворца: «В стране нефтяной голод,

[515] Там же.
[516] Поволжский вестник. 1913. № 2046. 10 июня.

и это лишь один из симптомов общего кризиса – кризиса топлива, могущем чрезвычайно тяжело отразиться на хозяйственном организме страны»[517]. В качестве причины он называл неготовность к экономическому подъему, проявляющемуся во всех отраслях промышленности. Увеличение цен на топливо депутат объяснял отставанием предложения от спроса. В то же время Коновалов отмечал подорожание всех видов топлива: «Нефть составляет всего 6,5 % всего потребления топлива, а между тем в данный момент ощущается недостаток всех видов топлива. Прежде всего подорожали на 60-70 % дрова, а дровяное топливо составляет более половины всего потребляемого в России топлива. Поднялась цена и на торф. Следовательно, кризис топлива явление общее, которое требует и общего лечения»[518]. Проблемой было потребление всей страной угля прежде всего из двух районов – Донецкого и Домбровского. Коновалов высказывался за создание новых центров добычи угля и за ускорение с этой целью строительства железных дорог, а также улучшение водных путей. Костромской представитель отрицал существование соглашения или синдиката, а кризис нефтяной промышленности объяснял истощением Бакинского нефтяного района. Еще одной проблемой он называл гипертрофию экономических функций государства и неэффективное бюрократическое правление промышленностью. Для разрешения указанных проблем Александр Иванович высказался за образование особого комитета «из представителей правительства, земских и городских самоуправлений, научных обществ, производителей и потребителей для выработки мер по обеспечению страны топливом»[519].

Что касается депутатской солидарности и взаимной поддержки избранников-земляков, то здесь ситуация выглядела неоднозначно. Так, 22 апреля 1914 г. костромские депутаты на заседании Государственной Думы 22 апреля 1914 г. участвовали в голосовании об исключении на 15 заседаний 21 депутата, среди которых был большевик Н. Р. Шагов. По словам собственного корреспондента

[517] Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1913 г. Сессия первая. Часть II. СПБ., 1913. С. 209; Поволжский вестник. 1913. № 1997. 30 марта.
[518] Поволжский вестник. 1913. № 1997. 30 марта.
[519] Поволжский вестник. 1913. № 1997. 30 марта.

газеты «Поволжский вестник», костромич Б. Н. Зузин голосовал вместе с правыми и октябристами за исключение депутатов. Н. Р. Шагов разделил участь своих товарищей по фракции, и предложение о его исключении было принято. В свою очередь А. И. Коновалов не поддержал данное решение: «Приходится отметить даже молчаливый протест единственного из членов президиума, товарища председателя Думы А. И. Коновалова, покинувшего свое кресло в момент исключения депутатов, который посчитал правильным отказаться от звания товарища председателя Думы»[520]. После отказа Коновалова от занимаемой должности 20 мая 1914 г. думцы выбирали нового товарища председателя. Октябристы при голосовании подали свои записки за Коновалова, а правые и оппозиция подали пустые записки, однако А. И. Коновалов отказался баллотироваться. Тогда Союз 17 октября выставил кандидатуру А. Д. Протопопова, который и был избран.

Исключение левых депутатов на несколько заседаний было не единственным способом воздействия на фракцию социал-демократов. Годом ранее столичная полиция, нарушая депутатскую неприкосновенность, провела обыск в квартире депутата-большевика Г. И. Петровского и квартировавшего у него большевика Н. Р. Шагова. 15 февраля 1913 г. парламентарии обсуждали запрос социал-демократов по этому делу. Костромич кадет П. В. Герасимов встал на защиту земляка: «Депутат был арестован на своей квартире, и этого вполне достаточно для принятия запроса в формальном и бесспорном порядке. Не следует забывать и того, что произошло потом. Наложением штрафов на членов Думы Петровского и Шагова градоначальник как бы подчеркнул демонстративность своих действий, что он посягнул на депутатскую неприкосновенность и нанес оскорбление достоинству звания члена Думы»[521]. П. В. Герасимова на трибуне сменил сам Н. Р. Шагов: «Я должен подтвердить слова депутата Герасимова, что не только был арестован депутат Петровский, но и был оштрафован его квартирант Шагов. Я

[520] Поволжский вестник. 1914. № 2295. 24 апреля.
[521] Поволжский вестник. 1913. № 1968. 21 февраля.

квартирую у товарища Петровского»[522]. Правый депутат В. М. Пуришкевич выкрикивал оскорбления в адрес Шагова и Герасимова. В итоге запрос об обыске квартиры Петровского и Шагова был принят 202 голосами против 89.

Особое место в законодательной работе депутатского корпуса занимали проблемы образования и издательской деятельности. Когда комиссия о печати приступила к рассмотрению правительственного законопроекта, кадет П. В. Герасимов считал необходимым внести ряд либеральных поправок о свободе слова в развитие положений манифеста 17 октября. На заседании 16 апреля 1913 г. Дума приступила к обсуждению запроса по поводу издания министром народного просвещения правил 9 июля 1912 г. о порядке приобретения книг в народные библиотеки. По мнению парламентариев, данные правила противоречили действующим Высочайшим указам и интересам земств. Служивший в Костромском земстве член Прогрессивной партии Б. Н. Зузин доказывал, что министр народного просвещения постоянно и систематически стремится нарушить права земств. Зузин указывал на длительный характер давления власти на земства, выражавшийся в нежелании правительства реформировать земское положение, отказе распространять земства на новые местности, а также нежелании властей содействовать созыву земского съезда по актуальному вопросу улучшения земских финансов. По словам дворянина Б. Н. Зузина, «министр народного просвещения побил все рекорды недоверия и возбудил не только недоверие к земству, но и вопрос о недоверии к первенствующему сословию – дворянству»[523].

В осуществлении депутатских полномочий в провинции народные избранники проявляли преемственность со своими предшественниками. Кадет К. К. Черносвитов 14 декабря 1913 г. на заседании губернского земского собрания участвовал в обсуждении докладов по народному образованию, по санитарному, пенсионному, дорожному делу и по вопросам экономики. По народному образованию избранник ратовал за утверждение следующих мер: 1. Увеличить

[522] Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия первая. Часть I. СПб., 1913. С. 1701.
[523] Поволжский вестник. 1913. № 2289. 18 апреля.

жалования педагогам начальных школ до 720 рублей в год. 2. Запросить у правительства увеличения пособий земствам из казны. 3. Способствовать более широкому и планомерному участию Ярославского земства в области школьного образования. 4. Выделить Ярославскому учительскому обществу взаимной помощи 1000 рублей на устройство практических занятий. По врачебно-санитарному делу Черносвитов ставил постановку медицинского дела в стране во взаимосвязь с местным земским делом: «Всей земской медицине угрожает разруха, раз она будет поставлена под управление господина Рейна, который обещает за 500 млн оздоровить Россию. 500 млн за оздоровление России – это дешево, но не поведет ли это к тому, что большое для всей России, в том числе и для населения Ярославской губернии, дело земской медицины, созданное полувековой работой, будет разрушено»[524]. Без прений были приняты доклады о мерах пресечения болезней животных и о ежегодных командировках трех ветеринарных врачей для изучения бактериологии.

В Костромском губернском земстве поднимались вопросы расширения сети почтовых учреждений по всей губернии, которые предлагалось открыть в крупных торговых пунктах. Эту идею развивал депутат Б. Н. Зузин, указавший на несвоевременное получение уездными учителями газет и журналов через волостные правления. Гласные губернских земских собраний выезжали на места с целью более детального ознакомления с постановкой дела в уездах. Так, 17 января 1914 г. костромские земцы, среди них Б. Н. Зузин, посетили психиатрическую больницу в Никольском. Визит произвел на посетителей благоприятное впечатление. Визит в больницу был учтен при обсуждении докладов по развитию врачебного дела. Разногласия выявились при чтении доклада управы об урегулировании жалованья служащим губернского земства. Предыдущее собрание постановило отменить традиционные наградные, выдаваемые земским служащим не только к праздникам Пасхи и Рождества, но и за активность во время земских собраний. Наградные выдавались на протяжении многих лет, и служащие считали

[524] Голос. 1913. 16 декабря.

их обязательным дополнительным жалованьем. Их отмена вызвала бы у них понятное недовольство. Управа пришла к заключению, что наилучшим выходом будет определение всем служащим основного жалованья, соответствующего их труду, и добавочного – за выслугу лет. По этому вопросу высказался Б. Н. Зузин: «Неодинаковые оклады на одинаковых должностях вызваны тем, что объем труда этих служащих неодинаков, что управа обязана была учесть»[525]. Депутат предлагал коллегам выработать основания для выдачи бывшим служащим в губернском земстве пенсий и пособий из сумм губернского земского сбора.

Вопросы образования в провинции решались также при участии членов Государственной Думы. Деятели Костромского губернского земства рассматривали доклад с проектом о преобразовании Чухломского сельскохозяйственного училища имени Ф. В. Чижова в учительскую семинарию с сельскохозяйственным курсом. Прогрессист Б. Н. Зузин заметил, что изменение не будет нарушением воли завещателя. В свою очередь кадет П. В. Герасимов возражал против проекта, аргументируя это выпуском из будущей семинарии некомпетентных специалистов. Вместо полной программы обучения речь шла о введении 6-недельных курсов. Тем не менее открытой баллотировкой решение о преобразовании училища было принято 27 голосами против 12[526]. 14 февраля 1913 г. Костромская городская дума без прений приняла доклад комиссии по благоустройству об открытии в Костроме педагогического института. В этом докладе комиссия предложила послать телеграммы Председателю Государственной Думы и депутатам от Костромской губернии с просьбой поддержать вопрос об открытии в Костроме педагогического института. В свою очередь депутат от Ярославской губернии К. К. Черносвитов немало сделал для организации в Ярославле общественной библиотеки-читальни и общества взаимопомощи учителей.

Деятельность народных избранников широко освещалась на страницах провинциальных газет. Так, прибывший в Кострому в марте 1914 г. депутат Б. Н.

[525] Поволжский вестник. 1914. № 805. 19 января.
[526] Поволжский вестник. 1914. № 805. 19 января.

Зузин дал пространное интервью местным журналистам. В нем он прокомментировал ряд проблем, волновавших костромичей. Прежде всего это был вопрос о том, как Зузин продвигает в Петербурге проект строительства железной дороги Кострома–Филино. Депутат дал подробные сведения, опровергнув ходившие среди обывателей слухи: «Вопрос внесен в Государственную Думу. 22 марта он рассматривался в комиссии о новых железных дорогах при железнодорожном департаменте министерства финансов»[527]. Б. Н. Зузин в столице аргументировал защиту проекта тем, что Кострома весной и осенью бывает отрезана от железной дороги, что негативно отражается на ее торговле. А с проведением линии Кострома–Филино положение должно измениться. Наибольшее значение дорога должна была представлять для местных фабрикантов, так как вокзал предполагалось построить вблизи фабрик, а не на противоположном берегу Волги. В этом же интервью народный представитель рассуждал о противостоянии парламента и правительства: «В настоящее время депутаты могут быть только в виде сторожевых собак – сторожить Думу от стремления правительства свести на нет ее права, так как теперь вся законодательная деятельность Думы проходит в рассмотрении вермишельных законопроектов, о проведении в жизнь какого-либо крупного закона нечего и думать»[528].

Деятельность депутатского корпуса Государственной Думы четвертого созыва была сопряжена с суровыми испытаниями, связанными с участием Российской империи в Первой мировой войне. Чрезвычайная обстановка военного времени предъявляла особые требования к народным избранникам, от которых прежде всего требовались огромная работоспособность, ответственность и чувство долга перед страной, энергия и каждодневный напряженный труд. В новых условиях были отчетливо видны личные и деловые качества членов Государственной Думы, их позиция по различным проблемам военного времени, отношение к политике правительства, а также собственное видение факторов, приближающих победу России.

[527] Поволжский вестник. 1913. № 2280. 1 апреля.
[528] Поволжский вестник. 1913. № 2280. 1 апреля.

На волне патриотического подъема в начале войны, всплеска верноподданнических чувств и энтузиазма в российском обществе не стали исключением и депутаты Государственной Думы. Это выражалось в поддержке курса императорской власти, готовности депутатского корпуса законодательно поддержать ведение военных действий. Иностранные дипломаты, в частности, посол Франции в России М. Палеолог, отмечали поддержку власти и действующей армии в российском обществе: «Русский народ не испытывал подобного патриотического подъема с 1812 года»[529]. В своем стремлении выразить одобрение и поддержку правительству члены Государственной Думы добились аудиенции у императора. На высочайшем приеме присутствовали представлявшие Костромскую губернию депутаты И. В. Шулепников, П. В. Герасимов и А. Н. Мухин. Государь милостиво принял народных представителей и с удовлетворением выслушал выражение верноподданнических чувств.

Интересно восприятие начала войны в 1914 г. населением провинции. В костромской прессе констатировалось: «Россия переживает важное историческое время, и трудно предположить, какое влияние оно окажет на дальнейшую нашу судьбу. Мы отошли от чего-то старого тяжелого ненужного, завершили Петербургский период русской жизни и вступили в новый, Петроградский период»[530]. Мотивами вступления России в войну местные газеты называли стремление освободиться от немецкого засилья. Отмечались подъем национального народного самосознания и способность широких масс развиваться без чуждого иностранного влияния. С опорой на исторический опыт корреспонденты рассуждали о том, что «при крепостном праве немцы играли далеко не последнюю роль в качестве управляющих вотчинами русских дворян»[531]. В качестве конечных целей борьбы в этой войне ставились распространение всеобщего доступного просвещения, развитие чувства гражданственности на почве национального самосознания, развитие всех отраслей торговли и

[529] Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 58.
[530] Курьер. 1914. № 1. 10 декабря.
[531] Там же.

промышленности, разработка своих неисчерпаемых богатств, освобождение от тевтонского и любого иностранного засилья.

В 1914 г. члены Государственной Думы стремились действовать в согласии с правительством, выражая ему поддержку. За год до начала войны, на общем заседании Думы 23 мая 1913 г., ярославский депутат князь Д. Д. Урусов настаивал на необходимости усиления российских армии и флота в условиях потенциальной войны с Германией, а свою позицию обосновывал историческими примерами[532]. Начало боевых действий потребовало от депутатского корпуса непосредственного участия в организации и снабжении армии, решении неотложных дел в тылу. Так, депутат от Ярославской губернии А. М. Черносвитов в качестве предводителя дворянства Пошехонского уезда взял на себя руководство всеобщей мобилизацией в своем уезде. Впоследствии Черносвитов стал главой Пошехонского комитета Красного креста. Указанная деятельность занимала значительное время и вела к многократному пропуску Черносвитовым парламентских заседаний. Сознавая свою большую занятость по организации помощи фронту, депутат был вынужден в ноябре 1916 г. сложить с себя депутатские полномочия[533].

Членами Государственной Думы поднимался вопрос об оказании в провинции помощи раненым. Так, костромской депутат Б. Н. Зузин в Костроме в здании губернской управы выступал в августе 1914 г. с конкретными предложениями об оказании помощи больным и раненым воинам. Он отмечал, что 80 процентов раненых, направляемых в центральные губернии России, составляют легкораненые, нуждающиеся в домашнем лечении. Для них, по предложению Зузина, нужно было «учредить особые пункты общежития под наблюдением врача поблизости от городов, что разгрузило бы госпиталя»[534]. Депутат предлагал издать воззвание к обывателям, убеждая их содействовать размещению легкораненых в частных домах.

---

[532] Северный вестник. 1913. № 113. 24 мая.
[533] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1294. Л. 14.
[534] Поволжский вестник. 1914. № 289. 26 августа.

Депутаты осуществляли свою работу в провинции в тесном контакте с местными представителями власти. Участвовавший в сборе пожертвований для действующей армии кадет П. В. Герасимов согласовывал действия с костромским городским головой В. А. Шевалдышевым. 21 октября 1914 г. Шевалдышев обратился к землякам с открытым письмом следующего содержания: «Приблизительно через две недели в район военных действий в качестве уполномоченного общеземской организации уезжает член Государственной Думы Петр Васильевич Герасимов. Как представитель города Костромы Петр Васильевич выразил полную готовность передать полкам, ушедшим из Костромы, подарки от граждан города. Я как Костромской городской голова приглашаю направлять пожертвования в Городскую управу, которые и будут переданы Петру Васильевичу. Главная нужда у солдат ощущается в табаке, мыле, спичках и сахаре. Все эти подарки будут распределены в отдельные кисеты»[535]. Таким образом, в провинции проявлялось желание власти и общества принять деятельное участие в снабжении воюющей армии. Костромской депутат А. И. Коновалов также обратился с объявлением о сборе пожертвований. Желающие могли принести пожертвования в Московское отделение Комитета членов Государственной Думы для оказания помощи раненым и пострадавшим во время войны по адресу: Москва, Большая Никитская, 52. Собранные средства предназначались для обустройства этапных и подвижных лазаретов, а также питательных пунктов вблизи передовых позиций действующей армии[536].

В то же время в депутатском корпусе в начале войны не все разделяли мнение большинства. В этом отношении показательной является позиция большевика Н. Р. Шагова. С 1905 г. рабочий-ткач Шагов был членом РСДРП, а в октябре 1912 г. поддержанный 90 тысячами костромских рабочих он был избран депутатом IV Государственной Думы[537]. Власти в Костроме знали о его политической неблагонадежности, поэтому губернатор П. П. Шиловский всячески

[535] Поволжский вестник. 1914. № 2437. 21 октября.
[536] Поволжский вестник. 1914. № 2449. 2 ноября.
[537] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 878. Л. 2.

противодействовал избранию Шагова в депутаты. В то же время губернатор невысоко отзывался о способностях Шагова, уверял министра внутренних дел, что Шагов не опасен для власти, «для новой деятельности не подготовлен и интеллигентных слов произносить правильно не умеет»[538]. Став членом Государственной Думы, Н. Р. Шагов выражал свои взгляды в ходе поездок по фабричным районам Костромской губернии. На встречах с трудящимися и местными большевиками, а также с трибуны Таврического дворца он смело разоблачал произвол властей, выступал с революционными идеями, а также стремился согласовывать свои выступления с коллегами-большевиками в Думе. Когда в мае–июне 1914 г. предприятия в Костроме, Нерехте, Вичуге были охвачены забастовками, депутат срочно прибыл в губернию для личного участия и координации рабочих выступлений. Призывая рабочих к активным действиям, Шагов объехал все районы забастовок, а в телефонных разговорах с губернатором резко высказывал требования трудящихся и сумел добиться ряда уступок. Решительность Шагова способствовала возрастанию его авторитета в рабочей среде. Когда началась война, Н. Р. Шагов выступал с разоблачением целей участия в ней России, а также вместе с другими депутатами-большевиками не поддержал предоставление военных кредитов правительству. В отношении к действиям большевиков позиция представлявших Костромскую губернию депутатов не была однозначной. Так, Б. Н. Зузин вместе с правыми и октябристами проголосовал за лишение депутатских полномочий Шагова. В то же время депутат А. И. Коновалов в знак протеста против такого решения покинул зал заседаний Думы: он выступал против исключения социал-демократов и заявлял о готовности отказаться от звания заместителя председателя Государственной Думы. В итоге правительство, воспользовавшись действиями Шагова и других большевиков, в ноябре 1914 г. постановило арестовать всю группу думских депутатов-большевиков. 7 ноября министр юстиции И. Г. Щегловитов сообщал в Третье уголовное отделение Петрограда: «Постановлением судебного следователя Петроградского окружного

[538] Миловидов В. Л. В памяти народа: Очерки о революционерах. Ярославль, 1988. С. 217.

суда по особо важным делам Машкевича от 6 ноября члены Государственной Думы Алексей Бадаев, Григорий Петровский, Федор Самойлов, Матвей Муранов и Николай Шагов привлечены в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотренном ст. 102. ч. 1. Уголовного Уложения, того же числа допрошены и заключены под стражу по постановлению названного судебного следователя от того же 6 ноября, причем им разъяснен порядок обжалования следственных действий»[539]. В феврале 1915 г. по приговору суда Н. Р. Шагов в числе других осужденных депутатов был отправлен в ссылку в Сибирь[540].

Неудачное ведение военных действий, тяжелая ситуация для России на фронтах в 1915 г., а также обострение экономических трудностей привели к изменению настроений в среде депутатского корпуса и в обществе в целом. Возникла необходимость поиска причин недостаточной подготовленности России к войне. Такой анализ был сделан депутатами в июле–августе 1915 г. Звучали обвинительные речи против военного и политического руководства страны. Депутаты отмечали недостатки военной организации; слабое командование, келейно назначаемое; игнорирование правительством предвоенных думских оценок состояния армии и особенно артиллерии; дефекты в организации тыла[541]. Главная же причина военных неудач лежала, по общему мнению думцев, в бездействии и непрофессионализме правительственных кругов. Дума требовала по закону привлечь к ответственности виновных, независимо от их служебного положения. Депутаты отчетливо понимали, что положение на фронте и политика правительства напрямую сказываются на общественном настроении, готовности общества к продолжению войны и отношении народа к власти. С трибуны Таврического дворца многие думцы, в их числе член Прогрессивной партии А. И. Коновалов, выступали с требованием отставки правительства и образования ответственного перед Думой министерства. А. И. Коновалов в 1915 г. занял должность товарища председателя Центрального Военно-промышленного

[539] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 28. Л. 8.
[540] Миловидов В. Л. В памяти народа: Очерки о революционерах. Ярославль, 1988. С. 218.
[541] Дегтярев А. П. Военные проблемы в деятельности Государственной думы России. М., 2018. С. 193.

комитета и Московского Военно-промышленного комитета. В это же время, в июле–августе 1915 г., он принял деятельное участие в создании думского «Прогрессивного блока» под лозунгом создания «кабинета национальной обороны». В сентябре 1915 г. А. И. Коновалов выступил за создание при Военно-промышленных комитетах рабочих групп и созыв Всероссийского рабочего съезда с целью образования массовой легальной организации рабочих, которая создала бы широкую социальную базу оппозиционной деятельности легальных партий. В сентябре 1916 г. на совещании московских промышленников заявил: «На другой день после мира у нас начнется кровопролитная внутренняя война. Это будет анархия, бунт, страшный взрыв исстрадавшихся масс. Спасение в одном – в организации себя и организации рабочих»[542].

Текущие вопросы в провинции решались народными избранниками на заседаниях городской думы и губернских земских собраниях. Депутаты бывали в представляемых губерниях наездами и отчитывались перед избирателями. Так, 7 мая 1915 г. в Костроме был поднят вопрос о возросших расходах, в том числе на меры по борьбе с эпидемиями. Выступал бывший депутат Г. Н. Ботников, говоря о необходимости выделения очередного взноса на нужды всероссийского союза городов для помощи больным и раненым. Ботников, признавая трудности экономического положения губернии, предлагал все же ускорить сбор средств и ассигновать пять тысяч рублей, внести эти расходы в смету на 1915 г., что и было утверждено костромской городской думой. Определенную тревогу вызывали конфликты пленных немцев, проживающих в Спасо-Никольской слободе за Волгой, с местным населением. В санитарных целях в Костроме были устроены баня и прачечная для эвакуированных и раненых.

В Ярославском губернском земстве долгие прения вызвало обсуждение постановки продовольственного дела в регионе[543]. Гласные С. М. Леонтьев, А. А.

---

[542] Старцев В. И. Взгляды А. И. Коновалова по рабочему вопросу. Пролетариат России и его положение в эпоху капитализма. Львов, 1972. С. 41.

[543] Колесников В. А. Продовольственный вопрос в годы Первой мировой войны (август 1914 – март 1918) по материалам Костромской и Ярославской губерний: автореф. дис. … канд. ист. наук. Кострома, 2022. С. 15.

Титов и депутат А. М. Черносвитов высказывались о причинах продовольственных проблем и о виновных в этом. 12 декабря 1915 г. собрание приняло следующую резолюцию: «Отечество в опасности. От законодательных палат до последней избы все сознают это одинаково и ищут путь к спасению. С небывалым единодушием Государственная Дума, Государственный Совет, Всероссийский Земский и Городской Союзы, сословия сказали одно и то же слово осуждения правительства, ставшего орудием темных сил, поставивших родину на край гибели и неспособного вести ее по пути победы и славы»[544]. В резолюции перед Ярославским губернским земством ставилась задача убеждения Государственной Думы, что ее инициатива создания сильного и ответственного правительства, обладающего народным доверием, должно быть доведено до конца. Деятели Ярославского губернского земства, надеясь на обеспечение депутатами интересов народа и государства, обещали содействовать всем парламентским инициативам на местах.

В военное время членам Государственной Думы приходилось выезжать на фронт. Так, ярославца Черносвитова в январе 1915 г. Дума направила в действующую армию для поиска тела погибшего в бою депутата III Думы А. М. Колюбакина. В должности уполномоченного при санитарном отряде на фронт отправился костромской депутат Б. Н. Зузин. В 1915 г. голосованием в совещание по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных предприятий, работающих для целей государственной обороны, были избраны ярославские депутаты Д. И. Шаховской и А. Г. Ратьков-Рожнов, а в состав комиссии по продовольственному делу вошел ярославский депутат А. Т. Беляев. Критикуя правительство и командование армией, Дума в то же время выделила средства на усовершенствование обороны, на постройку нового порохового завода, на оборудование телефонной связью армейских частей, на постройку стратегического шоссе в западном направлении, на усиление черноморского флота, на рост ежегодного производства боевых припасов.

[544] Голос. 1915. 16 декабря.

Трагические события в Костроме 5 июня 1915 г., связанные с разгоном и расстрелом полицией демонстрации рабочих, не прошли незамеченными членами Государственной Думы. Депутаты по предложению социал-демократов подали запрос о произошедших в Костроме событиях. В Думе стало известно, что трудящиеся в Костроме требовали выдачи квартирных денег сверх заработной платы, об избиении полицией демонстрантов, убитых и раненых, отказе полиции выдать тела убитых родственникам и о массовых арестах. В связи с трагедией депутаты постановили обратиться к министру внутренних дел с запросом: «Известно ли министру о незаконных действиях подведомственных ему чинов? Что намерен делать министр для наказания виновных и для предупреждения в будущем подобных событий?»[545].

В то же время имели место случаи скандального поведения депутатов. Так, 10 декабря 1915 г. на представлении в театре Шеффера в городе Николаеве присутствовал костромской депутат П. В. Герасимов в сопровождении своих знакомых, Анастасии Козенко и Елизаветы Алексеевой. Все трое, по данным местной полиции, находились в нетрезвом состоянии и во время спектакля стали делать непристойные замечания соседям по ложе, громко смеяться и вести себя вызывающе. Присутствующие заявили об этом администрации театра и дежурному по театру приставу, который попросил депутата выйти в коридор для объяснений. В свою очередь депутат не только отказался, но и выгнал полицейского из ложи, сказав: «Убирайся к черту, мерзавец»[546]. Продолжая оскорблять присутствующих, Герасимов и его спутницы решили предложить приставу взятку. Пристав Корецкий составил протокол о случившемся. Согласно постановлению от 5 марта 1916 г.: «Судебный следователь 9 участка Петрограда, допросив члена Государственной Думы П. В. Герасимова, обвиняемого в оскорблении, постановил: для пресечения обвиняемому уклоняться от суда и следствия отобрать у него подписку о неотлучке»[547].

---

[545] Поволжский вестник. 1915. № 2149. 10 июля.
[546] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 179. Л. 37.
[547] Там же.

Вместе с тем народные избранники с оптимизмом смотрели на исход войны и будущее России. На съезде уполномоченных губернских земств 7–9 сентября 1916 г. в Москве прогрессист Б. Н. Зузин представлял Костромское губернское земство. В своем докладе он познакомил собравшихся с тезисами костромских земцев: 1. Вера в конечную победу над врагом. 2. Обновление власти, сильной доверием страны и единением с народным представительством. 3. Скорейшее возобновление занятий Государственной Думы. 4. Сохранение внутреннего порядка. Борис Николаевич говорил: «У немца мы видим высокую технику, высокое просвещение, выдающуюся организацию, но у нас есть лишь молчаливая покорность пахаря, которому суждено, быть может, победить немецкого школьного учителя. Мысль об ответственности министерств преследует не одни общественные группы, но и некоторых представителей военного сословия, совершенно чуждого всякой политике. Скорейший созыв Государственной Думы будет лучшим доказательством стремления правительства работать вместе с народом»[548]. От лица костромских земцев Б. Н. Зузин призывал собравшихся не оставаться в стороне, а сплотиться для достижения окончательной победы над сильным и опасным врагом. С горечью говорил Борис Николаевич об огромных материальных потерях, нанесенных противником, а также «усилении стана вражеского преступным присоединением к нему доселе братского нам Болгарского царства, заплатившего ныне за свое освобождение и принесенную нами жертву черной изменой»[549]. Зузин констатировал, что далекое от жизненных реалий правительство продолжает оставаться недоступным для действительного взаимодействия с широкими общественными слоями для достижения победы.

Таким образом, значительная часть работы IV Государственной Думы была связана с деятельностью парламентариев в условиях Первой мировой войны, решением проблем военного времени. В целом в начальный период войны прослеживался патриотический подъем населения Костромской и Ярославской губерний и избранных от них депутатов. Избранники публично выражали

[548] Курьер. 1916. № 234. 12 сентября.
[549] Там же.

поддержку императору и правительству, выезжали на фронт, собирали пожертвования в представляемых губерниях, утверждали военные и флотские кредиты, стремились организовать размещение раненых в провинции. Однако большевик Н. Р. Шагов и его товарищи встали в оппозицию правительству. В оценке позиции Шагова мнения его земляков, депутатов-костромичей разделились: от поддержавшего исключение большевиков Б. Н. Зузина до сочувствовавшего Шагову и протестующего А. И. Коновалова. По мере того, как война затягивалась, менялось отношение депутатского корпуса к происходившим событиям и к властям. Энтузиазм и всплеск патриотизма сменились сомнениями, критикой в адрес царя и министров, поисками виновников военных неудач, а также стремлением разобраться в их причинах и попытаться наладить снабжение и организацию армии, нормальное функционирование тыла. Парламентариям были понятны глубинные противоречия российской действительности, обострение в результате долгой войны кризисных явлений. С трибуны Таврического дворца высказывались требования наказать виновных, создать ответственное перед Думой правительство. В провинции делалось все необходимое для решения продовольственных и иных проблем.

Заключение

Государственная Дума, созданная в ходе революционных событий, стала уступкой самодержавия широким слоям общественности. Усиление общественного движения в Костромской и Ярославской губерниях демонстрировало неудовлетворенность жителей провинции законосовещательной Булыгинской Думой. Ключевым этапом в становлении парламентаризма в России явилось учреждение представительного органа с законодательными полномочиями. Издание манифеста 17 октября привело к расколу общества по вопросам отношения к дарованным императором правам и свободам, восприятия провинцией нового представительного органа. Население Костромской и Ярославской губерний к положениям манифеста 17 октября отнеслось по-разному. Одобрение царского манифеста и готовность участвовать в выборах, тревожность и страх перед властью, а также политическая наивность характеризовали восприятие разными категориями населения предстоящих выборов в Государственную Думу. Монархисты, сомневавшиеся в сохранении самодержавной власти царя, организовали черносотенные погромы в губернских центрах. После 17 октября ослабление государственной власти, создание боевых дружин и отрядов рабочей милиции вели к поляризации сил и дальнейшему противостоянию с самодержавием. В то же время возрастание общественно-политической активности в провинции, возможность легально заявлять о своих взглядах способствовали выдвижению энергичных, неравнодушных людей, способных в скором времени участвовать в выборах в Государственную Думу первого созыва.

В 1905 – начале 1906 гг. шел процесс формирования местных отделов политических партий в провинции, выдвижения активных общественно-политических деятелей, сплочения единомышленников. Власть стремилась законодательно оформить предстоящие выборы членов Государственной Думы. Именно в этот период в провинции выделились лидеры и будущие депутаты Д. И. Шаховской от Ярославской губернии, З. Г. Френкель и Н. А. Огородников – от

Костромской. Выборы в I и II Думы проводились на основе избирательного закона 11 декабря 1905 г. Избирательные кампании в Думы III и IV созывов основывались на новом законе 3 июня 1907 г. Депутаты Дум первого и второго созывов избирались в революционное время. Самодержавие еще не выработало механизм оптимальных для себя выборов. Поэтому закономерным был левый состав депутатского корпуса. Сама процедура выборов была сложной и многоступенчатой, голосование проходило по куриям. Заключительный этап голосования проходил в губернских избирательных собраниях под строгим контролем губернаторов. Промышленный характер Костромской и Ярославской губерний обусловливал выбор депутатов от рабочих. Ярославль имел также отдельное представительство от города. На выборах в Думы третьего и четвертого созывов самодержавие, используя спад общественного движения, изменило избирательный закон, сделало ставку на имущие слои избирателей и стремилось добиться выбора более благонадежных депутатов. В то же время в России не было всеобщего избирательного права, что ограничивало круг лиц, имеющих право участия в выборах. В целом в провинции к началу 1906 г. сложилась новая общественно-политическая ситуация, характеризующаяся формированием многопартийной системы, возможностью легально проводить предвыборную агитацию, устраивать митинги, собрания, встречи со своими сторонниками, дебаты и дискуссии. Выборщики и кандидаты в депутаты могли свободно поднимать актуальные экономические и общественно-политические проблемы, предлагать варианты их решения, критиковать политических оппонентов. Члены I Думы избирались в условиях меньшей конкуренции при бойкоте выборов эсерами и социал-демократами. Но на выборах во II Думу левые отказались от тактики бойкота и составили конкуренцию лидирующим кадетам. В то же время в Костроме левые и кадеты составили единый предвыборный блок, чего не произошло в Ярославле. Большое значение имела позиция земств: органы местного самоуправления выражали либеральные настроения и способствовали укоренению левых взглядов среди населения.

Всего в I–IV Думы от Костромской и Ярославской губерний было избрано 44 депутата, из них 24 – от Костромской, 20 – от Ярославской земли. От Костромской губернии избиралось по шесть депутатов, от Ярославской – по пять. По сословному происхождению Костромская губерния провела в Государственную Думу шестерых крестьян, пятерых мещан, четырех дворян, четырех рабочих, двоих представителей городской интеллигенции, троих выходцев из духовного сословия, от Ярославской губернии всего были избраны 10 дворян, шесть крестьян, два мещанина, один купец и один представитель духовенства. Как видно, губернии представляли равное число депутатов из крестьянского сословия, однако Костромская губерния провела в Думу четырех представителей рабочих в отличие от Ярославля, который в свою очередь был представлен большим количеством депутатов от дворян. Следовательно, избранные члены Думы должны были представлять и защищать в парламенте зачастую противоположные интересы различных сословий.

По критерию партийной принадлежности от Костромской губернии всего в Думу прошли 13 кадетов, четыре большевика, три октябриста, два члена Прогрессивной партии, один умеренно правый, один беспартийный. Интересы Ярославской губернии представляли 11 кадетов, три октябриста, два члена Прогрессивной партии, два беспартийных умеренных, один член фракции центра, один беспартийный правый. В Думах первого и второго созывов представительство кадетов от обеих губерний было наибольшим. Депутат II Государственной Думы от Ярославской губернии Д. П. Пуговишников был единственным рабочим в составе кадетском фракции Дум всех четырех созывов.

Население Костромской и Ярославской губерний в 1906 – начале 1907 гг. выражало левые, в т. ч. революционные настроения, защищать которые были призваны народные избранники в парламенте. На выборах в Думу первого созыва кадетские депутаты были наиболее левыми из всех, участвовавших в выборах. Они сумели организованно подойти к своему участию в предвыборной агитации, среди кадетов немало было интеллектуалов, умеющих грамотно выстроить речи, аргументацию в дебатах с оппонентами, разработать пути решения назревших

вопросов. Вторая Дума по своему составу оказалась левее первой. Изменение избирательного закона привело к избранию в Думы третьего и четвертого созывов более умеренного состава депутатов, представляющих имущие, в т. ч. торгово-промышленные слои населения провинции. В целом же депутаты от Костромской и Ярославской губерний в Думе выступали с левых, оппозиционных власти позиций. Даже депутаты-октябристы, поначалу поддерживавшие курс правительственных реформ П. А. Столыпина, в итоге вступили на путь критики власти. Анализ сословно-социального происхождения народных избранников и их партийной принадлежности показывает, что они были призваны в парламенте отстаивать интересы различных категорий населения: потерпевших от столыпинских реформ крестьян, находившихся в тяжелом социально-экономическом положении фабрично-заводских рабочих, средних городских слоев. Население обеих губерний принимало участие в выборах депутатов и связывало с их деятельностью определенные надежды на позитивные перемены в стране. Немаловажным критерием избрания депутата служил его опыт работы в городском и земском самоуправлении, наличие адвокатской или врачебной практики, публикационная деятельность в местных периодических изданиях, что прокладывало путь к известности среди земляков. Важным показателем доверия к депутату выступали конкретные факты его борьбы за народные интересы, а также его репутация и личностные качества. Для крестьянских выборщиков ключевую роль играли религиозность и совестливость их представителей, трудолюбие и готовность служить царю и отечеству.

В свою очередь самодержавие и представляющая его губернская администрация оказывали определенное воздействие на ход и исход выборов. Акты 20 февраля 1906 г.: манифест «Об изменении Учреждения Государственного Совета и о пересмотре Учреждения Государственной Думы», «Учреждение Государственной Думы» и указ «О переустройстве Учреждения Государственного Совета», а также новая редакция Основных законов 1906 г. были восприняты избирателями провинции как нарушение манифеста 17 октября, консервативная правка в организацию выборов членов Государственной Думы. Губернаторы

отвечали за организацию избирательных кампаний, поэтому на них лежала ответственность за поддержание порядка при выборе депутатов, грамотное руководство над процедурой выборов на всех этапах и негласно за избрание благонадежных народных представителей в парламент. Позиция костромских и ярославских губернаторов была разной. В Костроме на выборах в Думу первого созыва губернатор активно вмешивался в предвыборную агитацию, препятствовал кадетской пропаганде, а в Ярославле губернатор надеялся при помощи выборов отвлечь население от революционных настроений и допускал кадетскую агитацию. При выборах во II Думу костромской губернатор открыто преследовал бывших депутатов Думы первого созыва и потенциальных народных избранников, в т. ч. активных деятелей городского и земского управления. Среди дворян Костромской губернии были сильны левые взгляды. Губернаторы обладали большим набором административных мер воздействия. Они могли заводить уголовные дела на депутатов и тем самым дискредитировать их в глазах населения, не утверждать авторитетных общественных деятелей на выборные должности, использовать ресурсы периодической печати, практиковали разделение предварительных съездов избирателей для продвижения удобных кандидатов. Выборщики от крестьян нередко находились под прямым давлением земских начальников, указывавших хлебопашцам, за кого голосовать. Анализ источников демонстрирует попытки вмешательства полицейских чинов в процедуру предвыборной агитации и самих выборов депутатов. На выборах в III Думу костромской губернатор А. П. Веретенников, сам состоявший в Союзе 17 октября, деятельно поддерживал местных октябристов. Правительственные инструкции чиновникам всех уровней предписывали не состоять членами партий левее Союза 17 октября. Очевидным было стремление самодержавия противостоять возможной оппозиционности Думы.

Избранные члены Государственной Думы осуществляли свою деятельность в Таврическом дворце Санкт-Петербурга (обсуждение и голосование по законопроектам, думские комиссии, фракционные заседания, выступления), работали за его пределами (выполняли думские поручения, устраивали встречи с

земляками, публиковались в столичных периодических изданиях. Кроме того, депутаты работали и в представляемых ими губерниях: участвовали в заседаниях городских дум и губернских земских собраниях, отчитывались перед избирателями, совершали поездки по уездам, давали интервью местным корреспондентам, стремились решать конкретные вопросы земляков. От своих избирателей депутаты получали письма, наказы, приговоры, просьбы и прошения, на которые должны были реагировать.

Народные представители Дум первого и второго созывов работали в условиях противостояния парламента и самодержавия, отсутствие согласия с властью обусловило короткий срок их работы. Тем не менее депутаты I и II Дум, накапливая опыт законодательной работы, предпринимали попытки решения аграрного вопроса, решали финансово-экономические проблемы, стремились добиться от самодержавия соблюдения положений манифеста 17 октября, гарантирующих реализацию прав и свобод подданными империи. В первый русский парламент выдвинулась политически активная часть народных представителей, понимавших свои интересы и стремившихся претворить их в жизнь легальным путем. В Думу первого созыва был внесен целый ряд законопроектов: о свободе печати, о свободе собраний, о свободе союзов, об основаниях аграрной реформы, об изменении порядка рассмотрения законопроектов в Думе, о неприкосновенности личности, о равноправии и др. Опыт работы I и II Дум показал, что депутатам из дворянской и интеллигентской среды с опытом службы в органах местного самоуправления, адвокатской и преподавательской практикой было легче осуществлять свои полномочия: выступать с трибуны с речами, общаться с соратниками и единомышленниками, выражать свое отношение по широкому спектру парламентских дел. В то же время наибольшие трудности испытывали депутаты от крестьян, которым зачастую не хватало образованности, грамотности, внешних атрибутов депутатского имиджа. Однако эти недостатки компенсировались трудолюбием, совестливостью, пониманием своей ответственности перед избирателями, а также жизненным опытом и ситуативным чутьем. Депутаты от крестьян стремились компенсировать

недостаток политических знаний, в частности, прослушиванием лекций по истории, экономике и праву от известных столичных профессоров. Оценивая результативность деятельности депутатов I и II Дум, необходимо брать в расчет отсутствие прецедентов и опыта депутатской работы и досрочный роспуск Дум. Зачастую парламентариям недоставало времени на детальную и глубокую проработку законопроектов. Знаковым явилось участие костромских и ярославских депутатов Думы первого созыва в подписании Выборгского воззвания. Пять костромских (83, 3 %) и пять ярославских (100 %) представителей решили поддержать коллег по работе в парламенте и в результате получили приговор и 3-месячное заключение в тюрьме.

Государственная Дума третьего созыва отработала весь положенный срок с ноября 1907 по август 1912 гг. Этому способствовала поддержка октябристами, задававшими тон в парламенте, курса правительственных реформ П. А. Столыпина. В III Думе депутаты от Костромской и Ярославской губерний активно участвовали в работе различных думских комиссий, обсуждении и принятии решений по вопросам широкого спектра: обороны, аграрной политики, рабочего вопроса, народного образования, строительства путей сообщения и др. Представители октябристов пользовались поддержкой царского правительства и губернской администрации, однако зачастую критиковали власть и становились в ряды оппозиции. Избранники продвигали в парламенте интересы представляемых ими губерний. Будучи порой критикуемы своими избирателями в провинции, депутаты немало способствовали развитию медицинского, ветеринарного, аграрного дела в Костромской и Ярославской губерниях. В целом октябристы в III Государственной Думе поддерживали правительственный курс на обновление России. Однако наметившийся к концу срока полномочий III Думы кризис между большинством депутатов и правительством, убийство осенью 1911 г. П. А. Столыпина способствовали падению авторитета октябристов.

Деятельность депутатов IV Государственной Думы от Костромской и Ярославской губерний пришлась на тяжелые годы Мировой войны и во многом была связана с решением проблем военного времени. Патриотический подъем

депутатского корпуса начала войны сменился критическим отношением к царской власти и министрам. Депутаты осознавали глубинные противоречия российской действительности, верно понимали причины неудач и затяжного характера войны. В то же время народные избранники многое сделали в деятельности парламента, а также с избирателями в провинции. В целях организации и снабжения действующей армии и тыла они принимали необходимые законы, собирали пожертвования, организовывали медицинскую помощь раненым, а также стремились решить продовольственные проблемы.

Несмотря на совместную деятельность самодержавия и Государственной Думы, не удалось выработать устоявшуюся форму сотрудничества, а депутаты от Костромской и Ярославской губерний являли собой последовательно оппозиционную деятельность по отношению к самодержавию русских царей.

Список использованных источников и литературы

1. Источники

1.1. Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1. Ф. 102. Департамент полиции министерства внутренних дел. 1880–1917. – Оп. 233. – Д. 9; 80; Оп. 236. – Д. 34; 550; 828; 1800.

2. Ф. 116. Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа. 1905–1917. – Оп. 1. – Д. 595.

3. Ф. 124. Уголовное отделение первого департамента министерства юстиции. 1892–1917. – Оп. 6. – Д. 1147.

4. Ф. 523. Партия Народной Свободы. 1905–1917. – Оп. 1. – Д. 222; 231; 415.

Российский Государственный Исторический Архив (РГИА)

5. Ф. 1278. Государственная Дума I, II, III и IV созывов. – Оп. 1. – Д. 103; 229; 322; 325; 351; 532; 574; Оп. 5. – Д. 1294; Оп. 9. – Д. 9; 21; 55; 99; 179; 373; 735; 878; 916.

6. Ф. 1284. Департамент общих дел МВД. – Оп. 187. – Д.157; Оп. 238. – Д. 94; 95; 96.

7. Ф. 1327. Особое делопроизводство по выборам в Государственную Думу и Государственный Совет. – Оп. 1. – Д. 18; 51;120; 141; 143; 443; 446; Оп. 2. – Д. 115; 145; Оп. 120. – Д. 15; 104.

8. Ф. 1629. Гурлянд Илья Яковлевич (1868–1923), доктор полицейского права, член Совета министра внутренних дел, редактор газеты «Россия». – Оп. 1. – Д. 446.

Государственный архив Костромской области (ГАКО)

9. Ф. 120. Прокурор Костромского окружного суда. – Оп. 2. – Д. 645.

10. Ф. 133. Канцелярия Костромского губернатора. – Оп. 36. – Д. 34; Оп. 38. – Д. 4.

11. Ф. 198. Костромская губернская по выборам в Государственную Думу комиссия. – Оп. 1. – Д. 6; 13; 18; 22.

Государственный архив Ярославской области (ГАЯО)

12. Ф. 10. Мышкинский кружечный двор. – Оп. 1. – Д. 361.

13. Ф. 73. Канцелярия Ярославского губернатора. – Оп. 1. – Д. 7358; 7446; Оп. 9. – Д. 281.

14. Ф. 347. Прокурор и товарищи прокурора Ярославского окружного суда. – Оп. 1. – Д. 666.

15. Ф. 476. Ярославская губернская землеустроительная комиссия. – Оп. 1. – Д. 1.

16. Ф. 477. Ярославская уездная землеустроительная комиссия. – Оп. 1. – Д. 2.

17. Ф. 642. Ярославский губернский статистический комитет. – Оп. 3. – Д. 1186.

18. Ф. 912. Ярославское охранное отделение. 1904–1913. – Оп. 1. – Д. 11; 105; 420.

1.2.Опубликованные источники

1.2.1. Периодические издания

19. Вестник Партии народной свободы: еженедельный журнал, орган ЦК партии кадетов. – Санкт-Петербург, 1906.

20. Голос Москвы: ежедневная общественно-политическая газета. – Москва, 1907.

21. Голос: либерально-демократическая газета. – Ярославль, 1913, 1914, 1915.

22. Думский листок: ежедневная общедоступная газета. – Санкт-Петербург, 1907.

23. Ежегодник Министерства Иностранных Дел. – Санкт-Петербург, 1906.

24. Известия Костромского Совета рабочих и военных депутатов. – Кострома, 1917.

25. Исторический вестник. – Санкт-Петербург, 1910.

26. Костромич: ежедневное издание. – Кострома,1906, 1907.

27. Костромская жизнь: газета политическая, общественная и литературная: ежедневное издание. – Кострома, 1906, 1912, 1914.

28. Костромская речь: газета политическая, литературная и общественная. – Кострома, 1906.

29. Костромские губернские ведомости. – Кострома, 1906, 1907.

30. Костромские новости: беспартийный и прогрессивный орган. – Кострома, 1912.

31. Костромской голос: ежедневная газета литературная, политическая и общественная. – Кострома, 1906.

32. Костромской край: газета политическая, литературная и общественная. – Кострома, 1906.

33. Костромской курьер. – Кострома, 1915.

34. Костромской листок: газета литературная, политическая и общественная. – Кострома, 1905.

35. Курьер. – Кострома, 1914, 1916.

36. Народный вестник: еженедельный общественно-политический и литературный журнал, легальное издание российской Партии социалистов-революционеров. – Санкт-Петербург, 1906.

37. Новое время: общественно-политическая и литературная газета. – Санкт-Петербург,1909.

38. Поволжский вестник: газета ежедневная политическая, общественная и литературная. – Кострома, 1906, 1907, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914, 1915.

39. Правда: ежедневная рабочая газета. – Санкт-Петербург, 1913.

40. Рабочий: ежедневная газета. – Кострома, 1907.

41. Революционная Россия. – Женева, 1905.

42. Реформа: ежедневная общественная культурно-политическая и литературная газета. – Санкт-Петербург, 1906.

43. Речь: ежедневная политическая и литературная газета. – Санкт-Петербург, 1906, 1910.

44. Русские ведомости: общественно-политическая газета. – Москва, 1912.

45. Русский народ: газета Ярославского отделения Союза русского народа литературно-политического направления. – Ярославль, 1906, 1907.

46. Русское знамя: российская ежедневная православно-патриотическая газета. – Санкт-Петербург, 1906.

47. Русское слово: газета политическая, общественная, экономическая и литературная. – Москва, 1906.

48. Рыбинский листок: газета торговая, промышленная и литературная. – Рыбинск, 1906.

49. Северная заря: ежедневная беспартийная, прогрессивная газета. – Кострома, 1910.

50. Северная речь. – Ярославль, 1906, 1907.

51. Северный вестник. – Ярославль, 1907, 1908, 1911, 1913.

52. Северный край. – Ярославль, 1905.

53. Северный рабочий: орган Костромского окружного комитета РСДРП. – Кострома, 1917.

54. Телеграммы «Костромская речь». – Кострома, 1906.

55. Телеграммы «Поволжского вестника». – Кострома, 1906.

56. Ярославец: газета политическая, экономическая, общественная и литературная. – Ярославль, 1912.

57. Ярославские губернские ведомости. – Ярославль, 1906.

58. Ярославские епархиальные ведомости. – Ярославль, 1905.

59. Ярославская колотушка: журнал сатирико-юмористический. – Ярославль, 1906.

60. Ярославские отголоски: Газета общественная, политическая и литературная. – Ярославль, 1906, 1907, 1908, 1909, 1910.

61. Ярославское слово: Газета прогрессивная, беспартийная, независимая. – Ярославль, 1909, 1910, 1913.

62. XX век. – Санкт-Петербург,1906.

1.2.2. Сборники документов и материалов, решения нормативного характера

63. Боиович, М. М. Члены Государственной Думы (Портреты и биографии). Первый созыв. – М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1906. – 512 с.

64. Большая энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова. – СПб.: Просвещение, 1909. – 193 с.

65. Булгаков, С. Н. На выборах / С. Н. Булгаков // Русская мысль. – 1912. – № 11. – С. 65–86.

66. Выборгский процесс. Иллюстрированное издание. – СПб: «Общественная Польза», 1908. – 168 с.

67. Государственная Дума первого призыва. Портреты, краткие биографии и характеристики депутатов. – Москва: «Возрождение», 1906. – 110 с.

68. Государственная Дума. Периодические обзоры ее работы. – СПб.: Муханов и Набоков, 1907. – 231 с.

69. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906. Сессия первая. – СПб.: Государственная типография, 1906. – 898 с.

70. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия 1. – СПб.: Государственная типография, 1908. – 2244 с.

71. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1909 г. Сессия третья. – СПб.: Государственная типография, 1909. – 1920 с.

72. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1910. Третья сессия. – СПб.: Государственная типография, 1910. – 3165 с.

73. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1910 г. Часть IV. – СПб.: Государственная типография, 1910. – 1932 с.

74. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1912 г. Сессия пятая. Часть IV. – СПб.: Государственная типография, 1912. – 2228 с.

75. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия первая. Часть I. – СПб.: Государственная типография, 1913. – 1254 с.

76. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1913 г. Сессия первая. Часть II. – СПб.: Государственная типография, 1913. – 1156 с.

77. Государственная дума. Указатель к стенографическим отчётам 1906 г. Сессия первая. – СПб.: Государственная типография, 1907. – 316 с.

78. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв 1907 г. – СПб.: Государственная типография, 1907. – 312 с.

79. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. – СПБ.: Государственная типография, 1908. – 632 с.

80. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. – СПб: Государственная типография, 1913. – 739 с.

81. Гучков, А. И. К вопросу о государственной обороне. Речи в Государственной думе III созыва 1908–1912 гг. – Петроград, 1915. –106 с.

82. Гучков, А. И. Сборник речей в Третьей Государственной Думе (1907–1912). – СПб.: Типография товарищества А. С. Суворина, 1912. – 248 с.

83. Историко-статистические таблицы по Ярославской губернии за 1862–1898 гг. – Ярославль: типолитография губернской земской управы, 1901. – 87 с.

84. Кизеветтер, А. А. О чем сказано в манифесте 17 октября. – М.: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1905. – 16 с.

85. Куманин, Л. К. Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной Думы / Л. К. Куманин // Вопросы истории. – 1999. – № 4–5. – С. 3–23.

86. Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 т. Т. 50. – М.: Политиздат, 1965. – 226 с.

87. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. – М.: Политиздат, 1974.

88. Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905–1907 гг. – М.: Госполитиздат, 1956. – 89 с.

89. Львов, В. Н. Программные речи и статьи в Самарском отделе «Союза 17 Октября». – М.: Товарищество А. А. Левенсон, 1907. – 50 с.

90. Маклаков, В. А. Речи: судебные, думские и публичные лекции, 1904–1926. – Париж: Издательство Юбилея коммуны, 1949. – 224 с.

91. Набоков, В. Д., Каминка А. И. Вторая Государственная дума. – СПб: Типография товарищества «Общественная польза», 1907. – 308 с.

92. Николаев, А. Б. Комиссары Временного комитета Государственной Думы (февраль – март 1917 г.): персональный состав. – СПб.: Из глубины времен, 1995. – 389 с.

93. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК. 1905–1915 гг. / сост. В. В. Шелохаев. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. – 408 с.

94. Первая российская Государственная дума. Литературно-художественное издание. – СПб.: Типография Товарищества Печатного и Издательского дела «Труд», 1906. – 155 с.

95. Первая Государственная Дума: Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной Думы. – Москва: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1906. – 159 с.

96. Петергофское совещание о проекте Государственной думы под личным его императорского величества председательством. – Берлин, 1910. – 220 с.

97. Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Государственная типография, 1908. – 844 с.

98. Приговоры и наказы крестьян Центральной России 1905–1907 гг. / сост. Л. Т. Сенчакова. – М.: Эдиториал, 2000. – 416 с.

99. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. / сост. В. В. Кривенький, Н. Н. Тарасова. – М.: РОССПЭН, 1995. – 464 с.

100. Протоколы центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии / сост. Д. Б. Павлов, Н. И. Канищева. – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 528 с.

101. Протоколы Второго (экстренного) Съезда Партии социалистов-революционеров: 12 –15 февр. 1907 г. – Санкт-Петербург, 1907. – 180 с.

102. Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы / сост. С. А. Венгеров. – СПб.: Наука, 2010. – С. 668.

103. Состав Трудовой группы в I и II Государственной думе. Сводная таблица членов фракции / сост. Д. А. Колесниченко. – М.: Институт Истории СССР, 1988. – 122 с.

1.2.3. Воспоминания, дневники и переписка

104. Витте, С. Ю. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2017. – 1247 с.

105. Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы) / редкол.: И. Б. Борисов, Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. И. Лысенко. – М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2008. – 860 с.

106. Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. Воспоминания современников. Материалы и документы. / Под ред. А. В. Иванченко. – М.: Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, 2008. – 860 с.

107. Друцкой-Соколинский, В. А. Да благословенна память: Записки русского дворянина (1880–1914 гг.). – Орел: Вариант В, 1996. – 347 с.

108. Друцкой-Соколинский, В. А. На службе Отечеству: записки русского губернатора. – Москва: Русский путь, 2010. – 317 с.

109. К 10-летию Первой Государственной Думы 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916: Сборник статей перводумцев. – Петроград: Огни, 1916. – 226 с.

110. Караваев, П. Н. 1905 г. в Костроме, из воспоминаний участника. 1905 год в Костроме. Сборник статей. – Кострома, 1926. – 228 с.

111. Кизеветтер, А. А. На рубеже столетий: Воспоминания: 1881–1914. – М.: Искусство, 1996. – 395 с.

112. Коковцов, В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. – Париж: Издание журнала Иллюстрированная Россия, 1935. – 511 с.

113. Крыжановский, С. Е. Воспоминания: из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. – СПб: Издательство «Российская национальная библиотека», 2009. – 228 с.

114. Маковицкий, Д. П. Яснополянские записки. – М.: Наука, 1979. – 512 с.

115. Малицкий, Н. В. История Владимирской духовной семинарии. Выпускники Владимирской духовной семинарии 1750–1900 гг. – Владимир: Издательство А. И. Снегиревой, 1992. – 336 с.

116. Мельгунов, С. П. Воспоминания и дневники. – Москва: Индрик, 2003. – 527 с.

117. Мельгунов, С. П. Красный террор в России. – М.: PUICO, 1990. – 253 с.

118. Милюков, П. Н. Воспоминания. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.;

119. Маклаков, В. А. Из воспоминаний. Уроки жизни. – М.: Московская школа политических исследований, 2011. – 193 с.

120. Милюков, П. Н. Год борьбы. Публицистическая хроника 1905–1906. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1907. – 584 с.

121. Палеолог, М. Царская Россия во время мировой войны. – М: Международные отношения, 1991. – 236 с.

122. Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями, 1905–1907 гг.: Сб. документов: В 5 т. Т. 5. – Москва: Мысль,1979.

123. Френкель, З. Г. Записки о жизненном пути. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. – 696 с.

124. Чернов, В. М. Записки социалиста-революционера. – Берлин, 1922. – 288 с.

2. Литература

2.1. Монографии, статьи, сборники статей

125. Аврех, А. Я. Столыпин и Третья Дума. – М.: Наука, 1969. – 520 с.

126. Безгин, В. Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян во второй половине XIX – начале XX века. – Тамбов: Тамбовский государственный технический университет, 2002. – 287 с.

127. Белов, А. М. Политические партии и рабочие Центрального промышленного района в революции 1905–1907 гг. – Кострома: Издательство Костромского государственного педагогического университета, 1997. – 219 с.

128. Белов, П. А. Выборы депутатов Первой Государственной Думы в Костромской губернии / П.А. Белов // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2005. – № 3. – С. 23–24.

129. Белоконский, И. П. Земское движение. – М.: Типография Г.Лисснера, 1914. – 397 с.

130. Бердова, О. В. Газетный мир старой Костромы / О. В. Бердова // Костромская старина. – 2001. – № 15. – С. 34.

131. Болтенкова, Л. Ф. Влияние парламентов на развитие федерализма в России / Л. Ф. Болтенкова // Политико-правовые основы федерализма в России / под ред. Р. Хакимова. – Казань, 2006. – С. 8 – 23.

132. Веселовский, Н. И. История земства за сорок лет. – СПб.: Издательство О. Н. Поповой, 1911. – 72 с.

133. Волков, Н. В. Крестьянское движение в Верхнем Поволжье (1905–1917 гг.). – Кострома: Костромской государственный педагогический институт, 1990. – 84 с.

134. Герье, В. И. Значение третьей Думы в истории России. – СПб.: Типография товарищества А. С. Суворина, 1912. – 99 с.

135. Герье, В. И. Первая русская Государственная Дума. Политические воззрения и тактика ее членов. – М.: Печатня С. П. Яковлева, 1906. – 119 с.

136. Герье, В. И. Вторая Государственная Дума. – М.: Печатня С. П. Яковлева, 1907. – 379 с.

137. Гессен, В. М. Русское государственное право. – СПб: Санкт-Петербургский политехнический институт, 1909. – 335 с.

138. Горак, А. Г. Институт губернаторства Российской империи в исторической ретроспективе: по воспоминаниям П. П. Стремоухова / А. Г. Горак // Вестник Черниговского педагогического университета. –2011. – № 8. – С. 72–76.

139. Горн, В. Прогноз и действительный исход третьих выборов / В. Горн // Современный мир. –1907. – № 11. – С. 145.

140. Государственная дума России. Энциклопедия в 2 т. / редкол.: Б. Ю. Иванов, А. А. Комзолова, И. С. Ряховская. – М, 2006. – 735 с.

141. Губернский дом. – № 5-6. – 2005. – С. 121.

142. Давыдов, М. А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте – Столыпина. – СПб.: Алетейя, 2016. – 1072 с.

143. Дегтярев, А. П. Военные проблемы в деятельности Государственной думы России. – М.: ВУ, 2018. – 330 с.

144. Демин, В. А. Государственная Дума России: механизм функционирования. – М.: РОСПЭН, 1996. – 216 с.

145. Дружинин, П. Н. Революционное движение в Ярославской губернии в 1905–1907 годах. – Ярославль: Книжное издательство, 1955. – 152 с.

146. Думова, Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. – М: Наука. 1988. – 244 с.

147. Дякин, В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). – Ленинград: Наука, 1967. – 363 с.

148. Еропкин, А. В. Что делала и что сделала третья Государственная Дума. – СПб.: типография товарищества А. С. Суворина, 1912. – 84 с.

149. Зырянов, П. Н. Православная Церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. – М.: Институт истории СССР, 1984. – 224 с.

150. Иванов, А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). – М.: Альянс-Архео, 2013. – 520 с.

151. Калинычев, Ф. И. Государственная Дума в России. – М.: Госюриздат, 1957. – 646 с.

152. Карабущенко, П. Л. Имперские элиты России в воспоминаниях графа С. Ю. Витте / П. Л. Карабущенко // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – № 87. – С. 16.

153. Карпович, М. М. Два типа российского либерализма. Маклаков и Милюков. – Кембридж: Массачусетс, 1950. – 330 с.

154. Кирьянов, И. К. Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты, 1906–1917. – Пермь: Издательство Пермского университета, 1995. – 167 с.

155. Кирьянов, И. К. Думцы после Думы: политика и судьбы. 1917 –1976. / И. К. Кирьянов // Российские парламентарии начала XX в. – 2006. – С. 79.

156. Кирюхина, Е. И. Всероссийский Крестьянский союз в 1905 г. / Е. И. Кирюхина // Исторические записки. –1955. – Т. 50. – С. 95–141.

157. Кистяковский, Б. А. Философия и социология права. – СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 1999. – 798 с.

158. Ковалев, А. Д. Ярославские ткачи. – Ярославль: Верхневолжское книжное издательство, 1977. – 495 с.

159. Коцюбинский, Д. А. Русский национализм в начале столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. – М.: РОССПЭН, 2001. – 525 с.

160. Лазаревский, Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. – СПб: Типография АО «Слово», 1908. – 479 с.

161. Лапшина, М. А. Гражданская война в Костромской губернии / М. А. Лапшина // Костромская земля. – 1999. – № 4. – С. 158.

162. Леонтович, В. В. История либерализма в России. – М.: Русский путь, 1995. – 548 с.

163. Любина, Т. И. Воспоминания Д. А. Скульского как источник изучения полиции Тверской губернии конца XIX–XX вв. / Т. И. Любина // Образование. Наука. Научные кадры. – 2014. – № 6. – С. 33–37.

164. Мазуренко, С. П. Крестьяне в 1905 г. – М.: Новая деревня, 1925. – 86 с.

165. Марасанова, В. М. Депутаты-кадеты от Верхневолжских губерний в I и II Государственных Думах / В. М. Марасанова // Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры. – Ярославль, 2008. – С. 294–300.

166. Маслов, П. П. Аграрный вопрос в России. – СПб.: Общественное движение, 1908. – 135 с.

167. Мейерович, М. Г. Рабочее движение в Ярославской губернии в 1861 – феврале 1917 г. Хроника. – Ярославль: Ярославский государственный университет, 1995. – 120 с.

168. Миловидов, В. Л. В памяти народа: Очерки о революционерах. – Ярославль: Верхневолжское книжное издательство, 1988. – 239 с.

169. Миловидов, В. Л. Оправдавший доверие народа. / В. Л. Миловидов // Губернский дом. – 2007. – № 1–2. – С. 45–46.

170. Мороховец, Е. А. Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой революции. – Ленинград: Госиздат, 1926. – 240 с.

171. Негорюхин, Б. Н. Первый костромской книгопродавец / Б. Н. Негорюхин // Губернский дом. – № 2. – 1996. – С. 37.

172. Новиков, А. В. Рабочее движение в Костромской губернии. 1906 – февраль 1917 г.: Хроника. – Кострома: ГОУВПО КГУ им. Н. А. Некрасова, 2005. – 80 с.

173. Обнинский, В. П. Новый строй. – М.: Образование, 1909. – 361 с.

174. Общественное движение в России в начале XX века: Т. 1 / сост. Л. Мартов, П. Маслов, А. Потресов. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1909. – 343 с.

175. Ольгович, С. В. Что сказала деревня Первой Государственной думе. – М.: Верный путь, 1906. – 42 с.

176. Орлов, В. Л. Старый Любим. – Ярославль: Издательство Александра Рутмана, 2005. – 228 с.

177. Очерки истории Костромской организации КПСС / сост. М. И. Синяжников. – Ярославль: Верхневолжское книжное издательство, 1967. – 404 с.

178. Пайпс, Р. Россия при старом режиме. – М.: Захаров, 2004. – 493 с.

179. Парамонов, В. Н. Электоральная практика российских политических партий в выборах в Государственную Думу в 1906–1912 гг. / В. Н. Парамонов // Вестник Самарского государственного университета. – 2007. – № 5. – С. 88.

180. Паялин, Н. П. Волжские ткачи. – М.: История заводов, 1936. – 400 с.

181. Первая революция в России взгляд через столетие / сост. А. П. Корелин, С. В. Тютюкин. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 568 с.

182. Першин П. Н. Крестьянство в революции 1905 г. / П. Н. Першин // Вопросы истории. –1946. – № 11. – С. 30.

183. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия / под ред. В. В. Шелохаева. – М.: РОССПЭН, 1996. – 800 с.

184. Пушкарева, И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. – Москва: Наука, 1975. – 390 с.

185. Размолодин, М. Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. – Ярославль: Рутман, 2001. – 247 с.

186. Революционеры текстильного края / сост. В. А. Балуков, А. П. Воронин, Ю. Ф. Глебов. – Ярославль: Верхневолжское книжное издательство, 1980. – 327 с.

187. В памяти народа: Очерк о революционерах / сост. Б. П. Жижиков, В. Л. Миловидов, И. Е. Травина. – Ярославль: Верхневолжское книжное издательство, 1988. – 240 с.

188. Ропп, А. Н. Что сделала третья Государственная Дума для народного образования. – СПб.: типография А.С. Суворина, 1912. – 255 с.

189. Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 10–12 сентября 2008 г. – Ярославль, 2008. – 335 с.

190. Рудь, А. С. Депутаты-большевики в IV Государственной Думе. – М.: Просвещение, 1980. – 78 с.

191. Самолетов, И. Д. Отношение ярославского крестьянства к землеустроительной политике правительства / И. Д. Самолетов // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 4. – С. 328–332.

192. Седугин, В. И. Либералы Центральной России в начале XX в. (1905 – март 1917 г.). – Новомосковск: ГОУ им. Д. И. Менделеева, 2008. – 185 с.

193. Сеф, С. Е. Буржуазия в 1905 г. – Ленинград: Государственное издательство, 1926. – 128 с.

194. Сидельников, С. М. Образование и деятельность первой Государственной Думы. – М.: Издательство Московского университета, 1962. – 382 с.

195. Смирнов, И. М. Практика применения избирательного законодательства России на выборах в I Государственную Думу на примере Костромской губернии – историко-правовой аспект / И. М. Смирнов // История государства и права. – 2014. – № 7. – С. 78.

196. Слепков, А. Н. Классовые противоречия в I Государственной Думе. – Петроград: Коммунистический университет, 1923. – 148 с.

197. Смирнов, В. И. Народ в тюрьме (1930–1931). – Сергиев Посад: Все для вас, 2011. – 223 с.

198. Соловьев, К. А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). – М.: РОССПЭН, 2011. – 510 с.

199. Стальной, В. А. Кадеты. – Харьков: Центрполиграф, 1929. – 318 с.

200. Старцев, В. И. взгляды А. И. Коновалова по рабочему вопросу. Пролетариат России и его положение в эпоху капитализма. – Львов, 1972. – С. 41.

201. Степанов, С. А. Кадеты (Конституционно-демократическая партия) / С. А. Степанов // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2006. – № 8. – С. 51.

202. Фишер, Дж. Российский либерализм. От дворянства к интеллигенции. – Кембридж: Массачусетс, 1958. – 287 с.

203. Фликке, Г. Демократия или теократия. Русская революция 1905 г. – Осло: Медиа-досуг, 1995. – 69 с.

204. Хоскинг, Дж. Российский конституционный эксперимент: правительство и Дума. – Лондон: Издательство Кембриджского университета, 1973. – 281 с.

205. Циунчук, Р. А. Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. – Казань: ФЭН, 2004. – 415 с.

206. Чего требует народ от Государственной думы. Наказы и обращения к депутатам Трудовой группы / под ред. С. И. Бондарева. – СПб., 1906. – 38 с.

207. Черкашин, Г. А. Первый штурм. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 652 с.

208. Черменский, Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг. – Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – 374 с.

209. Шелохаев, В. В. Партия октябристов в период первой российской революции. – М.: Наука, 1987. – 157 с.

210. Шелохаев, В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. – М.: Наука, 1983. – 327 с.

211. Шестаков, А. В. Крестьянская революция 1905–1907 гг. в России. – Л.: Государственное издательство, 1926. – 120 с.

212. Ярославль в первой русской революции: сборник материалов по истории революции 1905 г. в Ярославской губернии / под ред. П. Н. Груздева, Ж. М. Гутман, Н. Г. Пальгунова. – Ярославль, 1925. – 240 с.

213. Ярославль: очерки по истории города. / сост. П. Андреев, Л. Генкин, П. Дружинин, П. Козлов. – Ярославль: Книжное издательство, 1954. – 340 с.

214. Ярославские губернаторы. 1777–1917 гг.: Историко-биографические очерки / сост. В. М. Марасанова, Г. П. Федюк, А. М. Селиванов. – Ярославль: Ярославский государственный университет, 1998. – 417 с.

2.2. Диссертации, авторефераты диссертаций

215. Баранов, А. Н. Интеллигенция и конституционно-демократическая партия накануне и в годы первой российской революции: опыт взаимоотношений: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Баранов Андрей Николаевич. – Кострома, 2000. – 30 с.

216. Долгих, Ф. И. Правые в III и IV Государственных Думах России: 1907–1917 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Долгих Федр Игоревич. – М., 2004. – 16 с.

217. Дорошенко, А. А. Правые в Государственных Думах Российской империи: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Дорошенко Александр Анатольевич. – Самара, 2003. – 22 с.

218. Колесников, В. А. Продовольственный вопрос в годы Первой мировой войны (август 1914 – март 1918) по материалам Костромской и Ярославской губерний: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Колесников Владислав Александрович. – Кострома, 2022. – 22 с.

219. Малышев, А. П. Социально-экономические и политические взгляды и деятельность А. И. Коновалова: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. / Малышев Алексей Павлович. – Кострома, 2004. – 194 с.

220. Матвиевский, И. Н. Либеральное движение в российской провинции в начале XX века: на материалах Костромской губернии: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02./ Матвиевский Илья Николаевич. – Кострома, 2012. – 258 с.

221. Петров, Ю. А. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика: автореф. дис. … доктора ист. наук: 07.00.02. / Петров Юрий Александрович. – М., 1999. – 35 с.

222. Ромов, Р. Б. Фракция правых в III Государственной Думе: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Ромов Роман Борисович. – М., 2003. – 30 с.

223. Смирнов, И. М. Костромские кадеты в социально-политической жизни России в годы Первой русской революции: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. / Смирнов Иван Михайлович. – Орел, 2015. – 27 с.

224. Сулоев, И. Н. Деятельность политических партий среди крестьян Верхнего Поволжья в 1905–1907 гг.: на материалах Костромской и Ярославской губерний: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. / Сулоев Иван Николаевич. – Кострома, 2015. – 23 с.

225. Фурман, И. Г. Первая государственная дума: дис. … канд. ист. наук. / Фурман Израиль Григорьевич. – М., 1950. – 268 с.

226. Холяев, С. В. Участие политических партий в борьбе за власть в 1917 году: на материалах Верхневолжских губерний: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Холяев Сергей Владимирович. – Ярославль, 1998. – 19 с.

Приложения

Приложение 1

Хроника
событий, отражающих становление и работу
Государственной Думы, деятельность членов Государственной Думы
от Костромской и Ярославской губерний

	Дата	Факт	Источник
1	Весна 1905 г.	Создание единой организации ПСР в Ярославле	ГАЯО. Ф.912. Оп.1. Д.11. Л.7-7об.
2	1 июля 1905 г.	Создание в Костроме нелегального комитета РСДРП	Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями, 1905–1907 гг. / сост. Д.И. Антонюк. М.,1979. С. 78.
3	9 июля 1905 г.	Дискуссии на Ярославском собрании педагогов между большевиками и эсерами по поводу тактики в ходе дальнейшей борьбы	Ярославль: очерки по истории города / сост. П. Андреев, Л. Генкин, П. Дружинин, П. Козлов. Ярославль, 1954. С. 216.
4	19, 21, 23, 25 и 26 июля 1905 г.	Петергофские совещания под председательством императора Николая II	Петергофское совещание о проекте Государственной думы под личным его императорского величества председательством: секретные

			протоколы. Берлин, 1910. С. 102.
5	6 августа 1905 г.	Утверждение императором утвердил Положения о выборах в Государственную Думу и манифеста об учреждении законосовещательной Булыгинской Думы	Полное собрание законов Российской империи. Т. 25. СПб., 1908. С. 406–407.
6	Октябрь 1905 г.	Всероссийская октябрьская политическая стачка	Караваев П. 1905 г. в Костроме, из воспоминаний участника. 1905 год в Костроме. Кострома, 1926. С. 55.
7	3-4 октября 1905 г.	Волнения рабочих Ярославской железнодорожной мастерской	Дружинин, П. Н. Революционное движение в Ярославской губернии в 1905–1907 годах. Ярославль, 1955. С. 51.
8	10 октября 1905 г.	Забастовка рабочих железнодорожных мастерских станций Урочь и Ярославль	Дружинин, П. Н. Революционное движение в Ярославской губернии в 1905–

			1907 годах. Ярославль, 1955. С. 51.
9	17 октября 1905 г.	Опубликование манифеста об усовершенствовании государственного порядка	Ежегодник Министерства Иностранных Дел. 1906. СПб., 1906. С. 21.
10	19 октября 1905 г.	Избиение черносотенцами в Костроме на Сусанинской площади собрания учащейся молодежи	Караваев П. 1905 г. в Костроме, из воспоминаний участника. 1905 год в Костроме. Кострома, 1926. С. 55.
11	19 октября 1905 г.	Обращение костромской интеллигенции к городской думе с требованием прекратить беспорядки в городе	Размолодин М. Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. Ярославль, 2001. С. 27.
12	15 ноября 1905 г.	Начало общей забастовки рабочих Большой мануфактуры в Ярославле	Ярославль: очерки по истории города. / П. Андреев, Л. Генкин, П. Дружинин, П. Козлов. Ярославль, 1954. С. 231.
13	5 ноября 1905 г.	Образование отделения Партии народной свободы в Ярославле при	ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 105. Л. 12.

		активном участии Д. И. Шаховского	
14	Ноябрь 1905 г.	Создание комитета кадетской партии в Костроме	Шелохаев, В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 301.
15	Ноябрь 1905 г.	Учреждение в Ярославле местного отделения Союза русского народа	ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 595. Л. 1.
16	9 декабря 1905 г.	Кровавая пятница в Ярославле: общегородская демонстрация с участием рабочих Ярославской Большой мануфактуры, расстрелянная войсками.	ГАЯО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 361. Л. 22.
17	11 декабря 1905 г.	Издание обновленного Положения о выборах.	Крыжановский С. Е. Воспоминания: из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 86.

18	Осень 1905 г.	Образование местного комитета ПСР в Костроме	ГАРФ. Ф.102. Оп.233. Д.80. Л.6.
19	Конец 1905 г.	Появление отделений Союза 17 октября в Костроме, Ярославле и Рыбинске	ГАРФ. Ф. 102. Д. 828. Л. 2об.
20	23 декабря 1905 г.	Аудиенция у императора представителей Союза 17 октября с участием ярославских правых	Русское знамя. 1906. 9 января.
21	Январь 1906 г.	Кадетские митинги крестьян Пушкинской и Минской волостей Костромского уезда, разогнанные полицией. Выступали Н. А. Огородников, З. Г. Френкель	Костромская жизнь. 1906. 12 января
22	Февраль 1906 г.	Арест полицией представителя Юрьевецкой земской управы крестьянина П.Д. Горохова за распространение кадетской литературы.	Первая Государственная Дума: алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной Думы. М., 1906. С. 16.

23	*10 февраля 1906 г.*	Проведение двух кадетских митингов в Костроме в городской думе и читальне имени Островского	Костромской голос. 1906. № 18. 12 февраля
24	*20 февраля 1906 г.*	Обнародование манифеста «Об изменении Учреждения Государственного Совета и о пересмотре Учреждения Государственной Думы», «Учреждение Государственной Думы» и указа «О переустройстве Учреждения Государственного Совета»	Костромская речь. 1906. № 20. 13 апреля.
25	*5 марта 1906 г.*	Провал агитации костромских октябристов в ходе публичной лекции в здании Дворянского собрания	Костромской голос. 1906. № 19. 14 февраля.
26	*5 марта 1906 г.*	Проведение собрания, костромских приказчиков в общественном клубе,	Поволжский вестник. 1906. № 3. 11 марта.

		инициированное кадетами	
27	*26 марта 1906 г.*	Губернское избирательное собрание в Ярославле	РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 51. Л. 44.
28	*27 марта 1906 г.*	Губернское избирательное собрание в Костроме	Белов П. А. Выборы депутатов Первой Государственной Думы в Костромской губернии. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2005. № 3. С. 23–24.
29	*Март 1906 г.*	Отказ костромских и ярославских кадетов поддержать выборы в Государственный Совет	Протоколы ЦК конституционно-демократической партии 1905–1911 гг. / сост. Д. Б. Павлов, Н. И. Канищева. М., 1994. С.8.
30	*Апрель 1906 г.*	Проводы костромских и ярославских депутатов в Петербург. Прощальные встречи депутатов с избирателями, получение депутатами наказов и напутствий.	Поволжский вестник. 1906.№ 29. 18 апреля.
31	*25 апреля 1906 г.*	Торжественное освящение здания	Поволжский вестник. 1906. № 37. 28 апреля.

		Таврического дворца – места работы членов Государственной Думы	
32	*27 апреля 1906 г.*	Торжественная речь императора Николая II в Зимнем дворце по случаю открытия I Государственной Думы	Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. Париж, 1935. С. 120.
33	*30 апреля 1906 г.*	Отправка в Петербург на имя императора телеграммы от лица ярославских представителей Союза Русского народа	Русский народ. 1906. № 7. 30 апреля.
34	Май–июнь 1906 г.	Работа костромских и ярославских депутатов в Государственной Думе первого созыва: деятельность в думских комиссиях, участие в общих заседаниях парламента	Государственная дума. Указатель к стенографическим отчётам 1906 г. Сессия первая. СПб., 1907. С. 5.
35	*1 мая 1906 г.*	На собрании съезда учителей Костромской губернии была принята резолюция, направленная в парламентскую Трудовую группу, а	Поволжский вестник. 1906. № 55. 24 мая.

		также депутатам от Костромской губернии П. Д. Горохову и И. В. Замыслову. Резолюция содержала жалобы на произвол администрации в местных тюрьмах	
36	*8 мая 1906 г.*	Костромской депутат крестьянин И. В. Замыслов подписал кадетский «проект 42-х», посвященный разрешению аграрного вопроса	Государственная дума. Указатель к стенографическим отчётам 1906 г. Сессия первая. СПб., 1907. С. 57.
37	*29 мая 1906 г.*	Принятие Государственной Думой закона об отмене смертной казни	Северная речь. 1906. № 6. 25 июня.
38	*6 июня 1906 г.*	Встреча костромских депутатов З. Г. Френкеля и Н. А. Огородникова с избирателями Костромской губернии в квартире, подобранной Френкелем	Реформа. 1906. № 36. 7 июня.
39	*июнь 1906 г.*	Костромской депутат крестьянин И. В. Замыслов совершил	Речь. 1906. 28 июня.

		поездку по Костромской губернии, в ходе которой провел 7 крупных встреч с избирателями	
40	*12 июня 1906 г.*	Межфракционное собрание в Петербурге в доме Тенишевых с участием костромских и ярославских представителей	Речь. 1906. 28 июня.
41	*28 июня 1906 г.*	Выступление депутата от Костромской губернии З. Г. Френкеля по аграрному вопросу с критикой работы аграрной комиссии	Государственная Дума. Созыв I. Стенографические отчеты. СПб., 1906. С. 1145–1146.
42	*2 июля 1906 г.*	Костромской депутат крестьянин П. Д. Горохов на общем заседании Думы высказался за принудительное отчуждение помещичьих земель за справедливый выкуп	Государственная дума. Указатель к стенографическим отчётам 1906 г. Сессия первая. СПб., 1907. С. 56.
43	*6 июля 1906 г.*	Костромские депутаты З. Г. Френкель, Н. А. Огородников, И. В. Замыслов и П. А.	ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 550. Д. 34.

		Сафонов получили телеграмму от кинешемских избирателей о готовящемся в городе черносотенном погроме, о чем немедленно известили костромского губернатора	
44	*9 июля 1906 г.*	Роспуск I Государственной Думы	Поволжский вестник. 1906. № 95. 11 июля.
45	*10 июля 1906 г.*	В Выборге состоялось нелегальное совещание депутатов I Думы, подписавших Выборгское воззвание	Ярославские отголоски. 1906. № 1. 6 августа.
46	*Сентябрь 1906 г.*	По губерниям разослан циркуляр МВД, запрещавший лицам, состоявшим на государственной и общественной службе, вступать в партии левее Союза 17 октября	РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906. Д. 157. Л. 112.
47	*26 октября 1906 г.*	ЦК Партии народной свободы принял решение способствовать проведению в Думу	Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии / сост.

		представителей от рабочих	Д. Б. Павлов, Н. И. Канищева. М., 1994. С. 150.
48	*18 декабря 1906 г.*	Рассмотрение по инициативе ярославского губернатора А.А. Римского-Корсакова в Московской судебной палате дела редактора-издателя ярославской газеты «Северная речь» М. Е. Ливанова	ГАЯО. Ф. 347. Оп 1. Д. 666. Л. 14.
49	*25 января 1907 г.*	Политический скандал в Ярославле вокруг местных октябристов	Ярославские отголоски. 1907. № 20. 25 января.
50	*20 февраля 1907 г.*	Государственная Дума второго созыва начала свою работу. Депутат от Ярославской губернии Н. Н. Тучков отказался встать во время исполнения государственного гимна, за что был лишен придворного звания камер-юнкера.	Думский листок. 1907. № 4. 28 февраля.
51	*13 марта 1907 г..*	С трибуны Таврического дворца депутат от Ярославской губернии М.	Северная речь. 1907. № 50. 14 марта.

		П. Бобин и костромской депутат Н. Е. Антонов призвали коллег-думцев оперативно принять закон об отмене военно-полевых судов	
52	*27 марта 1907 г.*	Депутат от Костромской губернии Н. Е. Антонов с думской трибуны выступил с критикой столыпинской аграрной реформы	Думский листок. 1907. № 5. 28 марта.
53	*7 апреля 1907 г.*	Костромской депутат П. Е. Юницкий на общем заседании Думы раскритиковал деятельность властей на местах в деле проведения столыпинских реформ	Думский листок. 1907. № 15. 8 апреля.
54	*Апрель 1907 г.*	Думская комиссия о неприкосновенности личности при участии ярославского представителя М. П. Бобина внесла поправки в соответствующий законопроект	Думский листок. 1907. № 25. 20 апреля.

55	*3 июня 1907 г.*	Третьеиюньский переворот: роспуск Государственной Думы второго созыва и издание нового избирательного закона, ограничившего избирательные права народа	Костромские губернские ведомости. 1907. № 89. 6 июня.
56	*14 октября 1907 г.*	Губернские избирательные собрания в Костроме и Ярославле по выборам в III Государственную Думу	РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 229. Л. 4.
57	*1 ноября 1907 г.*	Начало работы Государственной Думы третьего созыва	Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. / сост. В. В. Кривенький, Н. Н. Тарасова. М., 1995. С. 340.
58	*29 мая 1908 г.*	С думской трибуны депутат от Костромской губернии крестьянин И. Е. Ананьев выступил за скорейшее разрушение общины и потребовал реформы местного самоуправления, призванной улучшить	Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия 1. СПб., 1908. С. 934; Ярославские отголоски. 1908. № 120. 31 мая.

		экономическое положение крестьян	
59	*19 февраля 1909 г.*	Выступление в Думе депутата от Костромской губернии В. С. Соколова, посвященное делу Е. Ф. Азефа	Поволжский вестник. 1909. № 825. 15 февраля
60	*Апрель 1909 г.*	В ряде выступлений с трибуны Таврического дворца представитель Костромской губернии рабочий-большевик П. И. Сурков резко критиковал политику правительства в отношении Русской православной церкви	Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1910 г. Часть IV. СПб., 1910. С. 844; Поволжский вестник. 1910. № 1174. 10 мая.
61	*2 июня 1909 г.*	Парламентские прения по вопросу сооружения железнодорожного моста в Костроме или в Ярославле. Дискуссия между костромским депутатом Г. Н. Ботниковым и ярославским представителем И.А. Куракиным. Принято	Поволжский вестник. 1909. № 906. 3 июня.

		решение о строительстве моста в Ярославле	
62	*10 февраля 1910 г.*	На общем заседании Думы приняты предложения депутата от Костромской губернии Г. Н. Ботникова по урегулированию ценовой политики в деле строительства водных и сухопутных путей сообщения	Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1910. Третья сессия. СПб., 1910. С. 986; Поволжский вестник. 1910. № 822. 12 февраля.
63	*8 марта 1910 г.*	При рассмотрении сметы Министерства народного просвещения народные избранники постановили выделить 7 млн рублей на нужды начальных народных училищ. Были приняты предложения ярославского депутата князя И. А. Куракина по развитию ремесленного образования в провинции	Ярославские отголоски. 1910. № 27. 10 марта.
64	*7 мая 1910 г.*	Прения в Думе по законопроекту, предусматривающему введение земств в шести	Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1910 г. Часть IV. СПб., 1910. С.

		западных губерниях. Выступления депутатов И. А. Куракина и В. С. Соколова	844; Поволжский вестник. 1910. № 1174. 10 мая.
65	*14 июня 1910 г.*	Принятие Государственной Думой закона о крестьянском землевладении, содержавшего правовые основы столыпинской аграрной реформы. За принятие закона проголосовали депутаты-костромичи – И. Н. Ананьев, А. П. Александровский, В. С. Соколов – и депутаты-ярославцы – И. А. Куракин, А. С. Соколов и Ф. Д. Андреев	Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Третий созыв. 1910–1911 гг. СПб., 1911. С. 333.
66	*26 сентября 1910 г.*	Арест полицией депутата от Костромской губернии П. И. Суркова за участие в нелегальных совещаниях социал-демократических организаций Владимирской,	ГАКО. Ф. 133. Оп. 36. Д. 34. Л. 17.

		Костромской и Ярославской губерний	
67	*октябрь 1910 г.*	Костромские депутаты-октябристы Г. Н. Ботников и В. С. Соколов совместно с костромскими земцами утвердили обязательные нормы по содержанию ветеринарных пунктов и расширению зданий скотолечебниц в Костромской губернии в рамках проведения столыпинских преобразований	Поволжский вестник. 1911. № 1633. 18 декабря.
68	*28 декабря 1910 г.*	На общем заседании Думы представитель Костромской губернии В.С. Соколов подверг критике организацию исполнения наказаний в России	Поволжский вестник. 1910. № 1359. 31 декабря.
69	*20 апреля 1911 г.*	В своем выступлении в Государственной думе костромской депутат кадет П. В. Герасимов осудил действия	Поволжский вестник. 1911. № 1446. 24 апреля.

		петербургских властей по применению силы в отношении студенческих беспорядков и запрете газетам писать об этом	
70	*10 июля 1911 г.*	Активное участие костромского избранника П. И. Суркова в организации забастовки ткачей в селе Яковлевское	ГАКО. Ф. 133. Оп. 36. Д. 34. Л. 19.
71	*10 апреля 1912 г.*	В Государственной Думе приняты три спешных запроса о событиях Ленского расстрела	Поволжский вестник.1912. № 1722. 13 апреля.
72	*19 мая 1912 г.*	На общем заседании Думы костромич кадет П. В. Герасимов предложил поправки в законопроект о волостном суде	Поволжский вестник. 1912. № 1751. 21 мая.
73	*18 июня 1912 г.*	Обращение представителей костромского духовенства к губернатору П. П. Стремоухову с просьбой не назначь выборы на	ГАКО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 18. Л. 57.

		воскресные и праздничные дни	
74	*июль 1912 г.*	Выдвижение кандидатов в депутаты Государственной Думы четвертого созыва от Костромской и Ярославской губерний	ГАКО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 18. Л. 85.
75	*16 сентября 1912 г.*	Отчет депутата Г. Н. Ботникова в Костромской городской Думе о проделанной парламентской работе	Поволжский вестник. 1912. № 1855. 30 сентября.
76	*20 октября 1912 г.*	Костромское и Ярославское губернские избирательные собрания по выборам в IV Государственную Думу	Поволжский вестник. 1912. № 1872. 23 октября.
77	*21 октября 1912 г.*	Протест костромского губернатора П. П. Стремоухова против включения в избирательные списки кадета П. В. Герасимова, избранного депутатом IV Государственной Думы от Костромской губернии	ГАКО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 13. Л. 36.

78	*ноябрь 1912 г.*	Интервью депутата IV Думы от Костромской губернии, видного предпринимателя А. И. Коновалова корреспонденту газеты «Поволжский вестник», посвященное политическим и экономическим проблемам российской действительности	Поволжский вестник. 1912. № 1897. 20 ноября.
79	*29 марта 1913 г.*	Костромской депутат А. И. Коновалов с трибуны Таврического дворца анализировал причины топливного кризиса в России и предлагал способы выхода из него	Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1913 г. Сессия первая. Часть II. СПБ., 1913. С. 209; Поволжский вестник. 1913. № 1997. 30 марта
80	*май, декабрь 1913 г; июнь 1914 г.*	Выступления ярославского депутата А. М. Черносвитова с трибуны Таврического дворца по вопросу реформирования судебной системы	Поволжский вестник. 1914. № 2331. 11 июня.
81	*23 мая 1913 г.*	Ярославский депутат князь Д. Д. Урусов	Северный вестник. 1913. № 113. 24 мая.

		историческими примерами доказывал необходимость и значение укрепления сухопутной армии и флота ввиду угрозы войны с Германией	
82	*июнь 1913 г.*	Выступление с думской трибуны прогрессиста Коновалова по вопросам развития промышленности, торговли и сельского хозяйства	Поволжский вестник. 1913. № 2046. 10 июня.
83	*20 ноября 1913 г.*	При голосовании в Думе путем баллотировки ярославский депутат князь Д. Д. Урусов избран товарищем председателя Думы, а депутат от Костромской губернии П. В. Герасимов – товарищем секретаря	Поволжский вестник. 1912. № 1897. 20 ноября.
84	*22 апреля 1914 г.*	костромские депутаты на заседании Государственной Думы участвовали в голосовании об	Поволжский вестник. 1914. № 2295. 24 апреля.

		исключении на 15 заседаний 21 депутата, среди которых был большевик Н. Р. Шагов	
85	*март 1914 г.*	Интервью костромского депутата Б. Н. Зузина газете «Поволжский вестник» о продвижении им в Думе интересов костромичей	Поволжский вестник. 1913. № 2280. 1 апреля.
86	*август 1914 г.*	Костромской депутат Б. Н. Зузин выступал в здании городской управы по вопросу об оказании помощи больным и раненым воинам в связи с началом Первой мировой войны	Поволжский вестник. 1914. № 289. 26 августа.
87	*октябрь 1914 г.*	Сбор костромскими депутатами П. В. Герасимовым и А. И. Коноваловым пожертвований на нужды действующей армии	Поволжский вестник. 1914. № 2449. 2 ноября.
88	*ноябрь 1914 г.*	Арест правительством всей группы депутатов-большевиков в Думе, включая костромского	РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 28. Л. 8.

		представителя Н. Р. Шагова	
89	*январь 1915 г.*	Костромской депутат Б. Н. Зузин и ярославский представитель К. К. Черносвитов выполняли поручения Государственной Думы в действующей армии	Поволжский вестник. 1915. № 2149. 10 июля.
90	*9 июня 1915 г.*	Депутаты Государственной Думы направляют запрос министру внутренних дел по поводу расстрела полицией демонстрации рабочих в Костроме 5 июня 1915 г	Поволжский вестник. 1915. № 2149. 10 июля.
91	*июль-август 1915 г.*	Депутат А. И. Коновалов принял активное участие в создании думского «Прогрессивного блока» под лозунгом создания «кабинета национальной обороны»	Старцев В. И. Взгляды А. И. Коновалова по рабочему во просу. Пролетариат России и его положение в эпоху капитализма. Львов, 1972. С. 41.
92	*12 декабря 1915 г.*	Ярославское губернское земство при участии депутата К. К. Черносвитова направило	Голос. 1915. 16 декабря.

		резолюцию в Государственную Думу с выражением поддержки тяжелой работе парламентариев в условиях военного времени	
93	*7-9 сентября 1916 г.*	На съезде уполномоченных губернских земств в Москве Б. Н. Зузин представлял Костромское губернское земство	Курьер. 1916. № 234. 12 сентября.

Приложение 2

Сословное происхождение депутатов

ФИО депутата	*Курия, по которой был избран*	*Сословие*
Депутаты I Государственной Думы от Костромской губернии[550]		
Горохов Павел Дмитриевич	крестьянская	крестьянин

[550] Первая Государственная Дума. Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной Думы. М., 1906.

Замыслов Иван Васильевич	крестьянская	крестьянин
Смирнов Александр Иванович	от общего состава выборщиков Костромского губернского избирательного собрания	крестьянин
Сафонов Петр Алексеевич	городская	мещанин
Огородников Николай Александрович	городская	Мещанин, представитель интеллигенции
Френкель Захарий Григорьевич	от общего состава выборщиков Костромского губернского избирательного собрания	Мещанин, представитель интеллигенции
Депутаты I Государственной Думы от Ярославской губернии[551]		
Шаховской Дмитрий Иванович	землевладельческая	дворянин
Некрасов Константин Федорович	городская	дворянин
Скульский Дмитрий Аркадьевич	Землевладельческая	дворянин

[551] Первая Государственная Дума. Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной Думы. М., 1906.

Строганов Василий Егорович	землевладельческая	мещанин
Костров Андрей Михайлович	крестьянская	крестьянин
Депутаты II Государственной Думы от Костромской губернии[552]		
Перелешин Александр Васильевич	от общего состава выборщиков Костромского губернского избирательного собрания	дворянин
Петерсон Борис Леонидович	от общего состава выборщиков Костромского губернского избирательного собрания	дворянин
Юницкий Павел Евлампиевич	городская	духовенство
Антонов Николай Евдокимович	крестьянская	крестьянин
Галунов Филипп Иванович	крестьянская	крестьянин

[552] Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX вв. / под ред. В. В. Шелохаева. М., 1996.

Калинин Алексей Васильевич	от общего состава выборщиков Костромского губернского избирательного собрания	крестьянин
Депутаты II Государственной Думы от Ярославской губернии[553]		
Тучков Николай Николаевич	землевладельческая	дворянин
Ваулин Василий Егорович	городская	крестьянин
Пуговишников Дмитрий Павлович	рабочая	мещанин
Лавров Иван Григорьевич	крестьянская	крестьянин
Бобин Михаил Павлович	городская	дворянин
Депутаты III Государственной Думы от Костромской губернии[554]		
Соколов Василий Семенович	землевладельческая	духовенство
Ботников Геннадий Николаевич	городская	мещанин

[553] Ярославские отголоски. 1907. № 30. 7 февраля.

Александровский Александр Петрович	землевладельческая	духовенство
Герасимов Петр Васильевич	от общего состава выборщиков Костромского губернского избирательного собрания	мещанин
Сурков Петр Ильич	рабочая	крестьянин
Ананьев Иван Егорович	крестьянская	крестьянин
Депутаты III Государственной Думы от Ярославской губернии[555]		
Куракин Иван Анатольевич	землевладельческая	дворянин
Кожевников Александр Петрович	крестьянская	крестьянин
Эльтеков Сергей Кузьмич	городская	купечество
Андреев Федор Дмитриевич	от общего состава выборщиков Костромского губернского избирательного собрания	крестьянин

[555] РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 229. Л. 4.

Соколов Александр Серапионович	от общего состава выборщиков Костромского губернского избирательного собрания	духовенство
Депутаты IV Государственной Думы от Костромской губернии[556]		
Мухин Александр Николаевич	крестьянская	крестьянин
Шулепников Иван Васильевич	землевладельческая	дворянин
Герасимов Петр Васильевич	городская	мещанин
Шагов Николай Романович	рабочая	рабочий
Зузин Борис Николаевич	от общего состава губернского избирательного собрания	дворянин
Коновалов Александр Иванович	от общего состава губернского избирательного собрания	мещанин
Депутаты IV Государственной Думы от Ярославской губернии[557]		

[556] Поволжский вестник. 1912. № 1872. 23 октября.
[557] Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Четвертый созыв. СПб., 1913.

Урусов Дмитрий Дмитриевич	землевладельческая	дворянин
Беляев Александр Тимофеевич	крестьянская	крестьянин
Николай Николаевич Тучков	землевладельческая	дворянин
Черносвитов Александр Михайлович	городская	дворянин
Ратьков-Рожнов Александр Геннадьевич	землевладельческая	дворянин